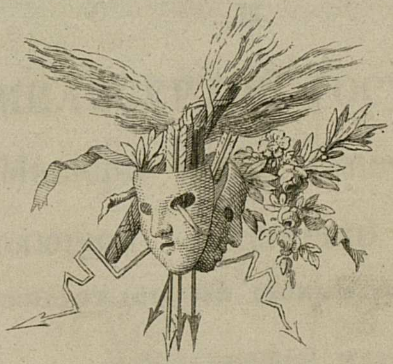
зала 330
шкафъ
полка № 29

СОЧИНЕНІЯ

НИКОЛАЯ СТРУЙСКАГО

ЧАСТЬ ПЕРЬВАЯ.



ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
печатано съ указнаго дозволенія у Шнора.
1790 года.

ЕКАТЕРИНѢ

ВЕЛИКОЙ

ПРЕМУДРОЙ

И

ПРЕМИЛОСЕРДОЙ ГОСУДАРЫНѢ

Матери моего Отечества

Озаряющей россїйскїй парнассъ

и снисхожденїемъ своимъ матерьнимъ

увѣнчевающей музъ

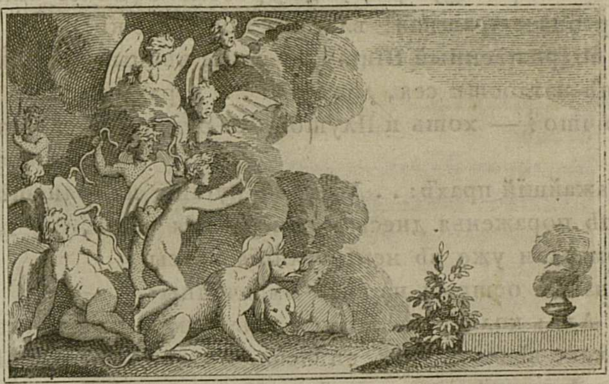
Миртомъ и Лаврами.

посвящаетъ

сїи, малыя свои труды

вѣрноподданнѣйшїй

Николай Струйской.



ЕЛЕГІЯ

на
смерть
АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА СУМАРОКОВА.

Пронзайся трескомъ днесь несноснымъ ты мой слухъ! . .
Разись ты грудь, моя: терзайся, весь, мой духъ . . .
Пляши Церберъ! пляши, зря трупъ огня лишенный!
Божественной души лучи въ немъ потушенны:

Свистите Фурїй вы; вы! Гарпїй, лейте ядъ.
Сокрылся ты на вѣкъ несносный аду взглядъ! . .
Я весь трепещу зря, надъ гробомъ Сфинксъ зїяетъ:
Горгона страшная! власами потрясаетъ!
Се бодрственный Пїитъ, въ сонъ, вѣчный погруженъ;
Отъ наглости сея, лежитъ! . . нераздраженъ?
Но что? — хоть и Плутонъ съ руганьемъ самъ предстанетъ?
Дражайшїй прахъ: . . Увы! въ руганїе не грянетъ . . !
Отъ пораженья днесь злосмертныя косы,
Померкли уже въ немъ величїя красы
И взоры острыя на вѣки омраченны!
О! Адъ: колико кратъ ты былъ имъ, огорченный!
Колико въ жизни сей, въ тебя онъ стрѣлъ вонзилъ! - -
Свидѣтелемъ весь свѣтъ побѣдъ ево тѣхъ былъ.
Тогда какъ онъ собой верху горы касался,
И смертнымъ будучи, тебя, не ужасался! . .
И днесь - ! Когда уже ево пресѣкся вѣкъ!
Когда за подвиги къ безсмертью онъ притекъ;
Подобенъ въ Музахъ ставъ Россїйскихъ Аполлону:
И на главу свою, воздѣлъ, изъ лавръ корону:
Ко увѣнчанью онъ своихъ прехвальныхъ дѣлъ:
Подвигнулъ Тартара, въ послѣднїй, весь предѣлъ!

ЕЛЕГІЯ

II.

Ужъ нѣтъ тебя! . . Ужъ нѣтъ, . . дражайшїй Сума-
роковъ! . .
Сокрылся ты на вѣкъ гонитель злыхъ пороковъ! . .
Уже не будемъ мы тебя, во вѣкъ здѣсь зрѣть? . .
Лишъ въ злобныхъ только смерть не можетъ жизнь
претерть!
Они еще живутъ; . . они еще здѣсь, дышутъ!
Превредоносныя, къ нему руганьемъ пышутъ - - - -
Являя изъ себя единъ лишъ только смрадъ:
Сего Героя былъ для нихъ: . . ужасенъ взглядъ. —
Прошли! прошли тѣ дни, въ которыя онъ прежде,
Пороки охуждалъ: въ злодѣйствїи въ невѣждѣ!
И алчбы скверной здѣсь, потрясывалъ покой! . . .
Котора въ жизнь ево терзалась имъ тоской.
Не будемъ больше зрѣть, сего воспламененья!
И къ пораженью имъ мучительства стремленья!
Минулось все уже; . . и нѣтъ ево теперь! —
Ты затвори въ теятрѣ о Мельпомена дверь! —
Рыданьемъ ты своимъ лишъ плачь въ насъ умножаешъ,
И въ томну грудь бїя? — всѣ чувства поражаешъ.
Ахъ! можно ли по немъ сто кратъ не возрыдать,
Когда ево ужъ намъ, во вѣкъ здѣсь не видать!
А вображаючи, съ нимъ вѣчно разлученье?
Какое кромѣ слезъ мы сыщемъ облегченье! . .
Которы ахъ по немъ, - - обильнѣй, тѣмъ текутъ:
Что Музы тѣнь ево объяти не могутъ.

Прекрасный нашихъ свѣтъ очей ты закатился!
Во безъизвѣстный край, во вѣчность преселился.
Оставивъ времяню - - ! цвѣтущїй твой, Парнассъ. - -
И ахъ! уже мы твой съ него не слышимъ гласъ! . .
Прїятности ево къ намъ больше не слетаютъ;
И нѣжности ево лишась, сердца не таютъ?
И столь твой стройный тонъ, возмогъ въ насъ слухъ плѣнить!
Колико ты сердецъ могъ въ жизни пламенить!
Твоя прехвальна жизнь, -- доколь здѣсь продолжалась;
Поезїи краса, - - вседневно умножалась?
Божественъ твой языкъ! къ намъ сладость, всю пролилъ . . !
И Гипокрены ты росою насъ кропилъ.
По самый злой тотъ часъ какъ рокъ твой совершился,
По самый гробъ въ тебѣ! твой жаръ - - не потушился!
И, въ часъ, когда ты боль, боль, смертный ужъ вкусилъ:
Еще тогда сїе ! - - еще провозгласилъ - - -
На смертномъ бывъ одрѣ и бѣдностью покрытый?
,,Ужель врагами мнѣ всѣ пропасти изрыты:
,,И я кончаю вѣкъ, отъ пагубныхъ сѣтей!
,,Монархиня по мнѣ покровъ моихъ дѣтей.
Играньемъ прежднимъ онъ, предъ смертью тутъ вспылая:
Изъ сладости сихъ словъ скосила смерть презлая.
Подобно Исполинъ! онъ текъ великїй путь!
И ни могло, ни кое зло, - - - языкъ прильпнуть ? —
Се! мзда великихъ душъ исполненныхъ ученья!
Разумный Николевъ! се словъ твоихъ реченья.
Не тщетно ты о немъ, не тщетно возрыдалъ,
Когда онъ чувствїя въ безчувственныхъ рождалъ!

Не рвись! любимецъ Музъ и согласись со мною!
Что участь тѣхъ людей, всегда! пребудетъ злою!
Которы ядъ мертвивъ отечество любя
Спасаючи ево, ужъ не щадятъ себя!
Лишъ слава въ вѣчность ихъ по смерти лишъ возводитъ,
И Сумарокова мой духъ, ужъ тамъ находитъ? —
Оплакалъ ты ево, о, Николевъ, стеня:
Токъ слезъ похваленъ твой; - - хвалю тебя, и я! —

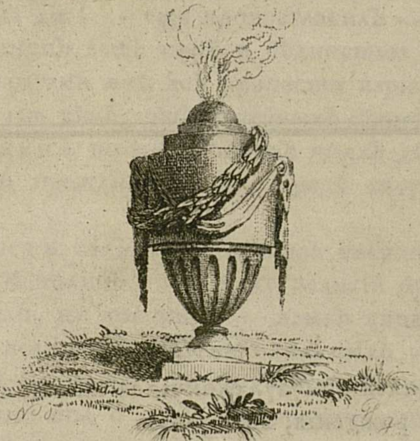
А. П. С. родился въ 1727. скончался на пятидесятомъ году своего рожденія, въ Москвѣ.

КЪ МУЗАМЪ.

*

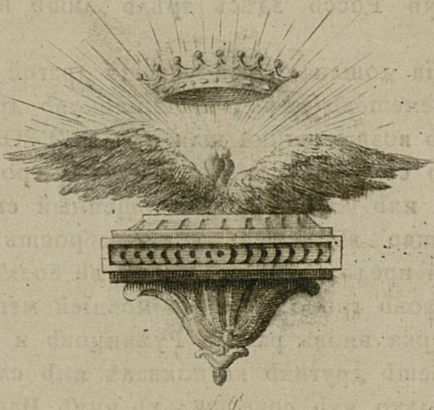
Музы!.. Талїя и Мельпомена;
Ерато, Клїо и Евтерпа.
И ты! пребыстра Терпсихора:
Дражайшая изъ всѣхъ и лучша Каллїопа:
Рождались вы имъ здѣсь
Въ поезїи безсмертной?
Украсьте гробъ ево непышнымъ одѣяньемъ.
Скажите мїру вы; и такъ, со мной, реките.

„Се здѣсь той мужъ лежитъ: кой истинну любя;
„И злобѣ лишъ одной на свѣтѣ семъ грубя:
„Пороковъ здѣсь всѣхъ былъ, невѣжества гонитель.
„Былъ радостей творецъ: забавъ изобразитель!



ЕПИТАФІЯ
ГРАФУ АЛЕКСѢЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ РАЗУМОВСКОМУ.

Любимца Царскаго здѣсь тлѣнъ опочиваетъ:
Со имянемъ ево, и въ прахъ не сотлѣваетъ!
Но естьли бъ и сотлѣлъ; и мѣльче бъ пеплу былъ:
То и тогда бъ, сей прахъ, для всѣхъ, безцѣненъ слылъ.
На мѣстѣ семъ лежитъ; быть мнится добродѣтель...
ЕЛИСАВЕТИНЫХЪ щедротъ,.. всѣхъ дѣлъ свидѣтель.
Монархиня Сама ему вѣнцы плела!
Рукой Своей ево, безсмертья въ храмъ ввела.



ко изображенїю ГРАФА ФРАНЦА ЯКОВЛЕВИЧА ЛЕФОРТА.

Лефорта славнаго сей видъ изображаетъ;
Лефортъ мой умъ и мысль, и сердце заражаетъ.
Лефорта мнѣ почтить и долгъ и честь велитъ:
Лефортъ мнѣ образомъ своимъ на душу влитъ.
Лефорта я люблю: ПЕТРУ онъ былъ полезенъ!
Лефортъ былъ съ Нимъ въ бояхъ, въ посольствѣ былъ любезенъ.
Лефортъ, и съ кораблей, надъ Турками гремѣлъ.
Лефортъ въ Россїи здѣсь, трїумфъ, онъ первый зрѣлъ.
Предшествовалъ самъ въ немъ, въ примѣръ Героямъ многимъ:
Которыхъ Россъ здѣсь зрѣлъ лишъ по заслугамъ строгимъ.
Не многїя дошли къ сей участи драгой:
То Шереметевъ шелъ, и Меншиковъ другой.
Здѣсь съ возвышенной шли они ПЕТРОВОЙ славой:
Стяжавъ себѣ вѣнцы, среди войны кровавой.
Исторїя ихъ чтитъ и просвѣщенный свѣтъ,
За дѣйство въ нихъ ума и храбрость и совѣтъ,
Которой предъ ПЕТРОМЪ они въ бояхъ являли!
На Готфовъ громъ Ево! со молнїей метали.
Какъ Турка вновь разилъ Румянцовъ и Орловъ
Недостаетъ другихъ ко похвалѣ имъ словъ,
Какъ только ихъ сочесть: къ нимъ Панинъ Долгоруковъ:
Достойны прадѣдовъ а праотцы сихъ внуковъ.

Потемкинъ славно намъ Тавриду приобрѣлъ
Таврическаго онъ названье возъимѣлъ.
Ахъ! не былъ бы и ты Лефортъ забвенъ здѣсьболѣ:
Когда бъ съ ПЕТРОМЪ ты былъ еще вновь въ ратномъ полѣ.
Стяжалъ бы ты Лефортъ лавровы вновь вѣнцы!
Гремѣлъ бы ты Лефортъ земны во всѣ концы.
Подобно бъ ты гремѣлъ какъ здѣсь гремятъ Герои:
Подобны Гектору! ты бъ былъ Улисъ близъ Трои.
Побѣды бъ знатныя и въ свой рядъ одержалъ,
Иль славно бъ межъ враговъ за грудь ПЕТРОВУ палъ.

Ни чемъ неустрашимъ! ПЕТРЪ велъ Самъ войско въ полѣ:
Когда бъ ты зрѣлъ Ево Лефортъ въ Полтавской долѣ.
Какъ онъ ужасна льва Своей рукой сразилъ,
Весь мечъ въ него Свой мечъ! двократно въ зевъ вонзилъ!
Весь мечъ въ него вонзя, сталъ обагренъ вдругъ кровью.
А плѣнныхъ какъ щадилъ съ родительской любовью.
И злѣйша варваровъ отступниковъ простилъ:
Которыхъ передъ тѣмъ Мазепа обольстилъ.
Сей врагъ! Сей злѣйшій врагъ Отечества предатель?
Бѣгуща Карла вспять, достойный соблюдатель.
Любови ни къ кому сей извергъ не хранилъ:
Противъ Монарха всталъ: злодѣйски измѣнилъ!
Явился и упалъ со львомъ какъ мертвы тѣни.
Наслѣдникъ Карловой короны, въ тѣжъ ступени!
Сей хочетъ ужъ вступить съ ЕКАТЕРИНОЙ въ брань.
Въ ЕКАТЕРИНѢ ПЕТРЪ дадутъ достойну дань.
Единъ взгремитъ съ небесъ, другая въ мїръ со трона:
И будетъ мїръ здѣсь зрѣть, вновь Готфска Фаетона.

Ликуй Великїй ПЕТРЪ Тебя здѣсь Россы зрятЪ!
ВЪ ЕКАТЕРИНѢ зримЪ Твои лучи зарятЪ?
Твой громЪ! Твой страшный громЪ вЪ Ея рукахЪ блистаетЪ!
А сердце храброе Орлицей возлетаетЪ!
Ея премудрости уже дивится свѣтЪ.
ПротивныхЪ супостатЪ ПЕТРЪ Ею вЪ мигЪ смететЪ!
Ево и мечЪ вЪ Ея рукахЪ, денницей блещетЪ!
ОтЪ сильнаго чресла рожденной врагЪ встрепещетЪ?
ТаковЪ былЪ Россїй ПЕТРЪ ты коему служилЪ!
Жалѣемъ о тебѣ ЛефортЪ, ты мало жилЪ.

Еще кЪ тебѣ скажу: намЪ жить . . . не вЪ нашей волѣ?
Здѣсь не было ПЕТРУ подобно на престолѣ?
ЗаконодавецЪ былЪ МонархЪ ПЕТРЪ и ОтецЪ:
Безсмертїя стяжалЪ по праву ОнЪ вѣнецЪ.
Весь свѣтЪ ПЕТРА почтилЪ великимЪ по ПолтавѢ!
Превосходящаго ГероевЪ смертныхЪ вЪ славѣ!
Затмившаго вЪ свой вѣкЪ АлкидовЪ и БоговЪ
Свергающаго вЪ адЪ мгновенно тмы враговЪ!
Кто сможетЪ постоять противЪ Ево десницы!
ПЕТРОВО племя здѣсь; здѣсь вЪ дни, Императрицы.
Палящей молнїей, сколь кратЪ Ей ТуркЪ ожженЪ?
ВЪ Лиманѣ флотЪ ево, при Чесмѣ весь сожженЪ.

СЪ тобой здѣсь украшалЪ, здѣсь ПЕТРЪ, Россїйски флаги!
Морскїя испыталЪ сЪ ПЕТРОМЪ, ЛефортЪ здѣсь влаги.
ОнЪ первый и вЪ корабль; и первый флотЪ повелЪ:
Ты первый на корабль и адмираломЪ сѣлЪ?
АзовЪ вострепеталЪ ПЕТРА увидя сЪ флагомЪ!

Беллона на конѣ Нептунъ текъ быстрымъ шагомъ.
Минерва при ПЕТРѢ и неотступно съ Нимъ;
Взнесенъ ты былъ Лефортъ и возвеличенъ Имъ!
Протекъ ты красный путь любимцовъ путь какъ
должно;
Ефестїономъ стать, не каждому возможно.
Великїй Александръ умѣлъ какъ побѣждать
Великодушенъ ПЕТРЪ, заслуги награждать!

Увы! сказалъ такъ ПЕТРЪ, когда Лефортъ
скончался:
„Днесь съ вѣрнымъ членомъ Я, отечества разстался?
„И не имѣю днесь, кто бъ столь мнѣ вѣренъ былъ.
„Колико мнѣ Лефортъ всѣхъ ревностнѣй служилъ!
Всемъ сердцемъ Онъ вскипя, дабы узрѣть хоть въ гробѣ,
Лежащаго тебя оплакати хотѣлъ . . . .
Оставя славный трудъ съ Воронежа летѣлъ?
Дабы узрѣвъ тебя сокрыть въ земной утробѣ!
Толикой честїю, тебя лишъ здѣсь почтилъ:
Трїумфомъ прахъ твой здѣсь; слезами гробъ смочилъ!

ЕЛЕГІЯ
III.

на преставленїе

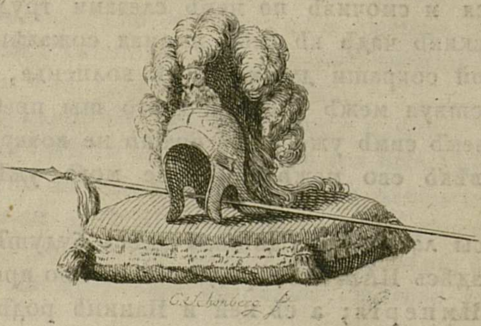
ГРАФА
НИКИТЫ ИВАНОВИЧА ПАНИНА.

Вздыхайте вѣрныя вздыхайте Росски чада!
Оплачьте вы сего Феникса нашихЪ лѣтЪ!
Оплачьте Панина, ево ужЪ больше нѣтЪ!
Несись ты вѣсть сїя среди престольна града!
Терзая всѣхЪ сердца и поражая слухЪ.
Оплачьте вы со мной, того, о Россы вѣрны?
Заслуги кто явилЪ отечеству безмѣрны!
Кто ПАВЛА воспиталЪ! кто направлялЪ вЪ НемЪ духЪ!
Кому РоссїйскихЪ странЪ Владычица столь мощна,
Судила возрастить Свою преславну кровь,
И кто привлекЪ сїю Монархини любовь,
ПредЪ цѣлымЪ свѣтомЪ Той хвалимЪ колико можна.
Заслуги мы ево удобны вобразить,
Представя лишЪ вЪ умѣ сїю черту едину,
Простря на ПАВЛА взорЪ вЪ НемЪ зря ЕКАТЕРИНУ:
КакЪ ПанинЪ вЪ сынѣ мать возмогЪ изобразить.
Ея премудрый духЪ кЪ отрадѣ вЪ мїрЪ несется.
КакЪ солнце воскатясь, вЪ вселенну сыплетЪ свѣтЪ:
И ПАВЛА кЪ мудрости возникша столько лѣтЪ,

И ПАВЛА къ мудрости возникша столько лѣтъ,
Ево прекроткїй духъ во вѣкъ не потрясется.
Уже Минерва все устроила умомъ,
Воздавъ и Ментору награду всю по чину.
Днесь ахъ возсѣтуетъ! спознавъ ево кончину!
Дражайшїй Князь, стенешъ, - - стенетъ и весь
Твой домъ.
И вы, грядуща зря ево во вѣчность Музы:
Разсыпьте по пути со лавромъ кипарисъ! - -
Наперстникъ мудрости; - - съ Олимпа сходитъ
въ низъ!
Вы зрящи гробъ ево! имѣвши съ нимъ союзы!
Наполнили вы весь рыданьемъ вашимъ градъ!
Лей, слезы! - - и страдай, какъ вѣчно ты не рвался:
Не съ братомъ, съ другомъ ты теперь на вѣкъ
разстался?
Стени ты ахъ теперь ево любезный братъ.
Геройскихъ ты теперь доспѣховъ совлекайся,
И вмѣсто брони днесь, во вретищѣ предстань.
И горькимъ токомъ слезъ воздавъ сїю ты дань
Съ любезнымъ тлѣномъ симъ, въ послѣднїй разъ
прощайся?
Прощайся и смочивъ по немъ слезами грудь:
Ты Россихъ чадъ къ себѣ внимая сожалѣнье,
Геройской сократи души твоей волненье,
И здравствуя межъ насъ на долго ты пребудь!
Стенаньемъ симъ уже твой братъ не возвратится,
Знать вѣкъ ево межъ насъ, не могъ ужъ больше
цвѣсть:
Но Россы лавръ ему, дотоль здѣсь будутъ плесть
Доколь здѣсь ПАВЛОВЪ родъ и вѣкъ Ево продлится.
Доколь Имперїя; а съ ней и Панинъ родъ,

ВЪ двухЪ братьяхЪ знаменитЪ во вѣчности пребудетЪ?
И кто заслуги вЪ васЪ кЪ отечеству забудетЪ,
Которыя вЪ васЪ чтитЪ Минерва и народЪ.
Но ахЪ! симЪ словомЪ духЪ, твой ПанинЪ лишЪ мятется!
Рѣкой мнѣ зрится слезЪ потокЪ твоихЪ очей!
И только-лишЪ вЪ твоемЪ стенанїи рѣчей,
Любезный братЪ земной утробѣ предается!..
Сноси! любезный ГрафЪ, сноси печаль сїю!
ВЪ которой мы тебя зря стонемЪ и страдаемЪ:
О братѣ мы твоемЪ какЪ о своемЪ рыдаемЪ?
И ясно вобразить, вЪ насЪ можешЪ, боль твою?

Не льзя пристойнѣй быть, желанья вЪ смертныхЪ болѣ,
КакЪ чтобЪ лишЪ сЪ честью жить, а должно умереть:
И будемЪ мы себя какЪ сей во гробѣ зрѣть.
СсѣкаетЪ смерть и тѣхЪ, которы на престолѣ!



СТИХИ
на преставленїе
Свѣтлѣйшаго Князя
ГРИГОРЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧА
ОРЛОВА.

*

Ахъ! не брегите днесь вы Музы, пышный гласъ!
Не радостенъ для васъ, сей грозный, томный часъ!
Въ порфирѣ и въ вѣнцѣ коль слезы проливаютъ?
Мнѣ въ арфу томную: - - - - злы, парки ударяютъ?

*

Кого срѣтаетъ духъ! стонающїй въ сей разъ:
Пять братовъ было ихъ одинъ на вѣкъ сокрылся!
Орловъ, съ родителемъ своимъ, соединился.
Ужъ не возблещетъ здѣсь межъ ихъ во вѣкъ для насъ!

*

И уже нѣтъ ево: увы! въ сей жизни бренной!
Хоть и дивимъ мы мїръ, весь, мїръ намъ подклоненной:

Чего бЪ не возсоздать не смогЪ здѣсь человѣкЪ:
И что ево хотя здѣсь былЪ недологЪ вѣкЪ!

---

*

ОднакоҀ — Кто жЪ явилЪ себя достойнымЪ болѣ:
Блистая краткїй вѣкЪ; хоть рокЪ ево скосилЪ:
Кто жЪ больше вЪ жертву жизнь отечеству взносилЪ!
ОрловЪ здѣсь кЪ щастью цвѣлЪ: служивЪ, правдивой волѣ.

---

*

АхЪ! грусть меня разитЪ; падетЪ перо изЪ рукЪ:
Горчае нѣтЪ для МузЪ и тяжче оныхЪ мукЪ:
Кто Истинну вѣщавЪ, перомЪ той обладаетЪ:
Сего Героя нѣтЪ: мой духЪ - - - по немЪ рыдаетЪ.

ЕПИГРАММА

на Карла XII.

Скажи о Муза мнѣ, кто Паткуля казнилъ:
Карлъ, благость тѣмъ своей души изобразилъ?
За что онъ Паткуля казнилъ?
Сей рыцарь вольности за правы говорилъ!

Письмо
къ
НАСТАСЬѢ ПЕТРОВНѢ ЮШКОВОЙ
на преставленїе
супруга ея
ИВАНА ИВАНОВИЧА ЮШКОВА.

ЕЛЕГ: IV.

Померкли Юшкова на вѣкъ твои цвѣты,
Которыми всякъ часъ благоухалась ты.
Къ прекрасной ты цвѣтовъ царицѣ не касайся;
И съ стебля ты фїоль, срывать не покушайся;
Бѣлѣйшу лилїю, съ ясминами забудь,
И погружай теперь въ слезахъ стоная грудь;

Другимъ теперь оставь ты ими украшаться;
Предъ кѣмъ цвѣла ты въ нихъ, не будетъ утѣшаться.
И радости твои съ собой онъ въ гробъ унесъ.
Не къ миртамъ съ нимъ идешь; но въ кипарисный лѣсъ:
Стенешь дражайшаго, лишившись въ вѣкъ супруга;
Стени и рвись по немъ! ты въ немъ лишилась друга.
Лишаюся и я, въ немъ, друга своего,
Содѣтеля лишенъ спокойства моего.
Спознавъ сїю злу вѣсть покой мой въ мигъ теряю,
И мысль плачевную въ плачевный домъ вперяю.
Стремлюсь я пренестись, хоть вздохомъ къ тѣмъ мѣстамъ,
Чтобъ хладный прахъ ево обнять въ послѣднїй тамъ,
Гдѣ гробъ ево: и гдѣ стенанье возрастаетъ:
Духъ дружески въ сей часъ туда предстать желаетъ.
Увы! какой мнѣ въ слухъ, бїетъ и вопль и стонъ;
Се верхъ наградъ ево! . . стяжалъ, которы онъ? . .
Безлестная душа изъ тѣла охладѣла:
Оставя бренный тлѣнъ на вѣки отлетѣла?
Безгласна зря тебя, супруга слезы льетъ;
И грусти по тебѣ до смерти не минетъ.
Отчаенъ весь зрю домъ: и мать и сынъ страдаютъ,
Народны въ честь хвалы надъ гробъ твой упадаютъ.
Любимъ ты былъ отъ всѣхъ; и что бы путь твой зрѣть,
Подвиглась вся Москва участье въ томъ имѣть.
Спознай! друзей твоихъ, съ тобой днесь разставанье.
О, время: ты взнеси, днесь въ вѣчность то стенанье!
Которо къ дружеству онъ въ жизни самъ явилъ;
Взнеси къ почтенїю, чтобъ тѣмъ извѣстенъ былъ.
Сїя объ немъ хвала въ стихахъ моихъ не свянетъ;
И дружба имянемъ ево, гордиться станетъ.

По Сумароковѣ онъ слезы проливалъ,
„Когда той строгїй другъ, тѣснимый унывалъ,
„И какъ ево душа здѣсь съ тлѣномъ разставалась,
„Кончанья ждавъ ево тѣмъ злоба забавлялась.
„И какъ по семъ уже дыхати онъ престалъ:
„Ко праху Юшковъ тамъ, единый лишъ предсталъ.
„Единъ, съ Архаровымъ: и былъ тому свидѣтель,
„Съ какимъ возмездїемъ сокрыта добродѣтель.„

О! ты почтенїя достойный и похвалъ
Дражайшїй гражданинъ, почто былъ вѣкъ твой малъ?
Пускай, когда бъ ты вшелъ, въ путь къ старости глубокой;
Тогда бъ и паркой злой пресѣклась нить жестокой.
Ты бъ жизнїю своей, друзей насъ услаждалъ.
Не равнымъ ты однимъ; Монархамъ угождалъ?
Коль щастливъ былъ твой день! когда въ твой домъ, въ сїи двери,
Пришествїе ты зрѣлъ ПЕТРА Великой Дщери.
Сколь славно возблисталъ, твой домъ! въ твой красный часъ:
Когда былъ слышанъ въ немъ, ЕКАТЕРИНИНЪ гласъ?
Присутствомъ ты Боговъ! почтенъ былъ въ жизни оной.
Твоихъ сїи часы, часовъ есть всѣхъ короной.
О, Юшковъ! и тебя межъ нами днесь ужъ нѣтъ;
Но добродѣтельный и въ гробѣ милъ живетъ!
Коварныя сердца гнїя въ земной утробѣ,
За жертвы тайныя творимыя здѣсь злобѣ,
По смерти столькожъ здѣсь прегнусны всѣмъ сердцамъ,
Колико въ жизни бывъ, и самымъ ихъ, льстецамъ?

Тебѣ! о Юшкова, всѣхъ болѣе извѣстно,
Колико онъ любилъ честныхъ людей нелестно:
Колико благъ желалъ; кому онъ здѣсь ласкалъ?
Что ко другимъ являлъ; къ себѣ то самъ снискалъ?
Тебѣ, ведущей жизнь всегда со похвалою,
Снѣдаемою днесь тоской и мукой злою,
Тебѣ твой нѣжный другъ во всемъ отверстымъ былъ:
Такъ вѣдаешь сама ково онъ въ жизнь любилъ...
Ко мнѣ ево любовь была непреткновенна;
Послѣдняя прїязнь не будетъ въ вѣкъ забвенна,
И будетъ въ памяти, дотоль она моей,
Доколѣ провождать теченье буду дней!
Твои тебя друзья о! Юшковъ, не забудутъ;
И въ Юшковѣ младомъ тебя здѣсь зрѣти будутъ.
А что бы въ жизнь ему тебѣ подобнымъ стать;
Наставитъ въ томъ ево, ево родивша мать.
Взрощай, учи твой плодъ, въ любови съ нимъ рожденный,
Похвальнымъ качествамъ; онъ къ дружбѣ упрежденный?
И что бы сынъ твой здѣсь, явивъ въ себѣ ту кровь
Отъ коей въ свѣтъ рожденъ, снискалъ лишъ въ тѣхъ любовь:
Въ которыхъ ты сама сердца нелестны знаешь,
И коихъ ты людьми, честнѣйшими считаешь!

* *
*

Письмо
къ г. Академику Рокотову.

Рокотовъ!... достоинъ ты названъ быти по смерти сыномъ дщери Юпитеровой; ибо и въ жизни ты нынѣ отъ сыновъ Аполлона уже любимцемъ тоя имянуешися. Прехвальную сїю и многостоющую къ дарованїямъ и искусству твоему относящую честь, не токмо сїи, но нѣкогда и сама Мельпомена засвидѣтельствовать тебѣ благоволила. Когда Россїйскаго Парнасса основателя и соорудителя храма ея возлюбленнаго сына своего Сумарокова, земъ несодрогаемою своею рукою привела предъ твой мюлбрстъ: судя быть кисть твою достойною изобразить черты сего великаго и безсмертнаго мужа; и когда ты почти играя ознаменовалъ только видъ лица и остроту зрака его, въ той часъ и пламенная душа ево, при всей ево нѣжности сердца на оживляемомъ тобою полотнѣ не утаилася. Грацїи, возсмѣялися. А наустительница всякаго зла гордящееся вѣчнымъ безстрашїемъ мерзское лихоимство, которому и самые адскїе жители изумляются: видя супостата своего тобой потомству живо написуемаго, содрогнулося! и самъ Аполлонъ то зря во честь тебѣ

тогда ударилъ въ струну. А ты совосхищенъ, и проникая во внутренность души сего великаго мужа, по троекратномъ дѣйствїи и толикомужъ отдохновенїю и совершилъ для насъ сїю твою неоцѣненную работу.

*

Тобою зракъ того котораго ужъ нѣтъ,
Мы будемъ созерцать до самыхъ поздныхъ лѣтъ!

V.

На смерть вѣрнаго моего Зяблова послѣдующую въ Рузаевкѣ 1784 года узнанную мною въ Москвѣ.

Прости! мой вѣрный рабъ; ужъ я тебя лишился!
Я чту: что жребїй твой послѣднїй, совершился!
И вѣсти о тебѣ я сей не ожидалъ . . .
Хотя претяжкою болѣзнью ты страдалъ!
Но на одрѣ тебя я жива тамъ оставилъ;
Когда отъ Инзарскихъ бреговъ свой путь направилъ.
Не представлялъ сего чтобъ ты покинулъ свѣтъ:
Но ахъ! уже тебя мой Зябловъ . . . . . больше нѣтъ.
Оплачь ево любя со мной дражайша Муза:
Искавшаго всегда съ ученїемъ союза:
Днесь горькимъ прахъ ево слезъ токомъ ороси:
И имя ты ево въ потомство пренеси!
Пускай, хоть былъ онъ рабъ; но слезъ достоинъ будетъ?

Пускай ево мой родъ, заслугъ всѣхъ не забудетъ?
Пусть будетъ вображать, какъ онъ мнѣ вѣренъ
былъ . . . ?
И въ жизни сей ево, за что я такъ, любилъ?

Минерва тѣмъ въ сердца науки насаждаетъ,
Для нихъ кто въ свѣтъ рожденъ; лишъ тѣхъ и
награждаетъ.
Хотя бъ владѣтелевъ; иль былъ пастушiй сынъ:
Предметъ ея наградъ, для всѣхъ, и чинъ одинъ?
Ей все равно, на свѣтъ, кто кѣмъ рожденъ бы ни
былъ:
Лишъ только бъ къ храму той, съ отверстымъ
сердцемъ прибылъ.
А въ немъ съ раченiемъ; - - и было все сiе? . .
Отъ пахаря онъ въ свѣтъ прiявши бытiе.
Врожденной склонностью къ наукамъ прилѣплялся;
Художественна кисть съ которой къ нимъ являлся.
А съ той какъ первы онъ успѣхи получилъ
Къ вниманiю добра и сердце прiучилъ?
Въ Исторiю тотъ часъ влекомый мной пустился,
И гласу чистыхъ Музъ онъ внять поработился.
Отъ чтенiя творцовъ какъ изострилъ свой умъ;
Онъ въ древности прозрѣлъ Геройскихъ много думъ.
Казалось: и тогда! что вкусъ ево исправенъ!
Но какъ приникъ ужъ къ тѣмъ кто въ семъ ис-
кусствѣ славенъ!
Лишъ шибкую черту Бушера онъ узрѣлъ,
Къ Плафонну мастерству не тщетно возгорѣлъ.
Мнѣ въ родѣ сихъ трудовъ оставилъ онъ примѣты:
Въ двухъ комнатахъ верхи ево рукой одѣты.
Овальную ль кто зритъ; иль мой квадратный залъ:

Всякъ скажешъ! Зябловъ здѣсь всю пышность показалъ!
Рачитель строгихъ думъ, достойный слезъ теченья!
Списатель моего ты былъ изобрѣтенья . . .
Премерзостнѣйшїй видъ : . . . то лихоимства смрадъ.
Съ которымъ въ мїръ свою! къ намъ дщерь, изрыгнулъ адъ?
Ко омерзенью въ свѣтъ что первымъ мной явленну:
Чрезъ кисть твою тамъ зрятъ въ плафонѣ оживленну.
Къ которому свой взоръ сколь кратъ ни возведутъ,
Проклятїе и честь столь кратножъ воздадутъ!
Богини кроткїя въ немъ зрятъ изображенье! . .
Почтенъ гдѣ Меценатъ: — наукъ, гдѣ уваженье?

Лебрюнъ, . . . Миньяръ, Жерардъ . . . . и ты о Коипелъ!
Вы! Тицїанъ Картонъ, Жорданъ и Рафаелъ.
Животныхъ ты жанъ Фютъ списатель есть преславны . . !
Лафосъ: фанъ Ло, Риго, и Еизенъ мнѣ нравны?
Анжело! . . . ахъ и ты возлюбленъ мной Бушеръ!
Онъ коего здѣсь кисть почтилъ, превыше мѣръ.
Вы естьли бъ зрѣть могли! вы зрѣли бъ то съ раченьемъ!
Съ коликой бодростью и должнымъ къ вамъ почтеньемъ,
Свой множа къ вамъ талантъ, вашъ, вкусъ изобразилъ?
И въ прелестяхъ картинъ весь взоръ мой погрузилъ - - - -

Но естьли въ Божїй храмъ Царя Царей кто всходитъ;
Тотъ Бога въ существѣ присутственна находитъ?
Вездѣ! съ политры тамъ разсыпанъ, фимїамъ!

Надзоромъ подъ ево и сей созижденъ храмъ.
Подобно весь мой домъ въ которомъ обитаю;
Я дѣло рукъ ево повсюду обрѣтаю.
Внутри! съ наружи ль что; плѣнить коль можетъ взоръ:
Иль стройно обнесенъ какъ кажется мой дворъ!
Иль Іонической архитектуры виды;
Раченью въ томъ ево не здѣлаютъ обиды.
Хотя искуству былъ сему и не ученъ
Но былъ ево снискать усердьемъ привлеченъ?

Но кто твоихъ даровъ, кто вождь былъ и начало:
Чѣмъ въ жизни сей тебя искусство ужъ вѣнчало.
Ты въ нѣжности скажи, кому въ той подражалъ?
И кто столь юну кисть пристойно воздержалъ!
То Рокотовъ: мой, другъ! . . . твой благодѣтель . . .
Съ пиктурой о тебѣ прехвальный есть свидѣтель.
Которой по тебѣ со мной днесь слезы льетъ!
И мертвому тебѣ привѣтствіе даетъ.

СТИХИ

ПОХВАЛЬНЫЕ

КНЯЗЮ

Платону Степановичу Мещерскому.

Мещерской истинно хранишъ ты Той законъ
Богини коей днесь ты ставишъ пышный тронъ!
Отъ Невскихъ ты бреговъ ко Волжскимъ прилетаешъ
И двухъ намѣстничествъ сотитлой ты блистаешъ.
Коль спѣшно во предѣлъ гдѣ Пензы есть округъ
Спѣшитъ сія къ намъ вѣсть и возрастаетъ вдругъ!
Что ты Монаршу власть, своею днесь рукою,
Предъ образомъ Тоя, раскроешъ тамъ къ покою,
Гдѣ свято завсегда хранилъ ты правый судъ:
Казань Симбирскъ твоихъ устройствъ, не тщетный трудъ;
И грады всѣ тобой въ восторгѣ веселятся
Для коихъ жребій палъ, тебя, не отдѣлятся.
И будутъ часть свою опять какъ прежде зрѣть,
Стремятся всѣ къ тебѣ любовью тамъ горѣть?

Но Пенза и Саранскъ тобой бывъ восхищенны,
Въ безстрастнѣйшихъ сердцахъ жалѣньемъ днесь стѣсненны:
Ужель! хранитель къ намъ, подобно былъ какъ ты
Прибудетъ въ сій мѣста, защитникъ правоты?

Первымъ тисненіемъ изданы въ 780.

Межъ насъ, когда ты былъ, хоть были бъ крокодилы;
Въ правленье ахъ твое! не ощутили бъ силы.
И алчбы страшный зевъ, поднесь еще дрожитъ
Отъ взору твоево трепещетъ и бѣжитъ?
Какъ грозный валъ пловцовъ отважныхъ погружаетъ;
Законъ продерзскихъ такъ изъ рукъ твоихъ сражаетъ.
Не безпокоился кто правъ, хоть сиръ, убогъ:
Къ тебѣ кто прибѣгалъ ты тѣмъ уже помогъ.
Всегда ты былъ одинъ, всегда единодушенъ?
О! какъ ты Князь своей Монархинѣ послушенъ!
Что тщился навсегда уставъ Ея хранить
Привлекъ ты насъ себя неволею любить.

Когда кто власть Ее премудру наблюдаетъ
И подданныхъ отъ рукъ коварныхъ избавляетъ;
Когда порочнѣйшихъ отъ зла кто отвратитъ,
Гонимой простотѣ кто ставитъ крѣпкiй щитъ,
И явно кажетъ всѣмъ отъ злобы оборону:
Достоинъ предстоять, какъ ты Монаршу трону.

Внемли моихъ стиховъ: о! Князь, поющу рѣчь;
Которую ты могъ толь праведно извлечь.
Что Ѳемисъ о тебѣ красясь тобой вмѣщала:
И Муза днесь моя то самое вѣщала.

ЕПИТАФІЯ.

Зарытъ здѣсь Самвязамъ:
Колдунъ! . . ево любили,
Тѣ кои истинну и правду здѣсь губили.
Былъ родственникъ князьямъ.
За злато измѣнялъ онъ всѣмъ своимъ друзьямъ.
Гнилой ево здѣсь трупъ по малу истлѣваетъ:
Закупоренъ колдунъ! но прахъ ево смердитъ.
Теперь пусть въ Тартарѣ, пускай тамъ успѣваетъ.
И предъ Миносомъ онъ сердитъ
И унываетъ.

КЪ Г. А. КРОПОТОВУ.

Кропотовъ можно ли намъ не болѣть
Знавъ что Ермолка возмогъ околѣть? - -
Умеръ Ермолка! въ старости лѣтъ
Въ Тартаръ направилъ, смѣло полетъ.

СТИХИ СЕМЕНУ ПЕТРОВИЧУ ОЗЕРОВУ.

Стремишся ты Герой теперь въ свой городокъ *
А отъ тебя меня отъемлетъ, строгій рокъ!

* Село, мѣсто его пребыванія.

Не льзя мнѣ слѣдовать, не льзя теперь съ тобою;
Разлуку претерпѣть предписано судьбою.
Но духомъ я къ тебѣ усерднѣйшимъ горю?
Повѣрь моимъ словамъ, что правду говорю.
Когда бъ моя судьба была не столь мнѣ злобна;
Была бы разлучить съ тобой мя неудобна.
Но рокъ уже судилъ разлуку понести,
Прости любезный другъ, о ты Герой, прости!

КЪ Е. Д. ОЗЕРОВУ.

къ записной ево книжкѣ отъ имяни брата ево.

Сїю тебѣ твой братъ днесь книгу посвящаетъ,
Котора чистую бумагу лишъ вмѣщаетъ.
Онъ зря наклонность всю къ ученїю въ тебѣ,
Желаетъ чтобъ пришла она, къ своей, судьбѣ,
И все что отъ наукъ полезное возмнится;
Твоимъ перомъ въ сїю на память да вмѣстится.
Дабы ученїе, которому ты внявъ,
Могло передъ тебя представить, тьму забавъ.
Будь щастливъ отъ наукъ: но кто въ ученїи зрится,
Особо въ юности; не стыдно тѣмъ хвалится.

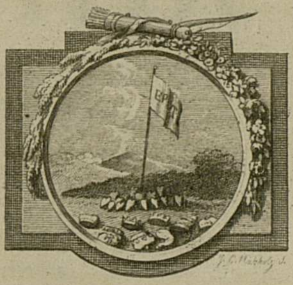
КЪ ИВАНУ СЕМЕНОВИЧУ ЛЮБУЧЕНИНОВУ.

Любучениновъ, ахъ! ты мимо проѣзжаешъ?
Почто ко мнѣ твой путь толь близкїй оставляешъ?

Почто, тебя чтобъ зрѣть взманивъ изъ далека
Двукратно ты протекъ какъ быстрая рѣка?
Или твой путь ко мнѣ сокрытъ былъ строгимъ рокомъ:
Оставилъ ты ево; ахъ! знаю, ненарокомъ.
Въ далекія страны по должности спѣшишъ;
Ты зрѣть себя уже на долго мя лишишъ!
Но естьли ты меня, мой другъ, коль въ правду любишъ;
Какъ ты въ своихъ чертахъ мнѣ дружество сугубишъ,
Коль такъ: то шествуя близь Инзары въ свой путь,
Не позабудь во верхъ сея рѣки взглянуть,
Которая тебя встрѣчая призываетъ
Въ жилище, гдѣ твой другъ проститься ожидаетъ.

КЪ N. N.

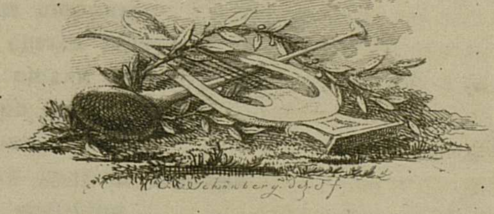
О ты котораго почтить мой духъ желаетъ:
Въ комъ блещущій талантъ и свѣтлый огнь пылаетъ
Въ комъ зависть невластна досаду произвесть
И истинна тобой здѣсь убиваетъ лесть!
Гнушается уже тѣмъ и сама здѣсь злоба
Что не могла низвесть твой твердый духъ до гроба?
Что прелесть здѣсь ты гнавъ отъ омраченныхъ глазъ:
Свидѣтель есть мнѣ въ томъ, Фернейской Музы гласъ.
Свидѣтель, есть тебѣ! о! ты ставъ мздой кумиру;
Безъ сожалѣнья хоть покорствуешъ судьбѣ,
Но Музы при Невѣ возстонутъ по тебѣ.
Да и настроютъ въ честь тебѣ хоть поздно лиру.



ЛЮБОВНЫЯ

И ДРУГІЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ.



ЗЕФИРЪ.

Дыханїе Зефирно,
Опять ты прилетаешъ,
Опять меня цѣлуешъ,
А мнѣ твое лобзанье
Пресладостняй Нектара;
Иблейска слаще меда!
Тебѣ лишъ одни токи
Прозрачной Иппокрены,
Одни, равняться могутъ?
Се ты меня коснувшись
Ко пѣнїю склоняешъ,
И въ сердце удрученно,
Бореемъ чрезъ всю зиму,
Что было имъ томимо,
Вливаешъ новы соки:
Которыя даруютъ
Мнѣ прежнюю охоту
Прїяти въ руки лиру.
Я слабыми перстами
Ея настрою струны.
И персты стали тверды;
И струны стали звонки,
Тебя Зефиръ пренѣжный,
Тебя любимецъ Флоры
Я симъ мнѣ новымъ тономъ
Тебя хочу воспѣти
Толь нѣжными стихами!
Которыми до нынѣ
Ниже единымъ словомъ,
Ниже кого безсмертныхъ,
Не только чтобъ героевъ

Ни мать твою прекрасну,
Хоть знавъ Анакреонта
Не текъ къ ево я тону,
Не тщился ублажати.
Тебя лишъ ими въ первый
О! ты Зефиръ сладчайшїй,
Пою во восхищеньи?

Мнѣ съ чѣмъ тебя сравнити?
Но льзя ль подобить меньше
Дающа жизнь, Пермесса!
Ты самъ на Геликонѣ,
Всегда со Аполлономъ,
Со Музами блаженны,
Безсмертный обитаешъ?
И матери дражайшей
Которая тобою,
Живитъ однимъ вселенну,
И все совоскрешаетъ:
Ты сынъ всегда послушный?
Весна ль твоей душею
Иль ты ея зиждитель
Еще я сомнѣваюсь?
Когда твое дыханье
Съ Олимпа высочайша
Текуще по вселенной
Не шло бъ на крилахъ робкихъ:
На крилахъ тѣхъ пренѣжныхъ,
Которы въ самой страсти
Тебя несутъ къ любезной:
Тогда бы все погибло!
Тогда бъ и всѣ стихїи
Одна съ другой смутились

И все бы превратили,
Во нощь пресмертоносну!
Тогда бъ и всѣ Піиты:
Тогда бъ и сами Музы,
Лишившись стройной лиры
Лишившись бы свирѣли
Съ безсмертными вѣнцами
Престали бъ помышляти
О жертвахъ имъ даемыхъ:
О лаврахъ бы зеленыхъ - - - ?

Но ты когда нисходишъ
Тебѣ въ державно время
Ефиромъ въ Понтъ тончайшимъ!
Едва которой дышетъ:
Однако грозны бури
Собой ты усмиряешъ?
И Богъ надъ вѣтромъ буйнымъ,
И тотъ что со трезубцомъ
Тебѣ робѣя, плещутъ.
А естьли посѣщаешъ
И твой предметъ дражайшій!
Тобой плѣненну розу:
Надъ тѣмъ взнесенны тучи
Перунъ разженный съ блескомъ,
Готовый къ пораженью
На время умягчаешъ?
Но больше не вѣщаю:
Ты Фебу равносущный!
Живитель ты, вселенной!
Вся тварь тобою дышитъ!
Тебя алкаютъ Боги . . . .

ПѢСНИ.

I.

Вянь ты вянь ты цвѣтокъ;
Вянь лазоревой мой!
Мнѣ не нуженъ видъ твой,
Ты завянь и заблїокни.

* *

Мнѣ веселья ужъ нѣтъ
Весь постылъ нынѣ свѣтъ
Меня милой не любитъ.

* *

Не цвѣти ты въ саду
Не грусти молоду
Мнѣ веселье не мило.

* *

Прочь утѣха летитъ
Коль къ другой онъ бѣжитъ,
Онъ бѣжитъ и цѣлуетъ.

* *

Обожаетъ ее
Все творитъ для нее,
Онъ слезитъ мои очи!

* *

Мнѣ измѣнникъ мой милъ
Хоть и жаръ въ немъ простылъ
Ему щастья желаю.

* *

Хоть въ досадѣ горѣть
Да любя умереть
Я вѣрна ему буду.

* *

Мстить другой не хочу;
Симъ въ отмщенье плачу:
Пусть любя веселятся.

* *

Ахъ чево я хочу!
Я къ мученью лечу:
Хоть на вѣкъ бы простится?

* *

Гдѣ, ты, милой дружокъ - - - ?
Приходи - - - въ сей лѣсокъ.

II.

За что судьбина строга,
Мнѣ казнь сїю дала?
Къ чему тиранка многа
Ты стала мнѣ мила!
За что меня терзаешъ,
И люто такъ сражаешъ,
Измѣной ты своей? - - -
Нѣтъ жалости твоей,
За всю мою любовь къ тебѣ! 2:

Нѣтъ силъ моихъ снесть злобу,
Невѣрность зря твою;
Влачишъ меня ты къ гробу,
Рвешъ душу ты мою
Ругайся сколько можно!
Рази тебѣ возможно!
Ко гробу мя привлечь;
И знай что льстива рѣчь
Одна меня сразитъ тотъ часъ. 2:

Жить больше не желаю
Измѣнну зря тебя;
Я сильно ужъ згараю
Отмщеньемъ на себя.
На что я въ свѣтъ родился,
Когда такъ рокъ озлился
Судилъ тебя узнать:
Ахъ! что теперь, начать?
Дари мнѣ ядъ изъ рукъ твоихъ! 2:

Дари скоряй коль хочешъ
Меня тѣмъ утѣшать;
Старайся, ты то можешъ,
Сей даръ мнѣ поспѣшать..!
Съ весельемъ дожидаю
Что живъ о томъ страдаю,
Я съ радостью умру,
Оковы тѣ прерву,
Чѣмъ скованъ былъ на вѣкъ съ тобой. 2:

III.

Ты жестокая смѣешся
Какъ я стражду безъ тебя,
И ни мало такъ не рвешся
Какъ тираню я себя.
Я съ тобою въ разлученье
Самъ не знаю что я сталъ
Терплю лютое мученье
Кое я не представлялъ.

Нѣтъ во дни часу ни въ ночи,
Чтобъ я могъ тебя забыть,
Все прекрасны твои очи
Привлекаютъ вновь любить:
Все велятъ забыть измѣну,
Кою здѣлала мнѣ ты;
И любви твоей премѣну,
Щитать только за мечты.

Но ахъ! можно ли не рваться
Вспомня тотъ ужасной часъ,
Какъ могла ты мной ругаться
За любовь мою въ тотъ разъ!
Позабыть жестоки клятвы,
Кои въ жертву мнѣ дала,
И забыть часы прїятны
Въ кои стала мнѣ мила.

Не сама ль ты то твердила:
  Буду вѣрной въ вѣкъ тебѣ!
Ахъ! не ты ль то говорила
  Оковавши въ плѣнъ къ себѣ!
      И, слезами орошалась,
        Заклинаясь вѣрной быть;
      Ты зря меня утѣшалась
        Что хочу тебя любить.

Я любилъ тебя, не ложно;
  Ты то вѣдаешъ мой свѣтъ.
Мнѣ повѣрить было можно,
  Что въ любви твоей льсти нѣтъ:
      Я не думалъ сей премѣны,
        Отъ драгихъ твоихъ очей;
      И тиранской той измѣны,
        Слыша клятвъ твоихъ рѣчей.

Но за всѣ, мои прїязни,
  За всю вѣрность и любовь;
Ты содѣлала мнѣ казни!
  Вспаля лестно мою кровь.
      Ты сама воспламенила,
        Сильной жаръ въ моей крови,
      И въ награду измѣнила!
        Презря жаръ моей любви.

Ахъ ты можешъ ли стыдится,
Зря себя въ порокахъ сихъ,
Что любовникъ твой крушится,
Отъ всѣхъ слабостей твоихъ?
И еще тебя прощаетъ,
Забывъ злость твою въ тотъ часъ;
И скрыть стыдъ твой обѣщаетъ:
Только ужъ въ послѣднїй разъ.

Ты не думай что ты можешъ,
Скрыть твою притворну лесть;
Меня тѣмъ не востревожишъ
Потерявши свою честь.
Я и нынѣ бъ былъ спокоенъ,
Зря измѣну твою мнѣ;
Но я бъ жить былъ недостоинъ,
Не простя въ сей разъ тебѣ.

Я простилъ тебѣ по волѣ,
Кою надъ собой имѣлъ,
Чтобъ увѣрить тебя болѣ
Сколь щадить тебя хотѣлъ:
Я взиралъ на слезны токи:
Какъ текли изъ глазъ твоихъ:
И на тѣ со клятвой строки,
Кои есть въ рукахъ моихъ.

Ты почувствуй мою муку,
И любовь мою къ тебѣ,
И представь сердечну скуку,
Вобразя мой боль себѣ,
Вобрази какъ я страдаю
Стражду въ злѣйшей муки я.
Я невѣрну обожаю,
И умру любя тебя.

Сжалься сжалься надо мною
Не сражай опять меня;
Сжалься, сжалься надъ собою,
Береги мой свѣтъ себя.
Естьли разъ еще обманешъ,
Честь твоя отыдетъ прочь;
Меня жива не застанешъ,
По измѣнѣ въ перьву ночь.

Ахъ, прости, прости драгая,
И въ разлукѣ не забудь,
Мои рѣчи вспоминая,
Какъ клялась, такъ вѣрна будь;
Естьли ты мнѣ не измѣнишъ
Обожать буду во вѣкъ,
И тѣхъ клятвъ не перемѣнишъ,
Знай, что вредный вѣкъ протекъ.

* *
*

IV.

Ахъ могъ бы я, спокоенъ быть,
Не зря тебя во вѣкъ;
Покинулъ бы тебя любить
О милой человѣкъ!
Несносно жить, когда лишусь
Любви твоей; я сокрушусь!
Но ахъ, ужъ зрю тебя въ чужихъ рукахъ:
2:

*

Я помню тотъ щастливой часъ
Когда въ любви клялась;
Не льзя забыть тотъ милой разъ,
Какъ ты мнѣ отдалась.
Клялась въ любви мнѣ вѣрной быть,
И одново по смерть любить.
И ахъ! за что ты измѣнила мнѣ? 2:

*

Или за то, что вѣренъ былъ
И что я обожалъ,
И пламенно тебя любилъ
И жизнь въ томъ полагалъ:
Послушенъ былъ на всякой часъ
Въ минуту обожалъ сто разъ
И чтилъ тебя всегда душей моей! 2:

*

Когда жЪ ты заклиналась мнѣ
Всю вѣрность сохранить,
Не зрѣлЪ ни малой я мечты,
ЧтобЪ послѣ измѣнить
КЪ чему жЪ! была та сЪ ядомЪ лесть,
За что тиранка люта месть
Дана тобой за вѣрность мнѣ! 2:

*

Сношу коль осужденЪ судьбой
На вѣки я страдать,
Несть горести во гробЪ сЪ собой;
Но нѣтЪ силЪ покидать!
Невѣрная! мила ты мнѣ,
Я зрю себя теперь во тьмѣ
Прощаяся на вѣкЪ сЪ тобой. 2:

V.

АхЪ какое было щастье
Зрѣть драгую вѣрной мнѣ,
Пролетало все ненастье
Солнце зрилось и во снѣ.
ОдинЪ взглядЪ тогда драгой
ВображалЪ, вѣкЪ золотой.

*

Когда зрѣлъ ее безъ лести,
  Мило все казалось въ ней;
Теперь нѣтъ уже въ ней чести!
  Мести всѣ готовы ей?
        Я на всякой въ жизни часъ
        Обожалъ ее сто разъ.

*

Но нѣтъ способу невѣрну
  Удержать себя губить
И къ другому страсть безмѣрну
  Больше силъ нѣтъ истребить.
        Ты съ нимъ вѣкъ свой и живи,
        И обманщицей слыви.

ДВѢ ЕПИГРАММЫ.

Прекрасну зрю тебя и разумомъ довольну
Знай мнѣ уже тебя дороже въ свѣтѣ нѣтъ,
Въ глазахъ моихъ я зрю прекраснѣйшїй всѣхъ цвѣтъ;
Но видѣть не могу, тебя такъ своевольну.

*   *   *

Въ пресильномъ я огнѣ горѣлъ къ тебѣ, ты знаешъ;
Невѣрностью тебѣ никакъ не согрубилъ;
А нынѣ что простылъ, за то ты мнѣ пеняешъ.
Невѣрностью твоей я жаръ свой потушилъ.

* *
*

ЕПИТАФІЯ

ПТИЧКѢ.

О, птичка? жаль тебя: паришъ не въ высоту
И смертью всю въ себѣ теряешъ красоту:
Аѳинѣ, птичка ты издревле посвященна,
Минервину въ глазахъ являя быстроту;
А для того была и намъ ты здѣсь священна,
Лежишъ! но кажешся и мертва несмущенна.

ЛЮБОВНИКИ.

Любовникъ.

Иль ты не сможешъ
Мя полюбить,
Естьли ты можешъ
Вѣрной мнѣ быть;
Время удобно,
Мнѣ ты мила:
Розѣ бъ подобно
Ты расцвѣла?

Любовница.

Естьли бъ, какъ роза?..
  То пощади!
Прежде мороза,
  Не повреди.
Сколь ты ни стройно
  Мнѣ говоришъ;
Развѣ пристойно
  То повторишъ?

Любовникъ.

Иль ты не сможешъ
  Мнѣ пособить;
Естьли тѣмъ можешъ
  Мнѣ угодить?
Время способно,
  Мнѣ ты мила.
Розѣ подобно
  Ты расцвѣла!

Любовница.

Естьли какъ роза;
  То погоди,
Прежде мороза
  Не повреди - - -
Сколь ты ни страстно
  Мною горишъ,
Все мнѣ опасно
  Что ты твердишъ.

Любовникъ.

Естьли стыдишся,
 То премогу - - -
Естьли гордишся,
 Я побѣгу.
Льзя ль не обидѣть
 Давши отвѣтъ?
Стыдъ ли ужъ выдетъ
 Гордости ль слѣдъ.

Любовница.

Естьли стыжуся,
 Въ томъ я не лгу;
Естьли горжуся,
 То я солгу.
Можешъ мой видѣть
 Томный отвѣтъ:
Можно ль обидѣть
 Милый предметъ.

* * *

СТИХИ.

Еротъ! . . ты могъ ужъ все? сему ль не можно статся,
Чтобъ я могла всякъ часъ съ драгимъ здѣсь любоватся?
Онъ скромностью твоей и пламенемъ гордясь,
Повсюду можетъ быть съ любезной, не таясь.

* * *

VI.

ЕЛЕГІЯ

къ

КУПИДОНУ.

Писана ко утѣшенію друга во вкусѣ Овидія.

Возми любезный богъ назадъ, что ты мнѣ далъ:
Возми свой пламень ты! я коимъ въ вѣкъ страдалъ.
Разженъ былъ Аполлонъ тобой имъ къ Коронисѣ;
Меня подобно жегъ къ прелестной онъ Тамисѣ.
Но то былъ богъ разженъ: а ты меня сгубилъ?
Иль смертный я тебѣ отлично согрубилъ:
Ахъ нѣтъ, дражайшій богъ, и въ часъ, какъ я терзаюсь;
Тебѣ крылатый богъ въ сей часъ я повергаюсь?
Мученья мнѣ сего хоть нѣтъ и силъ снести;
Но щастливъ я и тѣмъ, что могъ ево, нести!
Простри! Пафосскій богъ, ко мнѣ свою днесь руку:
Оставь . . . или умножъ въ сей часъ! мою ты муку.
Разимый я стеню, твоей, о богъ, рукой:
Терзаюсь, мучусь я; лютѣйшею тоской.
Веди; куды ведешъ? тамъ бѣдъ моихъ начало.
Или всесильный богъ того мученья мало,
Которо я тобой во младости вкусилъ?
Съ Тамисой я тебѣ тамъ жертвы приносилъ!

Прелестныя глаза, вотъ тутъ мнѣ грудь пронзили:
Какъ молніями мя безгромными сразили?

Которыхъ зрится бѣгъ съ вечерней стороны,
Въ предшествїе они Зефирамъ приданы.

Предъ утромъ въ красный день! когда Аврора всходитъ,
И скромно за собой вдругъ солнцевъ лучь выводитъ;
Каковъ тутъ отъ одеждъ ея бываетъ свѣтъ:
Въ Татисиномъ лицѣ игралъ подобный цвѣтъ.
Пронзенъ ея красой мой духъ поколебался.
Спозналъ! что ты есть богъ, и самъ ты въ ней скрывался.
При вздохахъ грудь ея прелестная дрожитъ.
Мой взоръ со вздохомъ къ ней, неволею бѣжитъ.
Всѣ чувства и душа и сердце встрепетали.
Тутъ стрѣлы сладкїя съ обѣихъ странъ летали!
Глаза къ ея очамъ мои устремлены:
Казались и ее къ моимъ прилеплены.
То падая на низъ и томныя сжимались,
То къ верьху, и опять, моими уловлялись.
И руки наконецъ чтобъ страсти угодить
Стремились невзначай чтобъ имъ сплетеннымъ быть.
Всѣ члены: духъ весь въ насъ, и мысли тутъ резвились?
Едины лишъ уста въ той часъ не насладились.
Безмолвствовать въ тотъ день ей Гименъ повелѣлъ,
Открыться я въ любви словами ей не смѣлъ.
Въ тотъ день былъ Танталъ я! терпя ево я муки;
И только разъ лишъ могъ лобзать, прекрасной руки.
Которы мнѣ она вздохнувъ тутъ подала:
Симъ вздохомъ у меня всю вольность отняла.
Прости! сказалъ я ей, я буду въ вѣкъ крушится:
Я зрю, что часть твоя; и въ сей же день свершится!

Въ минуту ону огнь сквозь рукъ ея дышалъ
И перстъ ея руки, мой перстъ обворожалъ.

Какими прелестьми мой взоръ тутъ вновь разился!
Какой въ грудь пламень мнѣ протекъ, и внутрь разлился!
Пріятно днесь тебѣ, то зрѣть! и слышать богъ,
Какую страсть во мнѣ ты вспламенить къ ней могъ!
Не зрѣлъ въ себѣ сихъ мукъ любовникъ Аретузы;
Ниже Парисъ въ той часъ! какъ рвалъ Атрида узы.
Алфей влекомъ красой полсвѣта пробѣгалъ,
Другой дщерь Лиды зрѣть моря всѣ преплывалъ.
Прещастливъ ты Персей! едва лишъ въ путь пустился;
Прекрасну въ мигъ исторгъ и съ ней соединился.
Раставшись я по семъ съ красавицей иду
И жалобы мои на случай злой кладу.

Такъ голубь: коего въ тотъ мигъ, злой вихрь срываетъ!
Какъ онъ къ цѣлованной голубкѣ приступаетъ.
Вдругъ мчитъ ево взмутясь, дымя ево тѣмъ зракъ,
Любезну потерявъ онъ падаетъ во мракъ.
Безчувственъ уже онъ по воздуху несется;
И крылья опустивъ, злу вѣтру предается?
По семъ стремглавъ летя, въ долину онъ падетъ:
Хотя дыхать ево тутъ Евръ, и возведетъ!
Хоть и въ полетъ взнесетъ, онъ тѣмъ не взвеселится,
Доколь съ возлюбленной опять не съединится.
Голубка безъ нево: трепещуща то зритъ,
Какъ гнусный коршунъ къ ней вдругъ въ воздухѣ паритъ.

О щастье! было ль ты когда кому такЪ вредно!
Нещастье! ты одно любовникамЪ наслѣдно.
ЛишЪ случай намЪ вЪ сердца утѣхи привлечетЪ,
Нещастье ихЪ однимЪ ударомЪ пресѣчетЪ!
АхЪ! можно ль чтобЪ когда сЪ прекрасной лишЪ спо-
знатся,
И вЪ тотЪ же мигЪ почти прельщенну раставатся!
АхЪ сносно ль! что бы мнѣ, вЪ чужихЪ рукахЪ ту
зрѣть,
КЪ которой духЪ мой весь сталЪ пламенемЪ горѣть?
Увы! не льзя забыть, часовЪ драгихЪ тѣхЪ вѣчно,
ВЪ которы чувствовалЪ веселье сЪ ней сердечно?
Не льзя! не вобразить, любовь, твое мнѣ зло:
Которо кровь мою и чувствы всѣ зажгло?
ДостигЪ! желанныхЪ дней, которыхЪ сЪ ней хотѣли!
ДостигЪ, но вскорѣ дни пресладки, пролетѣли.
Не долго страсть сїя мя пользовать могла,
И муки лишЪ одни на вѣчность сберегла.

Сокрылись вы мои дражайши сЪ ней утѣхи!
Простите радости, игры, забавы смѣхи . . .
Веселье ты мое? . . уходишЪ отЪ меня:
Почто взлюбила ты нещастнаго плѣня:
Почто и я тебя спозналЪ, спознавЪ могЪ видѣть!
А видючи тебя, возможно ль ненавидѣть? . .
Прекрасна, и тиха, во младости тѣхЪ лѣтЪ,
ВЪ которы сердце мысль любовну подаетЪ;
РазсыпавЪ предо мной цвѣты подобно Флорѣ,
Любительница МузЪ! подобясь, Терпсихорѣ.
И, знавЪ своею страсть мою какЪ умѣрять:
Возможно ль не взрыдавЪ красу ту утерять!
Прости! скажу сто кратЪ проливЪ потокЪ я слезный!

Увялъ ты предо мной предметъ мой прелюбезный.
Тобой скажу Еротъ, красой я сей, . . владѣлъ!
И множество прiятствъ въ толь кратко время
зрѣлъ?
Внемли Киѳеринъ сынъ, я рвусь! и повторяю:
Возми свой пламень ты, которымъ жизнь теряю?
Влюбленнымъ больше мнѣ, во вѣкъ ужъ не бывать
Татисѣ дарагой, меня, не обнимать!
И что здѣсь нѣтъ ее! тоской изнемогаю:
Ужъ нѣтъ ея! хоть я къ стенанью прибѣгаю.
Разрушъ свой стройный чинъ въ природѣ естество
И дай хоть разъ мнѣ зрѣть мной чтимо божество
Которо предо мной въ глазахъ моихъ блистало
И тающе въ моихъ объятьяхъ страсть питало!
Дай мнѣ насытиться, той зрѣньемъ, ахъ! очей.
Той сладостiю устъ, прiятствомъ всѣхъ рѣчей.
Которые когда, томящаясь пускала . . .
И цѣловавъ! . . мою вонъ душу извлекала?
Ахъ бракъ твой! онъ тебя здѣсь съ свѣтомъ разлучилъ!
И отъ любовника нѣжнѣйша отлучилъ? . .
Блаженна ты въ красахъ, прелестна Левкотоя
Когда богъ Музъ къ тебѣ! свой лирный гласъ устроя:
Прохладой въ дышущи Зефирами часы
Явилъ къ тебѣ всю страсть и Феба онъ красы!
А ты содрогшаясь: но страсти уступая,
Какъ къ Илиму когда, Гедера прилипая.
Такъ съ богомъ ты въ той часъ красой ево плѣнясь
Во восхищенiи съ нимъ безъ спору обвилась.
Такъ нѣкогда со мной, прекрасная Татиса!
О плодъ любви моей, взростай моя, Елиса? . .
Какъ съ розы цвѣтъ когда Борей лютъ и смятетъ
Другой предъ солнцемъ вдругъ подобный расцвѣтетъ.

Преславныхъ водъ струи: вы, цвѣтъ сей, орошайте;
И ею градъ съ собой престольный украшайте?
Пусть будетъ всякъ ее, со похвалой тамъ зрѣть,
А я любовью къ ней безстрастною горѣть.
Покажутъ ей стези мои черты въ ней многи,
По коимъ можетъ знать ко мнѣ она дороги.
Пусть будетъ чрезъ меня мое въ ней сердце знать
Что правомъ я могу ея моею звать.
Брегись! отважный богъ, играть ты сей мечтою:
И скажетъ время ей? не будетъ сиротою?
Спознавъ свою кто кровь и можетъ презирать
Тотъ можетъ фурїей и зляй тиранна стать.

О! солнце: ты всегда мой тайный боль внушаешъ!
Въ пятнатцатый ужъ разъ ты путь свой совершаешъ
Кругъ мїра, въ коемъ я съ тѣхъ поръ себя томлю
Вздыхаючи по той ково по днесь люблю?
Ты зря меня въ тоскѣ; въ моей мнѣ злѣйшей долѣ;
И что ужъ зрѣть ея не буду, ни отколѣ:
Ты благость мнѣ свою, о сильный Фебъ, яви!
Любимый образъ мнѣ хоть въ древѣ обнови?
Взблистай: взнеси свой лучь! взблистай оттоль где громы:
Для имяни вскатись! ты дщери Евриномы:
И покажи въ сей часъ, могущество свое;
Прекрасное, взродивъ изъ праха! Алое . . .
Ахъ! естьли сей мой гласъ тобой услышанъ будетъ!
Пїитовъ страстный гласъ во вѣкъ священъ пребудетъ.
Ея какъ въ Дафнѣ здѣсь возблещутъ красоты;
И древо осѣнишъ оливнымъ листомъ ты?
Подъ твердою корой три слоя будутъ слаться,

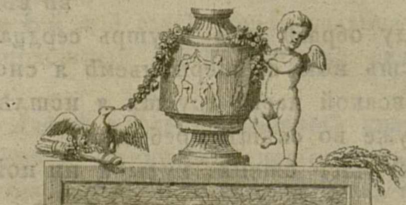
И первый будетъ пусть орлинымъ называться ..!
Пусть будетъ черный слой: ея злощастья въ знакъ:
Другой прозрачнѣйшій, каковъ ея, былъ зракъ.
Во тлѣнѣ жъ что ее безцѣннаго осталось,
То бъ сердце нѣжное, какъ злато бъ провивалось?
Исполнити то все возможенъ ты, какъ богъ!
Фебъ кромѣ благости лишь къ смертнымъ не возмогъ!

Увы! .. почто Піитъ рожденъ, на свѣтъ столь страстнымъ?
Почто Татисы духъ былъ съ тѣломъ мнѣ подвластнымъ?
Котора ахъ, сама: меня въ любовь ввлекла.
И съ нѣжностію той любить меня могла
Котору ей ко мнѣ сама любовь вложила;
И ахъ! по самый гробъ меня обворожила?

Кто можетъ по своей любезной не болѣть,
Когда подобной мнѣ любовью будетъ тлѣть?
Кто можетъ то сказать! въ себѣ, не содрагая:
Прости въ послѣднія! прости моя драгая...
Хотя и силюсь я, но можно ль мнѣ забыть
Ту къ коей рокъ судилъ мнѣ вѣчно плѣннымъ быть.
Хоть самъ мнѣ умъ речетъ: мнѣ съ ней не съединятся;
Но страсть мой духъ вспаливъ! велитъ по той въ вѣкъ рватся:
Въ вѣкъ буду образъ той внутрь сердца я носить
И злую часть мою съ терпѣньемъ я сносить!
Грущу, по всякой часъ, грустя я истлѣваю;
И суетно уже во свѣтѣ пребываю?
Грущу всякъ часъ стеня: куды я ни пойду:

Дражайшей и слѣдовъ уже я не найду?
Не слышишъ моево Татиса ты стенанья!
Достойная, всякъ часъ! сего воспоминанья:
Ахъ! естьли бъ и по днесь ты въ свѣтѣ семъ цвѣла,
То бъ нѣжностью своей всякъ часъ мя въ плѣнъ вела?
И унывающа! . . . . отъ бремя тяжкой доли:
Ты зрѣла бъ мя по смерть очей твоихъ въ неволи!
Скончалися вы въ ней и страсть и бытїе?
О богъ любви, скончай мученье ты мое! . .
Престань предъ очи мнѣ ее изображати,
И прелестьми ея, мнѣ муки размножати.
Протекъ мой вѣкъ драгой, явивъ себя мнѣ сномъ?
Такъ въ жаркомъ времяни! безъ тучь слетаетъ громъ,
И молнїи ево лучь солнца помрачаетъ,
И блеску ихъ тогда, нашъ взоръ, не примѣчаетъ?
Намъ парки злѣйшїя здѣсь смертью не грозятъ,
И тающи сердца, безъ жалости разятъ?
Потокъ имъ горкихъ слезъ и вздохи непонятны:
И жертвы пламенныхъ любовниковъ невнятны.

Твой лукъ! великїй богъ: богамъ творящїй страхъ? . .
Почто я зрѣлъ въ свой вѣкъ въ Татисиныхъ, рукахъ!
Въ послѣднїй предъ тобой, той гробъ я украшаю . . .
И мирты въ честь ея слезами орошаю.



VII.

Письмо

КЪ ЛЮБОВНИКУ.

Преложенное съ прозы, писано отъ одной по содержанїю ево нещастной, но изобилующей въ дарованїяхъ женщины.

Ты ли въ то время былъ богъ сердца моево!
Едва коснулся ты, огнемъ своимъ ево:
Всю кровь во мнѣ въ той мигъ нещастной востревожа;
И прелести огня тончайшаго умножа;
Содѣлалъ внутрь ево неизцѣлимъ мнѣ боль.
Днесь мой любовникъ сталъ: дышу къ тебѣ: — отколь?.
Гдѣ ты сорвавъ свой плодъ съ моей безумной страсти;
Не зря достойной мя сносить мои напасти;
Оставилъ гдѣ ты мя — весь разпаливъ мой видъ;
А въ немъ и начерталъ неизреченъ мнѣ стыдъ.
Скажи! властитель мой: меня не подкрѣпляя
И жизнь и духъ во мнѣ и сердце раздробляя,
Прелестной ли ко мнѣ днесь мыслїю течешъ,
Иль къ зраку моему презрѣнье ты влечешъ.
Ахъ! чувствуетъ мой духъ, что срамъ мой неизбѣженъ;
И къ добродѣтели ужъ взоръ мой неприлѣженъ.
Съ младенчества я жизнь здѣсь въ щастїи влекла;
Въ Едемѣ возрасла въ Едемѣ жизнь текла,
Заслугами отца почтенье воспрїяла;
Ученїемъ мой духъ и сердце напояла.
Но, гдѣ? . . гдѣ дѣлись вы, и слава и покой?
Всечасно я грущу мятусь моей тоской,
И нестерпимаго мнѣ зрака ужасаюсь.

Тобой единымъ лишъ тобой днесь утѣшаюсь.
Пріиди! и дай сїю, отраду мнѣ имѣть;
Отрада въ томъ моя: тебя всечасно зрѣть.
Не кроюсь! . . я въ тебя, и сперва я влюбилась;
Когда моя судьба въ твоихъ очахъ свершилась.
Глаза мои въ тотъ часъ еще то дали знать
Что сердцемъ ты моимъ возможенъ обладать.
Увы! въ чемъ пользы нѣтъ . . . мой бракъ, мой брачный путь,
Дозволилъ предъ тобой единъ лишъ разъ вздохнуть:
Съ тѣхъ поръ любовь моя къ тебѣ, непобѣдима:
Твоя любовь ко мнѣ днесь зрится! дїядима.
Не льзя никакъ любви сильняй мя изразить,
И нѣтъ возможности къ тебѣ изобразить.
Какъ странствовалъ мой духъ, съ временъ, какъ все то сталась:
Извѣстно все тебѣ. — и ахъ! кому досталась?
Злодѣю мной пришло по гробъ мой обладать,
И вѣрность съ нимъ презрѣвъ въ обманѣ вѣкъ страдать.
Безщастенъ онъ! и, я? . . почто я срамъ мой вижу!
Супруга гнусна въ немъ какъ смерти ненавижу!
Къ чему родители дѣтей своихъ губя
На муки воздаютъ богатство возлюбя!
Свершенъ мой съ нимъ разводъ: но мужа все имѣю;
Назваться вѣявъ твоей любовницей не смѣю.
О коль несносный мнѣ и стыдъ мой и позоръ,
Когда я возвожу и на себя мой взоръ.
Не знаю что я есмъ; и что теперь я стала:
Друзей, и кровныхъ всѣхъ, и свѣта я отстала.
Всечасно я грущу, и адъ меня грызетъ:
И утѣшенїе мое лишъ ты мой свѣтъ.

Но ежели и ты злощастну мя оставишъ!
То свергнувъ въ Тартаръ мя, на вѣкъ ему доставишъ?
Внимай! что я скажу: себѣ я не маня:
Хотя я жизнь мою зря варвара кленя;
Хотя я имъ мерзя имъ жизнь мою я трачу:
Вкусивъ всѣ горести и безпрестанно плачу.
Таская грусть съ собой, вездѣ, гдѣ я ни есть;
И что едва могу мой въ тѣлѣ духъ провесть!
Рожденна я къ любви! . . въ Коцидъ лїю слезъ токи.
Къ тебѣ жъ! кровавыя, изъ сердца шля потоки;
Колеблясь и дрожа смущаясь, что пишу!
Съ тобой я сердца боль мгновенно утушу.
Клянусь тебѣ: а ты сїи клятвы воспрїйми;
Когда я измѣню то духъ мой вонъ изми.
Будь тигръ ко мнѣ въ той часъ хоть въ малѣ что
спознаешъ:
Но ты презрѣнїемъ однимъ бывъ храбръ взалкаешъ.
А то и было бъ мнѣ: тягчай ужъ всѣхъ здѣсь мукъ.
Погибель изъ своихъ себѣ соткала бъ рукъ!
Не буду я жива коль измѣню драгому;
И сердце не отдамъ вторично я другому.
И прежде нежель ахъ сїю бъ приправу снесть!
Ставъ недостойною, должна, вкусити месть.
Иль вѣчно предъ твоимъ трястись я буду зракомъ;
Доколь не сниду въ гробъ безчувственнымъ призракомъ.
Зри клятвы! кои днесь, днесь въ жертву я лїю
И въ полнѣ надъ собой тебѣ я власть даю.

* ═══ *
*

БИЛЕТЪ:

Возлюбленный ставъ другъ, ты мнѣ не измѣни,
И пренеси мои, на верхъ Олимпа дни!

VIII.

Письмо

КЪ ЛЮБОВНИЦѢ

сочинено ко утѣшенїю жъ друга.

Скажу я все тебѣ! и Етра хороша
Избранная тобой въ посольствїе душа.
Письмо твое ко мнѣ сверхъ чаянїя вноситъ;
И радости мои, . . во семъ письмѣ приноситъ.
Обозрилъ Етру я: — сталъ Етрѣ я знакомъ.
И озлатилъ языкъ ея, драгимъ замкомъ!
Посланники боговъ! вы, Ермїй, и Ириса?
Наставьте Етру вы ученьемъ вновь Париса!
Такъ лежа я вскричалъ; держа письмо въ рукахъ;
И въ Етрѣ замѣчалъ къ тебѣ любовь и страхъ.
Читая я къ письму, устами прилѣплялся:
Не со сто разъ къ тебѣ мой жаръ воспламенялся! . .
На Етру посмотрю; — и Етра видитъ то:
Таиться вамъ въ любви, сказала мнѣ, почто?
Сказала Етра вдругъ: съ улыбкой такъ сказала;
И данный знакъ тобой мнѣ въ вѣрность показала.
Доволенъ Етрою! довольняй я тобой;
Что ты сулишъ мой другъ увидиться со мной.
Но должно въ пору къ ней Меркурїя представить,
Которы бъ помогли любовный тронъ намъ ставить.
Хоть разъ бы утаясь увидиться съ тобой,
И насладитися, прелестною судьбой.

Сего и въ сей же часъ въ посольство отправляю
И Етрѣ предъ тебя доставить представляю.
Но Етра въ путь пойдетъ, пускай, во переди:
А какъ того принять сама разпоряди.
Заслугой пусть и онъ награды воспримаетъ.
Се! Етра вонъ изъ глазъ какъ птица улетаетъ!
Подобна жаврончку летитъ и воспѣваетъ!
Мнѣ кажется межъ насъ въ порядокъ все пришло:
Но ахъ! письмо мое? къ началу лишъ дошло? . .
Когда предъявитъ знакъ Татиса мя вспомянетъ.
Письмо пусть въ пламени, цвѣтокъ отъ вздоха свянетъ?
Написано что въ немъ пусть въ сердце приберетъ
И къ пламеню неся цѣлуя раздеретъ.
Съ ея страны тѣмъ путь пребудетъ, безопасенъ.
Любовника совѣтъ къ дражайшей, не напрасенъ?
Покорствуя любви; мы ей посноровимъ:
И послушанье въ томъ ей нужное явимъ.
Припомня сладости ? . . но какъ мы ихъ вкусили:
Въ тебя мы Емпирей, дыханье возносили!
Сколь сладостно сïе? . . . но, вкусъ! твоей любви,
Воспревосходитъ все: . . онъ живъ въ моей крови!
По гробъ тебя по гробъ Татиса не забуду:
Вздыхаю; . . . коль къ тебѣ, въ твои часы не буду?
Иль я отъ прелестей небесныхъ побѣгу? . . .
Но славу я твою, съ моею сберегу.
Примѣть! когда соколъ, отъ смертныхъ глазъ уходитъ:
Парящïй онъ когда онъ даже къ солнцу всходитъ.
Безвреденъ плавая любуясь надъ гнѣздомъ!
И скрадываетъ тѣмъ съ ево любезной домъ.
Которая сидитъ: и зритъ ево лишъ окомъ.

Въ подзвѣздїй зритъ ево! и въ небѣ превысокомъ!
Неужасаема себя ниже ево тѣмъ зритъ;
И тщетно ихъ стрѣлокъ подмѣтить мастеритъ.
Не чужды и они любовныя отравы? . . .
Отшедшу жъ прочь ловцу! вдругъ! не теряя славы,
Съ толикой высоты, вдругъ съ свизгомъ крилъ
съ небесъ;
Спускается соколъ? . . . и зритъ ево лишъ лѣсъ . . . !
Тутъ резвые свои онъ крылья сотрясаетъ
И испуская гласъ! къ любезной притекаетъ!

СТИХИ

на кончину Татисы.

*

Не разцвѣтайте розы;
Любезныя ужъ нѣтъ,
Ее ужъ нѣтъ на свѣтѣ!
Померкъ ея ужъ свѣтъ.
Розъ, сирыми теперь на вѣкъ останьтесь лозы:
Губите вы, и всѣ теперь цвѣты морозы.

АНАКРЕОНТИЧЕСКИ.

Я тебѣ скажу дражайша,
Какъ намъ въ свѣтѣ стать блаженнымъ:
Я подамъ тебѣ уставы,
Какъ въ сей жизни стать щастливымъ.
Какъ въ сей жизни оной краткой
Проводить часы прїятно;
Какъ минуты изщитая
Можемъ мы сердца питати
Удовольствїемъ въ любови!
Пей со мной одну здѣсь чашу,
Сладости, въ уста вливая? . . .
Расцѣлуй меня Татиса!
Какъ цѣлованъ былъ до нынѣ?
Обнимай . . . . мой свѣтъ, нѣжняе . . .
Чувствїя мои плѣняя
Повторяй! еще драгая.

IX.

ЕЛЕГІЯ

съ минуту.

Предъ трономъ твоея красы я упадаю:
Скажи дражайшая: уже ль я обладаю? . . . .
Прекрасной сей душей? . . . всю ей взволнуя кровь:
Почувствуй! . . такъ какъ я, ... съ минуту, хоть, любовь?

Поставь вѣ границу мнѣ, кѣ любви свой огнь предѣломѣ.
Скажи: . . . возлюбленной! . . владѣй моимѣ ты тѣломѣ? . . .
Сразивѣ ты грудь мою: предай меня любви;
И умертви твоимѣ мой пламень во крови.

СТАНСЪ.

Съ смертью лишѣ тоску избуду
Я прелесною сраженѣ
А владѣть я ей, не буду! . .
Я ударомѣ пораженѣ?
Чувства млѣютѣ!
Каменѣютѣ . . .
Отѣ любви ея заразѣ?
Вскрылась бездна!
Мнѣ любезна
Сѣть раскинула изѣ глазѣ.

*

Все противно будетѣ вѣ свѣтѣ,
Мнѣ и умѣ мой весь и дарѣ?
Ахѣ! зря розу, можно ль вѣ цвѣтѣ,
Не принесть ей солнца жарѣ?
Ты вспомянешѣ
Какѣ ужѣ свянешѣ
Отѣ мороза вѣ лютый часѣ.
Ты мной вздохнешѣ!
Какѣ заблекнешѣ,
Не познавѣ любови гласѣ.

* *

*

X.

КЪ
ВЕНЕРѢ.
подражая Овидїю.

Коль въ младости твоихъ я жертвъ не убѣгаю:
Внемли моей мольбѣ: къ тебѣ я прибѣгаю.
Къ тебѣ владычица на свѣтѣ всѣхъ сердецъ;
Котору чтитъ вся тварь и Зевсъ! боговъ отецъ?
Къ тебѣ которой здѣсь, все сладость ощущаетъ:
Для коей лишъ и жизнь на свѣтѣ насъ прельщаетъ:
Для коей мечь и смерть, несть жертвъ не воспрещаетъ!
Которой дань даютъ, всѣ земли и моря,
И преисподняя: отъ праха до царя?
Которой всяка тварь послушна, и покорна,
Трава и древеса; и все, тебѣ безспорна.
Но мню и въ каменяхъ, желѣзны ихъ сердца,
Тобой растопятся?... и, нѣтъ тебѣ конца..!
Одинъ ли ты Олимпъ въ жилище обрѣтаешъ?
Во глубинахъ морскихъ! и въ воздухѣ ты таешъ.
Повсюды ты лїешъ, свой страсный,ароматъ....
И смертный грудь тобой, вздымаетъ; сколь здѣсь
кратъ!
Отъ самыхъ онъ пеленъ тебя ужъ спознаваетъ;
И въ гробъ со имянемъ твоимъ себя ввергаетъ.
Богиня... зри! въ сей часъ: чѣмъ духъ мой унываетъ?
Моленью ты сему, Венера, ахъ! внемли?
Или исторгни мя со свѣта и земли...
Въ твоей возможности есть, все! чево желаю...
Ты знаешъ грудь мою! и той, о комъ пылаю?

Молю тебя въ сей часъ: небесная краса!
Доколь не скоситъ мя, здѣсь смертная коса,
Доколь здѣсь въ тѣлѣ духъ, тебя мой ублажаетъ,
Доколь Еротъ мой духъ, Ератой побѣждаетъ:
Вели, владычица?...... красой сей обладать...
И сердце нѣжно ей любовнику отдать?
Вели безсмертная: тебя ей обожати:
Вели Киѳера ей, мой пламень умножати--!
Влеки, ее ко мнѣ ---- твои плоды пожати?
Присутствуй ты межъ насъ, и кровь ее сжигай:
Коснись! -- и мною такъ ту въ жертву повергай
Какую божество, въ Дидонѣ, воспріймало?
Другїе для тебя въ Піитѣ жертвы мало.

ОДА
къ
САПФИРѢ.

I.

Ты которая съ успѣхомъ
Возмогла мой духъ вспарить!
Ставъ прелестнымъ вдругъ мнѣ ехомъ
Могла сердцу говорить.
Взоры взорами встрѣчала;
Взоръ мой взоромъ ополчала,
Брань устроила хоть въ мигъ;
Но собой ты обладая:
Хоть мнѣ въ сердце и впадая
Знакъ къ любви явила тижъ...

II.

О! прелестная Сапфира;
Хоть и такЪ тебя взглашу
КакЪ тебя здаетЪ мнѣ лира:
Но спознай! я, кѣмЪ, дышу?..
Пусть я тѣмЪ и отвѣчаю
Что вЪ тебѣ я замѣчаю,
Скромный сей сплетя вѣнецЪ:
ТокЪ прозрачный! ты ахЪ лейся;
Ты Сапфирой Муза смѣйся!
Сладости прозрѣвЪ сердецЪ.

III.

Дай мнѣ лиру ту златую,
Дай Ерато вЪ сей же часЪ:
На, возми сїю простую....
Воспримай драгїя гласЪ!
Пой ее ты днесь устами,
Рви ей розы подЪ кустами;
Приплети и миртЪ вЪ вѣнецЪ.
НектаромЪ ты ключь разлейся!
Зря Сапфиру Муза рдѣйся...
Сладость всю прозрѣвЪ сердецЪ.

IV.

ГласЪ любезныя Сапфиры,
Трели множитЪ лебедей:
Достойный Аполлона лиры...
ДругихЪ кЪ сравненью нѣтЪ идей?

Грудь ея пускай бѣлѣя,
Нежель и сама лилея:
Льну подобны пусть власы?
Ясны очи съ чѣмъ сравняю!
Я лазурь въ нихъ обрѣтаю;
Въ станѣ каковы жъ красы?..

V.

Ахъ! ты Нимфа дарагая,
Нимфа Іо! что, ты тамъ?
Громоносецъ содрагая;
Пусть любилъ тебя хоть самъ:
Пусть Юнонѣ измѣняя,
Въ тайнѣ онъ тебя склоняя
Страсть почувствовалъ въ крови;
Ты бъ когда Сапфиру зрѣла?
Ты бъ на вѣкъ здѣсь онѣмѣла,
Зря соперницу въ любви.

VI.

Здѣсь брега хоть и не Нильски
Тамъ тебя богиней чли:
Грозные цари Мемфійски,
Тамъ тебѣ куренье жгли.
Кто бъ здѣсь зналъ про Іо въ мірѣ?
Сладкаго Овида лирѣ
Ты Еротъ обязанъ въ вѣкъ...
Для него мнѣ въ грудь Сапфиры,
Отъ моей Еротъ днесь лиры,
Здѣлай пламень бы протекъ!

СТАНСЫ.

I.

Къ чему ты взоры потупляешъ
Которыя мой умъ мятутъ!
Иль мнишъ что стрѣлы притупляешъ,
Мнѣ кои ими въ грудь падутъ.

II.

Не ужъ ли, жалость ты имѣешъ,
И сѣтуешъ на нихъ за то?
Взглянуть ли на меня не смѣешъ?...
Или досадуешъ за что?

III.

Дѣвица ты?... тебѣ прилично:
Но мнѣ ли отъ тебя бѣжать!
Сразивъ меня столь необычно:
Мной можешъ и сама дрожать.

IV.

Сразить ты грудь мою умѣла;
Иль мнишъ что мало пораженъ?
Въ единый мигъ ты все успѣла:
Я только въ гробъ не положенъ!

V.

Какую силу ты имѣешъ
Въ твоихъ прелестныхъ мнѣ очахъ?
Медеею ты духъ мой тлѣешъ!...
Я тлѣя претворяюсь въ прахъ.

VI.

Язонъ былъ щастливъ; хоть невѣренъ:
  Къ обманамъ, и сплеталъ онъ лесть.
А мой и огнь и жаръ чрезмѣренъ;
  И долженъ я терзанье несть?

VII.

Медею ль въ ней мой духъ находитъ? . .
  Цирцеи волшебство взяла!
Улиссъ одинъ, сѣтей отходитъ;
  Тово Минерва отняла.

VIII.

Приди богиня мнѣ коснутся
  И изведи меня сѣтей?
Но прежде попусти прильпнуться,
  Къ устамъ дражайшей мнѣ моей!

IX.

Тогда пускай восторжествуетъ,
  Минерва иль Сапфира здѣсь? . . .
Еротъ я вижу ликовствуетъ,
  И въ пламени летитъ онъ весь!

X.

Летитъ къ Сапфирѣ на колѣни . . . .
  И стрѣлу налядаетъ въ грудь:
Прелесной, дѣлаетъ онъ пени: - - -
  Принудилъ разъ - - - - и два, вздохнуть.

XI.

Спознай Сапфира гласъ любови;
  Любови весь покоренъ свѣтъ.
Доколь млада и жаръ есть крови:
  Скажи драгая: да иль нѣтъ.

КЪ СТАТИРѢ.

Къ чему тебѣ Статира рдится,
Съ пригожствомъ коль могла родится:
Прекрасныхъ здѣсь и Музы чтутъ,
И разуму хвалы плетутъ.

*

Иль зря тебя въ почтеньи рвутся?
Языки въ нихъ пускай сѣкутся!
Не будетъ менше хороша,
Почтитъ ково моя душа.

*

Почтенье, иль къ кому умалилъ?
Музъ дѣйствїемъ, ково вспечалилъ!
Коль тщился другу угодить,
И пиръ пристойно усладить.

*

Отъ всѣхъ была такая жъ плата:
Привѣтствїе дороже злата:
Въ глаза почтенье ощутилъ,
И всѣмъ равно своимъ платилъ.

*

Потщимся Музъ впредь удалятся
Съ клопами будемъ забавлятся!
Клопы почтенье принесутъ,
Которы и меня сосутъ.

*

Но тѣ, съ тобой здѣсь свѣтъ кто знаютъ,
И вкусъ во Музахъ почитаютъ:
Всѣ знаютъ: что клопы воняютъ:
А Музы розы обоняютъ.

КЪ
ГОРДЫМЪ
КРАСАВИЦАМЪ.

Почто суровствуя гордитесь,
Воспламенивъ вы нашу кровь,
Въ себѣ питая ту жъ любовь!
Вы въ гордости своей лишъ паче тлитесь..?

Почто бъ и взоры къ намъ метати;
Настроивъ въ насъ ко вздохамъ грудь.
Открывъ ко сердцу сладкїй путь!
Надеждой къ намъ блеснувъ, и не внимати—?

Иль хладный потъ по васъ не льется..!
И члены нѣжны не дрожатъ.
Когда отъ васъ къ другимъ бѣжатъ?
Безтрепетно чай въ васъ и сердце бьется!

Потерпишъ ли ты сей гордынѣ,
Пресладкїй богъ?..о! богъ любви!
Ты въ ихъ крови всю месть яви! —
Безъ жалости пронзай сердца ихъ нынѣ?

Прилично ль такъ красамъ терзаться?..
Нѣмѣетъ къ вамъ языкъ боговъ!
Копаете въ любви намъ ровъ:
И должно ль намъ уже къ вамъ прикасаться!

Взирать на васъ?...взирать какъ къ Фебу? —
Со усмеженїемъ ресницъ:
Не смѣя вѣявъ пустить зеницъ!
И вдругъ! промчати взоръ, отъ блеску къ небу? —

Хоть Фебъ и попалитъ лучами!
Онъ благость къ намъ даритъ свою.
Не солнце я! красотъ пою!
Весь свѣтъ смущенъ которыхъ здѣсь очами..!

Губить себя своей рукою? . . .
Свѣтъ! въ вашихъ смеркъ очахъ драгихъ . . !
Видъ гордой и самимъ въ васъ лихъ:
Огнемъ сжигаясь вы, дымясь тоскою? —

Повѣрить можно ль въ томъ драгія!
Чтобъ въ васъ составъ отличной былъ!
Какой еще бъ васъ богъ взлюбилъ,
Съ Олимпа сшедъ, во времена другія? —

Довольно вкусу здѣсь въ герояхъ:
Безъ страсти и любовь ничто.
Умъ, къ прелестямъ; вы зная то.
Ево въ прелесныхъ чтимъ мы вашихъ строяхъ!

Оставьте намъ, коль мы не смѣемъ,
Открыться вамъ въ любви своей:
Къ намъ поступь въ васъ! какъ лютъ Борей —?
Надменныхъ зря васъ сердце каменѣетъ . . !

Ахъ! — должно ль насъ въ томъ укоряти!
Что мы теряемъ случай къ вамъ?
Хоть зримъ мы васъ по всѣмъ мѣстамъ?
Безвредняй было бъ вамъ насъ ускоряти..?

Не внятно ль? — мы и такъ встрѣчаемъ,
Лукавый въ васъ! но милый взглядъ!
Ліетъ кой въ грудь намъ тмы отрадъ!
За взглядъ, коль вздохомъ къ вамъ мы отвѣчаемъ? —

Таится вамъ: чево прекрасны?
Являйте смѣло къ намъ любовь!
Не вкусно тлить взгордясь такъ кровь:
Вы въ тѣлѣ и въ душѣ здѣсь нашей власны?—

АНАКРЕОНТИЧЕСКИ.

*

Научи богъ Музъ, любезну,
По утру вставать ей рано
И читать мои сложеньи.

XI.

ЕЛЕГІЯ

КЪ САПФИРѢ.

Забвенна имъ на вѣкъ, я буду сира.
Къ чему сїю ты рѣчь ввела мнѣ въ грудь Сапфира!
Къ чему?.. ахъ, грудь мою! чтобъ тѣмъ суровяй рвать.
Какихъ примѣтъ любви еще желаешъ знать.
Коль въ душу ты мою, твою всю грусть влїяла:
Кому!.. душа моя, на свѣтѣ измѣняла?
И звѣрскимъ я сердцамъ коль вѣрностью платилъ;
А днесь тебя мой духъ любовницей почтилъ!
Не будетъ, пусть мой духъ! Сапфирой обладати?
Но буду возлюбивъ ее я въ вѣкъ страдати!

Ахъ! знаковъ нѣжности, не въ полнѣ знать явилъ?..
Но сердце въ дарагой.. измѣной, не язвилъ.
Не видя безъ любви въ сей жизни намъ отрады,
Въ моемъ я пламени, являлъ, тебѣ награды.
И измѣняешъ ты; когда не вѣришъ мнѣ:
Ты прилѣпляешся къ противной мнѣ странѣ!
Потщись здѣсь мной играть: даря мнѣ время злобно;
Забыть тебѣ меня мой свѣтъ, ужъ неудобно
Но ты и чувствуешъ, волненье все въ крови,
Упреки воздаешъ напрасно мнѣ въ любви.
Когда бъ здѣсь кто очей твоихъ прелесныхъ стоилъ:
Давно бъ внутрь сердца онъ тебѣ сей храмъ построилъ,
И въ жертву бъ онъ себя, къ тебѣ и сердце бъ несъ.
Достойна ты себя Сапфира!... и небесъ.
Почтить твои красы, какъ смертной, я нѣмѣю
Теряюсь я въ тебѣ?... тобой я пламенѣю...
Казни меня!... но въ казнь; я волею иду.
Иль жизнь мою въ тебѣ, иль смерть мою найду!
Пускай!... твой сладкій токъ... любовь мою обмоетъ!
Сапфира воздохнувъ, меня во гробѣ скроетъ.
Но возмутится блескъ ея безцѣнныхъ глазъ:
Когда прости сказать, въ послѣдній придетъ разъ!
Тутъ роза устъ ея! вдругъ смеркнетъ вдругъ и свянетъ;
Когда жестокій рокъ на насъ разлукой грянетъ!
Смягчись дражайшая!.. мнѣ, ядъ; хоть мечь въ грудь дай!
Хоть съ часъ еще ты мной Сапфира обладай.
Разженну мнѣ тобой, твоихъ мнѣ глазъ лучами;
Не робко лишъ представь твоими смерть очами?...
Пронзенну мнѣ отъ нихъ вотъ польза въ чемъ любя!
Но ты хвались здѣсь тѣмъ что я любилъ тебя.

КЪ
ЕРОТУ.

Какїя радости Еротомъ я встрѣчаю:
Дражайшїя изъ рукъ отвѣтъ я получаю?
Сапфирою какъ былъ; и нынѣ такъ любимъ.
И пламень мой для ней, уже неколебимъ.
Дражайшая? . . . тебя ль въ чертахъ сихъ вижу!
Цѣлуя ихъ сто кратъ: тебя тѣмъ не обижу.
Еротъ! что, видѣлъ я? . . краса сїя, цвѣтетъ:
И роза устъ ее лишъ пущей пламень шлетъ!
Скажи ей отъ меня: „умѣешъ спознавать
„Какъ трели къ звону лиръ искусно поддавать.

XII.

Письмо
КЪ КРАСАВИЦѢ.

Не зря несклонной тя, лишъ въ мысли горделиву:
Имѣю мыслъ и я довольно справедливу.
Не оскорбляю ль тѣмъ, коль такъ къ тебѣ пишу?
Дабы спознать тебѣ тобой ли я дышу;
Тобой ли я плѣнясь здѣсь духъ мой услаждаю,
И къ сердцу моему тебя ль я пригвождаю?
Раскрывъ все таинство твоихъ смущенныхъ глазъ:
Кто можетъ избѣжать ихъ прелестей, заразъ?
Которыя мой умъ и чувствїя плѣняютъ,
И кажутся: они довольно ужъ пеняютъ

Глазамъ, тѣмъ кои къ нимъ не смѣютъ не бѣжать,
И сердцу! кое ихъ достойно обожать.
Внемли прекрасная! спознавъ, свою ты долю.
Ково ты медлишъ такъ принять въ твою неволю?
Неволей сердцемъ въ насъ; кто можетъ обладать? . .
Осталось отъ тебя въ послѣднїй знаковъ ждать.
Имѣя сердце самъ надменно, горделиво,
Въ чувствительности сей, сколь нѣжно, столь стыдливо.
И вымолвить къ тебѣ, что можетъ мой языкъ?
Коль къ скромности тобой довольно приобыкъ.
Все, зрѣлъ; въ моихъ глазахъ, кѣмъ грудь ты мнѣ сражаешъ?
Коль дѣйство прежняе въ умѣ воображаешъ;
Сама днесь каешся, хоть поздно; . . я, сносилъ;
Иль богъ любви ударъ къ намъ тщетно возносилъ?
Накажетъ въ насъ Еротъ, измѣнника, злодѣя:
Злодѣй! .. хоть разъ скажи, въ глаза такъ вспламенѣя:
Прїятно ль то тебѣ коль грудь моя дрожитъ;
Иль тѣмъ еще ко мнѣ спокойствїе бѣжитъ?
Забавъ, любови богъ! въ тебѣ пусть тьмы скрываетъ,
Но въ сердцѣ онъ твоемъ коль здѣсь не успѣваетъ:
Когда крѣпчай ты ставъ кремней, Кавказскихъ горъ,
И веселишъ лишъ свой моимъ мученьемъ взоръ;
Когда почтенїе, зря страсть ты презираешъ;
Повѣрь мнѣ: суетно ты надъ собой играешъ.
Прости! .. преславный градъ, жилище дарагой
Въ поляхъ цвѣты мнѣ рвать, пастушкиной рукой.
Но я тебѣ скажу красавица не ложно:
Горѣть къ тебѣ въ любви совсемъ мнѣ не возможно.
Хоть прелести твои мнѣ грудь и облегли;
Сапфиры прелести мя вѣчно увлекли.

МАДРИГАЛЪ

КЪ

САПФИРѢ.

Не вѣрь пренѣжная Сапфира
Чтобъ кто тебя любезняй былъ.
Или чтобъ я тебя на свѣтѣ позабылъ?
Къ згарающей по мнѣ моя лишъ склонна лира.
Любовница и жизнь моя Сапфира.

КЪ

РОЗѢ.

Пусть въ вѣнокъ вплететъ мнѣ розу,
Бѣлокурая, лишъ дѣвка,
Здѣсь котора лишъ подобна
Прелестьми самой Кипридѣ.
Пусть увѣнчанъ буду розой,
Розой самой той прекрасной,
Кою чтитъ, сама Сапфира
Здѣсь межъ розъ, царицей розу.
Ей одной хочу быть вѣнчанъ!
Вѣнчанъ быть хочу я, розой...,
Розою изъ всѣхъ прелесной.
Роза ты въ рукахъ прелесной!
Будешъ ты еще, прелеснѣй,

Будешъ ты всѣхъ розъ нѣжняе,
Будешъ ты всѣхъ розъ, алѣе....
Ей одной хочу быть вѣнчанъ..!
Вѣнчанъ быть хочу я розой
Отъ ее руки прелестной.?
Роза! я тебя срываю.
Знай мной роза, хоть заблїокнешъ,
Мной пускай ты хоть и свянешъ;
Не тужи что ты мной свянешъ!
Ты здѣсь свяла бъ и на стеблѣ,
И не сорвана бъ завяла жъ?
Ты мной свянешъ здѣсь межъ миртовъ,
На главѣ замрешъ Пїита,
Во своемъ прекрасномъ видѣ
Возблеснувъ лишъ паче въ цвѣтѣ.
Ты завянешъ не отъ бури,
Не отъ тѣхъ бурливыхъ вихрей
Кои къ намъ Борей наноситъ.
Но отъ нѣжна воздыханья,
Съ коимъ я тебя срывая
Здѣсь несу, къ моей Сапфирѣ;
Чтобъ вплела своей рукою,
Надъ главой моей дыхая
И украсила бъ тобою
Мой вѣнокъ, пушиста роза?
Въ чемъ ея драгїя персты
Безподобно здѣсь искусны:
На челѣ Пїита свянешъ.

К

СТИХИ

СЇИ

КЪ ТЕБѢ.

Пляскою своей любезна,
  Подобна, Мнемозины дщери?
Талїей своей ты стройной
  Юнонѣ лишъ одной подобна!
Шествїемъ ты ногъ размѣрнымъ:
  Дїянинъ путь предъобразуешъ.
Взоромъ ты своимъ прелестнымъ
  Киѳерѣ ты не уступаешъ?
Дѣйствїемъ ума прекрасна:
  Минервинъ огнь въ главѣ являешъ.
Грацїевъ въ улыбкахъ кажешъ,
  Отъ устъ въ грудь сыплешъ цвѣтъ ты розовъ,
На коей свой престолъ Еротъ имѣетъ.

ОДА

КЪ БАХУСУ.

Анакреонтъ вѣнчанный розой,
Въ блющъ мѣшавъ со миртомъ розы,
Въ честь тебѣ о! сильный Бахусъ,
Накрывалъ свои стаканы?

Прославляя розу въ пляскѣ
Возыгравъ на сладкой лирѣ:
Съ бѣлогрудою вдругъ дѣвкой
Вдругъ вѣнкомъ главу покрывши
Восклицалъ передъ тобою.
Бахусъ! сильный сынъ Семелинъ,
Запляшу передъ тобою.

Сумароковъ подражая
Сладкому Анакреонту
Какъ дышать ево стихами;
И дышалъ ево здѣсь тономъ:
Пѣлъ подобныя намъ пѣсни,
Кои пѣлъ Теосскїй житель,
Ударяя гласомъ съ лирой
Взявъ съ ево подобья, мѣры;
И стремленье тожъ ко пляскѣ!
Восхищалъ твой духъ и сердце?

Радуйся великїй Бахусъ!
Двухъ имѣвъ жрецовъ великихъ.
Меня въ третьихъ ты причисли.
Не зардѣюсь предъ тобою,
Хоть и меньше пить умѣю
Нежель всѣ твои любимцы:
Но я столько жъ вспламенѣю
Предъ твоей огромной чашей,
Сколько должно вспламениться
Предъ любезной мнѣ Сапфирой:
Въ третьихъ къ нимъ меня причисли.

ОДА
АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ
КЪ
ВЕНЕРѢ.

Спознакомь меня Киприда
Съ прелюбезной сей подружкой,
Коя пляшетъ и вздыхаетъ,
И рукой какъ подопрется
Подаетъ, другою розы.
Спознакомь меня богиня!
Со прелестнымъ симъ твореньемъ
Коимъ ты сама мнѣ льстила?
Дай вкусить мнѣ услажденье,
Ты которое вливаешъ
Здѣсь въ сердца щастливыхъ смертныхъ?
Въ тѣ сердца которы могутъ
Воспрїять твою лишъ благость:
Воспримать богинь, здѣсь нѣжность.
Здѣлай мнѣ сїе въ отраду,
Дай за все мое пыланье
Коимъ я палюсь и нынѣ:
Чтобъ глаза ее смежались
Противъ глазъ моихъ томящихъ;
Чтобы вскользь не убѣгали,
И не ранили бъ обратно
Сердце въ полнѣ ими страстно?
Кое имъ на вѣкъ подвластно!
Чтобъ въ грудь искры воспримались
Кои къ ней мой взоръ рождаетъ;

Кои къ ней мой вздохъ пускаетъ!
Чтобъ уста ее смежались,
Противъ устъ моихъ смѣющихъ,
И чтобъ нѣжно утомлялись
Со моими въ тай лобзаясь.
Поцѣлуй драгихъ коль можетъ,
Извлечи отъ смерти къ жизни;
Повлечетъ, изъ жизни къ смерти?
Ахъ! дыханье бъ хоть смежалось,
Въ ней съ моимъ дыханьемъ жаркимъ:
Иль хоть члены бъ услаждались
Ненарочнымъ осязаньемъ?
Хоть рука бъ той заблуждалась
По моимъ плечамъ иль перстамъ:
Хоть нога бъ ее ступала
По моимъ ступенямъ робкимъ:
Хоть моей прочь не бѣжала бъ
Какъ моя къ ней наступаетъ.
Тутъ душа бъ ее спознала
Какъ душа моя къ ней страстна:
Чтобъ такъ кровь ее взгорѣла
Какъ моя?.... возможно ль мыслить!
Ахъ! Киѳера, ты то знаешъ,
Что я чувствовать возможенъ:
Сколь я чувствовать умѣю
Всѣ твои благодѣяньи?
Я?.. любить ли не умѣю?
Иль почтить, любовь дарами?
Изъ руки твоей безсмертной
Изъ руки твоей, богиня!
Бралъ я нѣкогда и поясъ?...

*   *   *

АНАКРЕОНТИЧЕСКИ.

Когда бъ моя драгая
Воставши утромъ рано
Пошла бъ гуляти въ рощи
Не робкими бъ стопами
Дошла бы до истока,
Которой протекаетъ
Между березъ высокихъ
Близь двухъ кленовъ зеленыхъ:
То бъ вѣрно усмотрѣла
На вѣтвїяхъ склоненныхъ
Во самой ихъ срединѣ
Какъ горликъ тамъ тоскуетъ
Лишась своей любезной,
Съ которой прежде знался
И розовымъ носкомъ съ ней
Всечасно цѣловался . . .
Тогда бъ моя драгая
Подслушавъ тайно стоны
Спознавъ какъ томно стонутъ
Любезныя лишившись;
Спознавъ какъ нѣжно стонутъ
Любовники нѣжнѣйши,
Тогда бъ моя драгая
Подобно такъ какъ горликъ
Сама бъ тутъ возстенала,
Сама бъ о мнѣ вздохнула
И слезку бъ испустила!

* * *

КЪ ГОЛУБКУ.

Нескромной мой бѣлой голубокЪ;
Что ты надѣлалЪ надЪ собою?
Не орелЪ сЪ тобою обходился;
А ты вдругЪ и вспорхнулЪ, и удалился?

*

Нескромной мой, милой голубокЪ,
Что ты ахЪ здѣлалЪ надЪ собою? . .
Не огнемЪ ли, прежде самЪ ты тлился:
Почто жЪ имЪ голубокЪ, пылать стыдился!

*

Нескромной мой нѣжной голубокЪ.
Что ты сЪ своей . . . ахЪ сталЪ судьбою!
Ты бЪ здѣсь могЪ, горѣть имЪ, вЪ страсти бЪ длился,
СЪ бѣлымЪ голубкомЪ бы, сЪ равнымЪ любился!

*

ВЪ нескромности виненЪ голубокЪ;
ВоркуетЪ нынѣ, кто сЪ тобою . . ?
Сизой лишЪ, сЪ тобой мнѣ, голубь зрился;
ОнЪ грубостью кЪ тебѣ кружась гордился!

*

Безцѣнной мой нѣжной голубокЪ;
КакЪ ты ахЪ, свидился со мною?
И во снѣ мнѣ сто кратЪ ты ужЪ снился:
ВоспорхнувЪ вдругЪ ко мнѣ, на грудь садился.

*

Безцѣнной мой . . . лестной голубокЪ;
Льзя ль не дышать мнѣ надЪ тобою;
КакЪ ко мнѣ ты вЪ сей день появился . . .
Раскажи мнѣ оттоль, какЪ откатился?

* *
*

СТАНСЪ.

Всѣ мои мученьи люты,
  Развѣваются какъ прахъ!
Я въ сладчайши дня минуты
  Зрюсь любезныя въ рукахъ!
Все проходитъ огорченье
  И мученью мѣста нѣтъ,
Сладостно и слезъ теченье!
  Лишъ бы быть съ тобой мой свѣтъ.

*

Токи сладкой Ипокрены
  Проливайтеся въ сей часъ,
Появляйтесь мнѣ Сирены
  Издая, прелесный гласъ!
Тоны въ слухъ мнѣ ихъ завидны
  Увлекутъ меня къ себѣ;
Мнѣ и тоны ихъ обидны
  Коль воспѣваютъ при тебѣ.

*

Мучимый тобой вдругъ таю!
  Я Сапфирой днесь моей:
Не Ерату ль я срѣтаю?..
  Иль подобную лишъ ей?
Распали жъ! меня Сапфира?
  Мнѣ и взглядъ твой, кажетъ рай.
Но моя слабѣетъ лира.
  На своей мнѣ возыграй.

*　　*
*

СТИХИ.

Когда въ драгихъ мы взглядахъ
Находимъ зло мученье
Находимъ въ нихъ хоть поздно
Не рѣдко облегченье.

* * *

ЛЮБОВНЫЯ МЫСЛИ.

I.

Любовь безъ грому хоть летаетъ
И скромностью сердца питаетъ;
Но чемъ почтительнѣй, и вѣжливяй она,
Такъ тѣмъ сугубяй насъ и услаждать должна.

II.

Подобна ты, Протею,
Ты хитростью твоей подобна всемъ ему:
Постигнуть здѣсь тебя возможно хоть уму:
. . . .
Но я смогу любить и самую Цирцею.

III.

Не вѣрить мнѣ тебѣ пристойно;
Но чѣмъ отринешъ ту любовь
Котора столь тебя достойна,
Воспламенивъ мою ты кровь!

IV.

Осталось мнѣ часы мои, страданьемъ мѣрить?
Любя, пристойно ль лицемѣрить! . .
Что ты несклонна мнѣ: лишъ я хочу повѣрить;
Но богъ любови вдругъ, велитъ тебѣ не вѣрить.

V.

Ково не возмятетъ столь выя горделива!
Правдивъ сей твой отвѣтъ, Еротъ: она стыдлива? .
Ахъ! сдѣлай мнѣ ее какъ мать твоя, сулитъ:
Киприда въ ней давно мной сердце веселитъ.

VI.

Прекраснѣй ты младова цвѣта,
Со вкусомъ ты всегда, одѣта,
Толико ты всегда бываешъ хороша
Поезїи какова душа.

VII.

Еротъ, ты ей мя отравляешъ,
Держу тебя огнемъ въ рукахъ!
Палишъ ты мя и умерщвляешъ;
Къ чему жъ сей стонъ, и плачь и страхъ - - -

VIII.

Ахъ! я тебѣ пребуду вѣренъ!
Доколь пребудетъ въ тѣлѣ духъ:
Въ тебѣ хочу лишъ быть увѣренъ,
Злодѣй ты будешъ мнѣ иль другъ?

IX.

Почто столь стройный станъ имѣешъ
И руки столь бѣлы какъ снѣгъ;
Къ чему такъ выступать умѣешъ!
Къ чему красивъ твой резвый бѣгъ?

X.

Возможно ль разъ увидя
Тебя не возжелать
Возможно ль не обидя
Тобой не воспылать.

СТИХИ.

Прельщайте вы о! взгляды,
Хоть лестно мнѣ маня
И не щадивъ меня:
Вливайте въ грудь мнѣ яды!

*

Являйте мнѣ въ отраду
Чѣмъ грусть усугублять
Чѣмъ сердце отравлять
Любви моей въ награду?

* *
*

БИЛЕТЫ.

1.

Спознай къ тебѣ кто пишетъ:
Тобой которой дышетъ.

2.

Ужъ сердце не мое которое во мнѣ;
Твое хоть и горитъ, но не болитъ о мнѣ.

3.

Прелестнѣй ты младова цвѣта
Когда бываешъ въ день раздѣта.

4.

Ты требуешъ портрета моево - - -
Иль то ты думаешъ, не значитъ ничево?

5.

Къ тебѣ почтенье кто умалитъ;
Тотъ самъ себя змѣею жалитъ.

6.

Не зря тебя я самъ, мученїе терплю,
Но славы о тебѣ поносной не стерплю.

7.

Блеснетъ твой взоръ къ кому однажды
Тотъ вспламенится дважды.

8.

Твоя мой свѣтъ давно я вѣчно,
Знай люблю тебя сердечно.

9.

Поиграла я съ тобой,
Не владѣю ужъ собой.

10.

Внимай изъ устъ своей любезной долю:
Бери мою скоряй во власть ты волю.

ЕПИЗОДА

изъ Поемы N. N.

Онъ къ Музамъ на Парнассъ восторженъ вдругъ возшелъ! . .
Гдѣ Талїю въ тотъ часъ смѣющуся нашелъ.
Предъ Аполлономъ та стихи ево держала,
Киприда жъ тамъ въ дали въ смущенїи лежала.
А сынъ ея злой сынъ, весь, пламенемъ горѣлъ,
И окомъ Талїю прененавистнымъ зрѣлъ.
Бывъ званный тутъ на пиръ, главой Музъ Аполлономъ,
Да будетъ услажденъ, и мать съ нимъ лирнымъ тономъ,
Чего уже давно сей богъ не ощущалъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ въ Дафну онъ злу стрѣлу низпущалъ,
И отъ разженна имъ отъявъ ту Аполлона,
Притчиной мукъ ево онъ сталъ и вѣчна стона.
Делфїйскїй богъ! въ сей знакъ, сколь Дафну онъ любилъ,
Въ знакъ Дафною главу на вѣкъ свою покрылъ.
Почтивъ свое чело листомъ любезна древа.
Въ которомъ превратясь сокрылась чиста дѣва.
Но страсть свою тѣмъ богъ хоть тѣмъ и умѣрялъ:
Но зная, чрезъ кого красу ту утерялъ.
И пренесносну кто мученью сталъ притчиной.
Въ прелестной кто красѣ истнилъ въ мигъ огнь единой.
Мучителя сего тиранющаго миръ
Ужаснаго богамъ! . . призвалъ тогда на пиръ.

И какъ ужъ смертный сталъ узрѣнный отъ боговъ;
Венера вдругъ съ себя низринувъ тутъ покровъ:
И обратившаясь ко сыну такъ вѣщаетъ.
Днесь, зри! какъ Аполлонъ безсмертныхъ угощаетъ!

Къ сему ли я съ тобой веселью призвана,
И та ли Аполлонъ тобой намъ честь дана..!
Чтобъ сей любимецъ твой, живя въ престольномъ градѣ:
Стихи о мнѣ соткалъ! -- и къ пущей мнѣ досадѣ.
Свидѣтель сталъ тому, лишъ, гласъ твой здѣсь взгремѣлъ,
Стихомъ творца сего? и самъ онъ къ намъ взлетѣлъ.
Чтобъ смертнаго стопы какъ стрѣлы ускоряли;
Всю тайну въ свѣтъ снесетъ: — меня бъ тамъ укоряли?
Не дремлешъ Аполлонъ, бросая въ миръ лучи:
Но къ сердцу и ево имѣю я ключи.
Такъ, къ Дафнѣ страсть ево еще по днесь кипѣла:
Я мщенье за тебя Еротъ мой претерпѣла.
Но смертному сему ты зла не учини,
И проведи въ любви ево блаженны дни!
То рекши и въ Пафосъ въ беззлобїи низходила
Еротъ, и Грацїи съ ней, и вся Венеры сила.

ЖЕНИХЪ.

Иль буду я, дуракъ? - - -
Въ третичной уже я теперь вступаю бракъ.
Отъ первыхъ двухъ я женъ, имѣлъ, къ себѣ успѣхи;
Но съ сей, я радости хочу пожать и смѣхи:
Но я, немного, старъ?.. то даромъ: можно тлѣть.
И точно мнѣ пришло женой ее имѣть.
Отличной мнѣ въ красахъ она здѣсь показалась:
Съ Венерой бы она, я чаю, потязалась?...
Не уступила бъ ей раздѣвшись до нага.
О! боги -- здѣлайте чтобъ я носилъ рога!

ЕПИТАФІИ.

I.

Преждебывшему Академїи НаукЪ Конректору;

а по томЪ

Професору краснорѣчїя

и

Магистру Философїи.

Поповской здѣсь лежитЪ: и смерть ево взяла:
ИзмѣреныимЪ здѣсь во Попїи дѣла.

* ——— *

*

II.

МИХАЙЛУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЛОМОНОСОВУ.

Хоть прахЪ твой близь царей сокрытЪ межЪ славныхЪ РоссовЪ:
Но духЪ превыше звѣздЪ взлетѣлЪ твой ЛомоносовЪ!
ПривыкЪ уже онЪ здѣсь какЪ пѣлЪ ЕЛИСАВЕТЪ
СЪ МалгербомЪ, сЪ ПиндаромЪ встекать вЪ небесный слѣдЪ?

XIII.

ЕЛЕГІЯ.

от҃ Автора, в҃ воспоминанїе

первой ево супруги

О. С. урожденной

БАЛБЕКОВОЙ.

скончалась 1769. в҃ Москвѣ.

О! предражайша тѣнь? тебя! я вображаю:
Возлюбленной душей, я душу заражаю?
Желаю осязать: .... но ты уходиш҃ прочь:
Мой лучезарный луч! .. скрываетъ вѣчна ночь!
Послѣдней и сея утѣхи я лишаюсь;
И вспомня о тебѣ слезами орошаюсь?

Возлюбленная тѣнь: являющась в҃ сей час҃:
Позволь мнѣ осязать себя единый раз҃?
В҃ послѣднїй раз҃ позволь себя всприкоснуться!
И с҃ страстным҃ тѣм҃ огнем҃ к҃ твоим҃ устам҃ прильпнуться.
С҃ которым҃ в҃ жизнь к҃ тебѣ! по самый гроб҃ твой тлѣл҃!
В҃ цвѣтущей младости; тобой я овладѣл҃ ....

Незнающу любви: я! научалъ любити!
Твоей мнѣ нѣжности не льзя по смерть забыти!
Ты цѣну воздала; чего въ жизнь стоилъ я?..
И чтитъ тебя за то, по днесь! душа моя?
О, мной священна тѣнь! супруги предрагїя!
Всегда, мной чтимыя?.. за времена мнѣ злыя.
Въ которы долженъ былъ и смогъ зло претерпѣть,
Прости! лишась тебя, коль смогъ любовью тлѣть ..!
Днесь, зришъ меня и въ томъ: и въ томъ столь откровенна.
Для брачныхъ узъ драгихъ: тобой мнѣ все прощенна?
Злощастїи мои; кто! сможетъ описать!
Лишъ тщатся фурїи?... мнѣ томну грудь сосать.
Вездѣ: гдѣ ты цвѣла; мѣста являлись, рая?...
Нарцизы: лилїи! и розы сорывая....
И слезы по тебѣ неволей потекутъ.
Обратно мнѣ они тебя, не привлекутъ?..
Теките изъ очей, ключемъ слезъ горькихъ рѣки!
Олимпїады мнѣ драгой, не зрѣть во вѣки.
Являйте надо мной, о, парки, власть свою:
И пресѣките жизнь, ненужну мнѣ мою.
Забавы всѣ мои: твоей забавой были.
И мыслью мы себѣ, другъ другу, не грубили.
Бывъ кроткой агницей, я милъ былъ, твой пастухъ:
И утѣшалъ тобой ежемгновенно духъ.
Притворства ты наукъ и грубости не знала:
Душа твоя ко мнѣ, чистѣйшїй огнь пускала.
Гдѣ зрился Гименей, съ тобой былъ и Еротъ:
Устъ сами Грацїи являли оборотъ,
Когда твоя душа въ уста мнѣ прелетала.
Душа моя тобой въ центрѣ солнца возлетала!
И растоплялася, божественнымъ огнемъ.

Увы! пресѣклось все, и, все симъ страшнымъ днемъ!
Въ который ты свой плодъ рождая обмирала.
Гдѣ имъ кончаяся, мнѣ, сердце раздирала.
Прости, сладчайшїй другъ, я, плачу по тебѣ,
И подкланяюсь я, разящей мя судьбѣ.

XIV.

ЕЛЕГІЯ

къ другу.

До нынѣ мы съ тобой хоть мы и раставались;
Но раны такъ въ сердцахъ у насъ не растворялись.
Внемли любезная! внемли мой тяжкїй стонъ!
Впусти печальный сей и нѣжный въ сердце тонъ?
Которой я тебя не зря вездѣ пущаю!
И духъ мой по тебѣ, всечасно возмущаю.
Минуты радостной: не вижу предъ собой:
Съ тѣхъ поръ! какъ я мой свѣтъ, растался лишъ съ тобой!
Въ стенаньяхъ лишъ однихъ и грусти упражняюсь;
Я алча зрѣть тебя, но симъ не наслаждаюсь.
Къ чему сурова часть къ чему, ты столь вредна:
Тебѣ, все сноснѣй тамъ: живешъ ты не одна?
Съ родителемъ теперь ты другомъ обитаешъ;
И зря нашъ общей плодъ, и братьевъ двухъ зря таешъ?
Веселье предъ тебя среди и мрачныхъ тучь!
Все мещетъ сколько льзя забавъ пресвѣтлый лучь!..
Дражайшаго отца въ объятїяхъ ты млѣешъ
И только объ одномъ супругѣ лишъ болѣешъ!
Что въ радости твоей участья онъ не зритъ
И о тебѣ всякъ часъ со стономъ говоритъ!
Родившаго тебя восторгъ увеселяетъ;
Онъ нѣжную въ твое, тамъ сердце мысль вселяетъ.
Когда восклонится на выю онъ къ тебѣ?
А ты ево главу прижавъ рукой къ себѣ:
Посребрены власы устами какъ лобзаешъ:

Не льзя и вобразить что днесь ты ощущаешъ?
А я и зрѣть ево! и всѣхъ забавъ лишенъ!
Довольно ль для меня ударъ сей, совершенъ!
Лишенный всѣхъ утѣхъ не зря тебя страдаю;
И тщетно я тебя воскорѣ ожидаю.
Во всемъ противности свирѣпый рокъ сулитъ
И нѣтъ надежды мнѣ надежда въ чемъ манитъ!
Брожу безъ памяти я что ни предпримаю!
Все! горько предо мной тебя одну внимаю? —
Мнѣ быти безъ тебя въ прелестныхъ гдѣ мѣстахъ
Пустыня кажется! быть мрачная, и страхъ!
Всегда уединенъ, я книгой грусть питаю;
Читаю иногда, но что я чту не знаю?
Въ отсутствїе твое ни что не веселитъ,
Въ чемъ пользы я ищу все плакать мнѣ велитъ!
И нѣтъ отрады мнѣ? въ мученьяхъ истлѣваю,
Коль тщетно твоего возврату ожидаю.

XV.

ЕЛЕГIИ
КЪ МУЗАМЪ.

I.

Ниже! лютѣйшїя! на свѣтѣ всѣ мученїй?...
Коварство; - - клеветы: душъ злѣйшихъ ополченїй?..
Ни что не можетъ мнѣ взложить сихъ тяжкихъ узъ,
Чтобъ удаленъ я былъ отъ васъ прекрасныхъ Музъ ..
Весь вами! .. духъ мой весь, все сердце напоенно:

Прещедрой мнѣ судьбой оно къ вамъ прилѣпленно:
Я отвратить ево не силюсь, никогда - - - - -
Какая бъ ни далась злой частью мнѣ бѣда:
Хоть и вонзились бы коварныхъ въ грудь мнѣ стрѣлы?
Взнесусь, колико льзя хоть вздохомъ къ вамъ въ предѣлы? .
Въ васъ только знанія, въ васъ правды блещетъ лучь?
Я и кончая жизнь, не устрашусь сихъ тучь,
Которыя меня по гробъ мой провождаютъ,
И въ день, и въ ночь меня? — злодѣи повреждаютъ.
Но приключить вреда не могутъ мнѣ еще;
Трясенье языка, ихъ вреднаго? — вотще.

Какъ вредоносный змїй о камень пресмыкаясь!
Точа свой тщетно ядъ, отходитъ, извиваясь?
Онъ озлобляется сто кратъ на твердость зря.
Такъ тщетно и враговъ, злый скопъ на мя горя?
Въ досадѣ онъ своей, всю желчь въ покой мой плещетъ!
И не можа сгубить, заочно лишъ клевещетъ!

Но кто жъ, враги мои? — несвѣдомыя мнѣ:
Ниже другой изъ нихъ кто зрѣлъ меня во снѣ:
И сей идетъ, и мѣхъ въ горнило воздѣваетъ,
И искры ярыя, на воздухъ возвѣваетъ?
О! вы невинности свидѣтели моей!
Творящи казнь въ сердцахъ, порочнѣйшихъ людей?- .
Преобращая въ снѣдь, не внемля оныхъ нраву:
Мнѣ ихъ готовый ядъ имъ въ собственну отраву.
Вы зрите то съ высотъ, что рушитъ мой покой:
Не правдой я гонимъ, не рвусь я тѣмъ тоской?
Не злобѣ сихъ дѣйствомъ я, лютѣйшихъ огорчаюсь,
Лишъ тѣмъ, что съ вами я днесь Музы разлучаюсь —

Мнѣ сихъ тревогой вдругъ какъ бури въ мрачный часъ,
Какъ солнце тьмитъ свой лучь, скрывается Парнассъ?
Которой естьли я, увы! - - - - питая злобу:
Не буду зрѣть по семъ! повергнусь, къ дверямъ гроба?
И во отчаянїй безъ стона ужъ сего
Спокойна буду ждать кончанья моего.

О! нестерпима казнь! воображенье злое!
Могу ль я быть когда, и ахъ, могу ль въ покое?
Меня надежды лучь единымъ веселитъ
Вздыхати и страдать правдивымъ долгъ велитъ.

Увы! - - - когда бъ я былъ, врагамъ моимъ подобенъ:
Я жилъ бы клеветой, но щастливъ, хоть и злобенъ.
Не сталъ бы отчества о пользѣ я радѣть
И сталъ бы какъ они неправдой богатѣть.
Намѣсто чтобъ какъ днесь, наукой восхищаться;
Я сталъ бы какъ они лукавствомъ возвышаться.
И добродѣтели, не зная, ни любви:
Я радъ обмытся бъ былъ, во ближняго крови!
Старался бъ я всякъ часъ, порочнѣйшихъ прославить;
И тѣми подкрѣпясь я правду обезславить.
Со зла збирати плодъ искусно бъ я рачилъ
И душу безъ вины нарочно бы горчилъ.
Не сталъ бы больше я всходить и надъ протоки!
Гдѣ чистыхъ водъ ключи и гдѣ поля широки!
Гдѣ зрѣнїе мое господствуетъ и слухъ! . . .
Намѣсто бъ я сего, возвеселилъ мой духъ? . . .
Не въ рощахъ межъ ключей прекрасныхъ, Геликона,
Но въ зборищѣ коварствъ, невиннымъ ради стона.
Межъ труповъ сихъ бы я въ казнь данныхъ человѣкъ
Провелъ бы въ радости, и во спокойствѣ вѣкъ.

Ахъ! Музы! естьли я и симъ ихъ прогнѣвляю,
Что я къ спокойствїю желанїе являю.
Когда въ подобныхъ мнѣ случаяхъ иногда,
Терзался тотъ и самъ злой мукою всегда.
Которой превзошелъ досадъ здѣсь всѣхъ степени.
Для имяни ево, воздайте вы имъ пени?
И естьли правду пѣвъ, зло тучей стрѣлъ разилъ!
Ево, мнѣ дайте лукъ! ево, и крѣпость силъ? —
Отъ треволненїя и злобъ душѣ смятенной
Когда къ злой горести и участи отмѣнной,
Лишится должно чѣмъ, блаженства мнѣ всегда!
Такъ тѣмъ, что Музы васъ, не зрѣть мнѣ никогда!

II.

Доколь мой будетъ духъ сурово такъ терзаться?
Доколь мнѣ будетъ здѣсь, со тиграми сражаться?
Иль вѣчный въ томъ уставъ безъ пользы чтобъ горѣть
Чтобъ васъ мнѣ Музы зря всечасно, и не зрѣть!
И вображенїе о васъ къ тоскѣ днесь лютой!
Тревожитъ ужъ напасть всезлобной мя минутой?
Какъ я забывъ тоску къ вамъ пламенемъ горю
И Музы съ вами я восторженъ говорю:
Когда я удаленъ, противныхъ думъ бываю:
И нектаръ сладостный отъ васъ я испиваю.
Лишъ сладости того польются мнѣ во кровь
И сердце къ вамъ вспалясь почувствуетъ любовь:
Которою, я къ вамъ, въ той часъ, толь нѣжно таю;
И жаръ божественный въ груди моей питаю!
Когда приникну лишъ, къ толь нѣжнѣйшимъ красамъ
Въ объятїяхъ взлетѣть межъ васъ ко небесамъ?

Любовь чѣмъ ваша мнѣ любви моей питаетъ?
Гдѣ истинна сама съ восторгомъ васъ срѣтаетъ?
Въ той часъ, о времена! въ васъ оскорбляя видъ,
Являются ко мнѣ злыхъ козни для обидъ?
Кровавы въ нихъ глаза, тамъ зрю, какъ злоба мучитъ:
Кому сихъ Сциллы псовъ бреханье не наскучитъ!
Разсыпанъ, фиміямъ: палъ, жертвенный олтарь...
И приношеніе, ниспровергаетъ, тварь!..
Но вы, о Музы всѣ, мое терзанье внемля,
И въ сей злой участи участіе пріемля:
Возободрите мой въ волнахъ, топящись умъ!
Не зналъ гонимый я, досель, толь тяжкихъ думъ?
Но естьли васъ мой стонъ тревогой зла не тронетъ;
То въ жертву вамъ мой духъ уже въ послѣдній стонетъ.

XVII.

САТИРИЧЕСКАЯ ЕЛЕГІЯ КЪ ЗЛОБѢ.

Тревожъ мой духъ тоской, умножъ свое ты рвенье:
Стремись ты на меня душъ мрачныхъ дерзновенье:
Дерзай: и надымай свою, о! злоба грудь.
Коль можешъ ты меня и всемъ что есть тронуть!
Я въ горестный сей часъ, въ которой мнишъ страдаю:
Къ веселью твоему, не скрывъ болѣзнь рыдаю.

И для чево то крыть; коль въ вѣкъ нещастенъ я:
Въ тревогѣ вѣчной вся влачится жизнь моя!
Я зло, беззлобный зрю! имъ мучася повсюды
И нѣтъ надежды мнѣ, къ спокойству ни откуды.
Гонимый я стеню, въ свой вѣкъ, лишъ въ оный часъ;
И злобѣ опускалъ всякъ день, не со сто разъ:
И буду отпускать, колико станетъ мочи.
И отвратилъ давно мои, отъ злобныхъ очи;
Невнятнымъ имъ однимъ, презрѣньемъ лишъ платилъ:
О! естьли бъ смогъ лишъ я! я бъ зло, обзолотилъ!
Лишъ только бъ мнѣ ево избѣгнуть, удалиться;
И можетъ быть могла бъ, тѣмъ злоба утолиться?
Внемли желанїю, о! злоба . . . утолись:
И слыша злата звукъ для злата умились!
Увы! коварство мнѣ не сродно; мнѣ обидно:
Взираешъ на меня и днесь ты звѣровидно?
Что дѣлать? . . я Поетъ: хотя что и скажу;
Я злобѣ тѣмъ свои услуги покажу.
Не трогай ты меня; о злоба, мнѣ вить больно:
Взалкала ты меня кусати очень вольно.
Не знаю больше чѣмъ тебѣ я угодить?
Посуломъ мнѣ тебя, однимъ, не усладить!
Мнѣ должно бъ вдать тебѣ! . . но дать я, не умѣю:
Воспользуй мя хоть разъ уклонностью своею!
Вели предъ зракъ ты свой то зеркало принесть,
Которо скажетъ намъ, что зло, и что есть честь.

---

* Здѣсь претворено, Лихоимство, въ злобу, ибо когда оное, не получаетъ своего желанїя: то претворяется уже, въ непримиримую къ смертнымъ злобу!

ИЗОБРАЖЕНІЕ ПОРОКА.

Любезну ада дщерь изобразить я тщуся:
Ни злости отъ нее ни яду не страшуся.
Сїе чудовище, имѣетъ страшный зевъ;
Змѣя, изъ внутрь ево, и слышанъ томный ревъ.
Кровавыя глаза; а хвостъ, во крюкъ согнутый
Къ багровой чешуѣ; вездѣ крючки примкнуты,
Преострыя съ перомъ въ рукахъ несетъ крючки.
О, чудо, и въ ногахъ влечетъ оныхъ пучки!
Злопамятна; всѣмъ льститъ; и все что есть цепляетъ;
Изъ пасти льетъ вдругъ желчь, и смертныхъ уязвляетъ.
Ни громъ, ни молнїя, ее въ вѣкъ не страшитъ?
Ехидна во устахъ ея, всегда шипитъ.
Всѣ, мнятъ, зла! фурїя . . . во адѣ, со ехидствомъ
Сїя жъ еще той зляй: зовутъ ту Лихоимствомъ.

Н. С.

МОЛИТВА.

О Боже праведный!
Колико мощенъ ты:
Толико въ благости своей премилосердый.
Гнушался ты всякъ часъ
Злочестьемъ
Срамотой
И въ тартаръ отсылалъ, судей немилосердыхъ.
Не крови жаждемъ мы,
Хоть кровь сосать обыкли.
Во правосудье мы твое,
О Боже!
Неправосудїе творя,
Ко беззаконїю
Довольно вникли.
Не накажи ты насъ,
Терпѣнїемъ своимъ?
О томъ тебя молю
Когда моя душа, явится на судѣ,
Горда прелюбодѣйна.
И гада всякаго, нечистаго душей.
Срази! и погуби коварство ты во мнѣ,
Которо ангеламъ, нечистымъ лишъ прилично.
Творить когда возмню
Неправду на судѣ.
И прилѣплюсь ко мздѣ.
Ударь! и расточи мои ты члены бренны.
ЕКАТЕРИНОЮ поставленъ свѣтлый судъ.
Ее ты оправдай
Сразивъ меня достойно.
Творящихъ же моихъ, сотрудниковъ сїе:

Поклявшихся сто кратъ
Передъ Ея престоломъ.
И въ храмѣ предъ тобой
Взносящихъ персты.
Обычныя творивъ и клятвы и татьбы.
Въ комъ вѣдаешъ ты ложъ,
Кто дѣлаетъ въ нихъ злое:
О Боже.
Ихъ! взнеси и утучни!
Когда насытются
То толстотой своей гнушатися
И сами будутъ.
Презрѣнъ
И нечестивъ
Отъ роду своего
Отъ кровныхъ
И отъ псовъ
Краулющихъ ихъ домъ:
Гдѣ лихва ихъ сокрыта.
Облаяны да будутъ . . ,
И будетъ всякъ изъ нихъ
Трясущись на землѣ,
Враждебно сотворенье.
Подобно Каину
Трясущись самъ въ себѣ? —
. . . По гласу моему!
Которой Творче ты внимаешъ иногда!
Да будетъ всякъ изъ нихъ, какъ Каинъ проклинаемъ.

*   *

*

МОЛИТВА

вторая.

На тебя и надежду взлагаю!
Боже мой Творче для правды дерзаю.
Мысль мнѣ и умъ мой въ мой вѣкъ просвѣти!
Злоба гдѣ дышитъ не дай ей пути.

*   *
*

ГИМНЪ,

КЪ ЦІАНѢ.

*

Милостивая Цїана!
Мать правосудїя;
Кроткая и щедрая богиня.
Наперстница небесъ!..
Хоть я тебя не именую,
Но знаютъ всѣ тебя:
Кто ты,
И кто ты есмь?
Мой духъ тебя всѣхъ больше знаетъ!
Подобно духу тѣхъ
Которыя тебя,
Съ безсмертными равняютъ.
О! матерь Россїянъ!
Отрада дней моихъ,

Дней красныхъ и весеннихъ.
Къ тебѣ въ сей часъ мою всю душу изливаю!
Согласно днямъ твоимъ!
Любуяся тобой;
Склоняю лирный гласъ,
Тишайшимъ звономъ симъ, отъ сердца проливаю.
Твоимъ закономъ мы и дышемъ и живемъ!
Твоимъ уставомъ мы и жизнь ведемъ щастливо.
Ты утверди мой гласъ ко пѣнїю тебя.
Лучами ты меня твоими; просвѣти?
Да озаренъ вдругъ ставъ, твоимъ всесильнымъ свѣтомъ,
Потщуся я тобой
Въ твоей державѣ славной
Воспѣти я твою къ намъ милость и любовь.
Твой громъ! твой судъ, твою и славу:
Которая гремитъ и удивляетъ миръ.

* *
*

САТИРА.

НА ЛАСКАТЕЛЕЙ ЛИХОИМСТВА,

писана въ Пензѣ.

Бездѣльникъ тѣмъ не сынъ отечества скучаетъ
Кто въ обществѣ плутовъ плутами величаетъ.
Иль должно чтобъ и намъ себя тѣмъ заражать
Отечества врагамъ не скрытно подражать.
Враговъ! сихъ скареднѣй не вижу я въ природѣ?
Представить гнусно въ мысль и одного въ семъ родѣ.
Гдѣ язва мерзская зараза гдѣ, гдѣ ядъ:
Пускай невѣжа мнитъ не язва то но кладъ.

Порочный гдѣ судья онъ не хранитъ законы,
Пускай они къ нему сверкаютъ на поклоны.
Нравоученїемъ ужъ ихъ не предолѣть.
Но можно ль не вздыхать о томъ и не болѣть
Когда безмозглыя тамъ плута окружаютъ
И знатью чрезъ прїѣздъ безгласныхъ устрашаютъ!
Намъ вмѣстно чтобъ съ него презорствомъ маску збить,
Скоты сїи предъ нимъ въ шутахъ готовы быть.
Коль удостоится объятїя судейска;
Хоть совѣсть зная въ немъ что вѣрно ужъ злодѣйска,
Со плескомъ до небесъ возносятъ мниму честь.
Удобно ли невѣждъ всѣхъ разомъ перечесть?
Иной что взросъ въ лѣсу межъ горкїя осины,
Съ крапивой содружась предводитъ къ ней полтины.
Другой тамъ говоритъ тому что столь богатъ
Не соизволите ль надѣть ему канатъ.
Селенїе сїе совсемъ уже безгласно,
Не соизволите ль; все будетъ безопасно.
И гнусное сїе позорно ханжество
Зовется межъ собой дворянства общество?

Ахъ! естьли бъ былъ я льстецъ! то бъ хоботъ изгибая
Хвалилъ бы во глаза а внутренно ругая
Дивился бъ тварей сихъ безмозглымъ головамъ!
Направьте о льстецы вашъ слухъ къ моимъ словамъ!
Когда внимаемъ мы что то и то порочно
Вниманїе сїе въ насъ было бъ не безпрочно.
Но слышу я въ отвѣтъ не всякой то творитъ
Другой съ судьею тамъ о дѣлѣ говоритъ:
А ты сатирствуя судью и всѣхъ поносишъ?

Бездѣльника и ты мой другъ названья просишъ:
Когда счисляешся еще между людей,
Смотри, колю плутовъ колю я не судей.
О дѣлѣ говорить съ судьями не безчестно,
Прямыхъ тебѣ судей знать имя неизвѣстно.
Таковъ ли твой судья каковъ твой бредъ и сонъ:
Внимаетъ ли вдовицъ сиротъ и бѣдныхъ стонъ.
Хранитъ ли правы онъ, нѣтъ, въ немъ сего не видно,
Караетъ ли воровъ ихъ любитъ очевидно.
Правдивый судїя со задняго крыльца
Не гнетъ своихъ вѣсовъ ни для серебреца;
А твой съ улыбкою и гнусными смѣшками
Яичкомъ крендelькомъ беретъ и пирожками.
А ты сего за то сугубя твой приѣздъ
Пифона возносить стараешся до звѣздъ.
Представь когда сей гадъ и съ симъ не растается
То злато ли съ сребромъ алчбою отметнется.
По правдѣ судїю кто можетъ извинить
Во взятокъ онъ возметъ хотя едину нить.
Не ясно ль въ лабиринтъ дорогу та укажетъ,
Кто нитку подаритъ языкъ свой не привяжетъ.
Велико для судьи хранить судейску честь!
Или ужъ въ день ему тотъ нечево поѣсть
Въ которой не сорветъ съѣстного онъ приносу:
Захочетъ ли прямой судья такого носу
Коль чувства не совсемъ ево омрачены,
А вы! вы для судей шутами рождены!
Когда съ приносомъ кто къ судьѣ при васъ явится,
Кричите подлецы что хлѣбъ соль не бранится.
Лисицу принесли! въ ней соль, въ ней хлѣбъ иль медъ?
Варитъ ли вамъ судья подошву на обѣдъ;
Становитъ ли предъ васъ желѣзо за жаркое

И мыло въ кашѣ вамъ чай сладко воровское.
Коль мнится въ васъ судья онъ тѣмъ и философъ
Что зерны съ нашихъ нивъ беретъ изъ колосовъ.
Чудитесь же еще представя ево глодку
Приносной деготь то вы пьете съ нимъ за водку.
Но легче кита мню на удѣ вознести!
Чемъ тварь поносную въ разсудокъ привести. (*)

СТАТЬЯ 10я.

изъ моего судейскаго катихизиса.

Хоть бѣсъ будь секретарь!
Но будь судья не тварь.

Былъ доброй нѣкогда судья во градѣ
Всѣмъ жителямъ къ отрадѣ
Онъ истинну любилъ
Невинность не губилъ
И наблюдалъ указъ которой такъ гласилъ:
Чтобъ всѣ рѣшенїи давать въ приказѣ
А не судить въ дому
А что написано ему было въ наказѣ
Онъ все твердилъ уму
При каждомъ разѣ
Когда бывалъ въ приказѣ
Твердилъ и на дому

(*) Сатир: на ласк: лихоимс: здѣсь напеч: вторымъ тиснен: въ первой разъ въ 1773. был: нап: въ Москвѣ.

Ево служенïе повсюду прославлялось
И имя алчнаго кЪ нему не прикасалось
Казну не кралЪ.
ПримѣрЪ онЪ изЪ себя судьи изображалЪ
Такого
КакихЪ немного.
И прямо былЪ судья, онЪ былЪ судья, не тварь:
ОнЪ былЪ судья таковЪ, желалЪ какого царь.

НА БЕЗДУШНИКОВЪ.

КоторыхЪ мы вЪ числѣ бездушниковЪ считаемЪ;
Тѣла ихЪ безЪ души не ложно обрѣтаемЪ.
ЛишЪ только что судья скривитЪ душею вѣсЪ,
То душу ево вЪ мигЪ во адЪ низноситЪ бѣсЪ,
И самЪ оставя ту изЪ тартара мгновенно,
ВтекаетЪ вЪ трупЪ судьи отЪ смертныхЪ сокровенно.
Судей безсовѣстныхЪ, скупягЪ ростовщиковЪ,
РазбойниковЪ воровЪ и злыхЪ прибыльщиковЪ
Давно на свѣтѣ нѣтЪ: а вмѣсто ихЪ все черти:
Которы мучатЪ ихЪ вЪ сей жизни и по смерти.

ЕПИТАФIИ.

I.

Ѳемисина здѣсь прахЪ
СокрытЪ дражайша сына,
КЪ безсмертïю ему сïя вина едина
НевиннымЪ былЪ онЪ щитЪ, злодѣямЪ былЪ онЪ страхЪ.

II.

Подъ плитой здѣсь лежитъ хищнодѣлецъ приказный,
Сбиралъ онъ съ поселянъ поборы не указны.
Въ приказѣ онъ сидѣлъ, невступно сорокъ лѣтъ:
Во всю жизнь былъ онъ пьянъ, и пьянъ покинулъ свѣтъ.
Отъ каждаго рубля по четверти хоть бралъ,
При платежѣ, когда подушные сбиралъ;
Но не осталося при смерти ни полушки;
Предъ коей разомъ въ долгъ, три выпилъ вина кружки.
Къ роднѣ усерденъ былъ, и денегъ не копилъ:
Отца подъ кнутъ привелъ, а мать полѣномъ билъ;
Онъ деньги хоть и бралъ; носилъ ихъ во кружало:
Оставшими изъ тѣхъ, острилъ судей злыхъ жало.
Прохожїй! . . . плюнь, взмутясь на мѣсто ты сїе:
Сказавъ: издохшимъ таковымъ сїя награда:
Стени, о извергъ ты, въ рединѣ самой ада.
Тамъ пламень огненный, наслѣдїе твое.

III.

Приказный здѣсь зарытъ, онъ умеръ всѣмъ къ отрадѣ.
Не знаю: требуетъ ли взятковъ онъ во адѣ?

IV.

Подъ камнемъ кости здѣсь того Понежи тлѣютъ,
Которой въ жизни что въ приказѣ ни писалъ;
Ни чьи того умы поняти не умѣютъ;
Лишъ враки тѣ одни Понежи разумѣютъ.

Но какЪ Понежа кровь, когда и чью сосалЪ:
Всѣ вЪ памяти имѣютЪ!

V.

Смиренница, спокойно здѣсь лежитЪ.
УжЪ язычокЪ вЪ устахЪ старушки не дрожитЪ.
На свѣтѣ живучи, словЪ злыхЪ имЪ много ткала:
Себя и ближнихЪ имЪ, какЪ плеточкой пытала.

НАДГРОБНАЯ

ЕРМОЛКѢ.

Лежу я здѣсь: нѣтЪ, кости лишЪ лежатЪ!
ДухЪ вЪ адѣ мучится; крючки меня бѣжатЪ.
КоторыхЪ, самЪ я былЪ кЪ злу дѣйству сотворитель:
КрючковЪ родитель? . .
Прохожїй: помолись, какЪ маливался я.
ВздохнешЪ ты, обо мнѣ когда прямой судья.

ЕПИГРАММЫ.

ОтецЪ и мать и дѣдЪ для насЪ немного спятЪ;
Хотя бЪ кащействовавЪ, нажитка не скопятЪ.
Дѣтина я, и взросЪ! и выученЪ какЪ должно:
Знать лутче воспитать мя было не возможно.

*

Напрасно силимся воровъ искоренять,
А прежде надлежитъ потачку намъ унять.
Потачка ихъ душа, живитъ и движитъ тѣло;
Потачку отъими: и тѣло онѣмѣло.
Указы говорятъ: воровъ поусмирить;
Потачка говоритъ: изволька ихъ дарить.

*

Скажи что дѣлать намъ, алчбою ослѣпленнымъ,
Чтобъ въ жизни сей не стать, какъ и по смерти тлѣннымъ;
Какое средство взять . . . но насъ не погуби?
„Законъ, царя, людей и Бога возлюби;
„Иль надпись всякъ готовь, и по столбу сруби.

*

Въ дворяня поступилъ: а кто? приказный пень:
Заслуги на сїю возводятъ лишъ степень?
Не видно намъ заслугъ подъяческаго сына;
Но видѣлъ ихъ судья при справкѣ сквозь алтына.

*

Я могъ тебя сносить хотя ты былъ и тупъ;
Хотя во тьмѣ душа твоя и пребывала,
Душа моя твоей поправки ожидала.
Подъячїй сталъ твой другъ: такъ вѣчно сталъ ты глупъ.

*

Скажи за что всегда подьячихъ ты бранишъ,
Видь ты ихъ никогда ни чѣмъ не подаришъ;
Подьячїй человѣкъ, и созданъ то жъ отъ Бога:
Отвѣтствую тебѣ: злодѣйства ихъ премнога!

*

Приказной подрядилъ изъ самой малой платы,
Чтобъ здѣлали ему изъ камню скотной дворъ;
Но что: подрядчики на планѣ зрятъ палаты,
А съ неустойкою записанъ договоръ.
Честной ли человѣкъ приказной сей, иль воръ?

*

Вселенна любитъ вся что сонце въ ней горитъ;
Не любитъ только тѣхъ кто правду говоритъ.
Когда жъ не мыслить намъ объ истиннѣ въ семъ мирѣ:
Такъ должно всѣмъ ийти давно уже къ могилѣ.

*

Къ чему ты льстишъ меня и злобу такъ бранишъ.
Злодѣй! ты всякой часъ въ себѣ ее хранишъ;
Тогда умретъ въ тебѣ со ядомъ скверна злоба,
Когда пожретъ тебя сея земли утроба.

*

Отъ злобы человѣкъ еще не убѣгалъ,
Свербитъ всегда языкъ, которой мало лгалъ.

*

Друзья мои! - - - - - - - - - - -
Напрасно жаломъ вы острѣйшей бритвы льститесь,
Отбривши свой языкъ вы имъ не подавитесь.

*

Вездѣ мой духъ враги старалися тягчить;
Отчаянїе стыдъ иль смерть мнѣ приключить.
Но я отъ нихъ бѣжа гнушаяся ихъ ядомъ,
И сонмище ихъ звалъ, какъ должно звати: адомъ.

* *
*

КЪ N. N.

* * *

И ты поему составляешъ?
Безмозглая душа!
Поема слогомъ ли душистымъ хороша?
Ты слогомъ лишъ своимъ слогъ руской отравляешъ:
Гомеру, рускому, знать въ слѣдъ ты поспѣшаешъ?
Поема здѣсь ево, поемамъ ставъ душа:
Хераскова поема, хороша,
И Россїядой здѣсь творецъ, съ ево героемъ
Не меньше славенъ сталъ, какъ и Чесменскимъ боемъ.
Онъ первой ихъ пропѣлъ,
Когда ихъ пѣть хотѣлъ
И на Парнасъ взлетѣлъ!
А ты на чемъ себя, съ трубою, снаряжаешъ?
Не на Пегасѣ ты дружечикъ разъѣзжаешъ:
Лишъ Россовъ пристыжаешъ.

ЕПИГРАММА
НА ЛАСКАТЕЛЕЙ ИСТОРИКОВЪ.

Нерона извинить и мать ево оправить
Въ убивствѣ Клавдія супруга своего:
Кто хочетъ таковыхъ героями возславить!
Не будетъ краше въ вѣкъ въ немъ подвига сего.
Одинъ сражая мать, багрилъ въ крови той руки;
Агриппа ядъ дала, не устрашаясь муки: *
Героевъ таковыхъ изображая духъ,
Писатель извинить хоть мало устремится
Достигнетъ вѣчный лавръ и слава не затьмится:
Съ нимъ будутъ видѣть трехъ злодѣевъ а не двухъ.

ЕПИГРАММА.

Зову хоть въ гости всѣхъ; не радъ я ни кому:
За тѣмъ что ангела имѣю я въ дому.

СТИХИ
къ имяни Сапфиры.

*

О! имя подобное небу,
Цвѣтомъ когда оно въ ведро бываетъ,
Лазоревымъ блещетъ нетлѣннымъ Сапфиромъ.

* Агриппина II.

НА МАСТЕРИЦУ.

Киѳера! .. ты меня дивишь? - -
Безъ преподанья, многихъ знанїй,
Какимъ талантомъ вдругъ даришь
Драгую? къ коей мя - - палишь!
Ненадобно твоихъ ей больше наказанїй.

ЕПИГ:

Хорошъ и твой Милонъ!
Изволька посмотрѣть, отвѣсилъ онъ
Какой поклонъ!

БИЛЕТЦЫ.

I.

Прежнїя годы, гдѣ вы дѣвались?
Въ розахъ зря розу ей любовались.

II.

Лишъ мнѣ то одному, стократно повтори
Что любишъ ты меня; ни съ кѣмъ не говори.

III.

Я имянемъ всегда прямымъ тебя зову!
Сапфирою въ стихахъ, а инакъ на яву.

* *
*

НА НЕСКРОМНОСТЬ.

*

О! Лилїя?.. гордись ---
Однако не стыдись
Что онъ тобой згараетъ?
Бывъ страстна: не любви; нескромности стыдись?
Нескромной стать, брегись.
Онъ жаръ своей любви къ тебѣ не умѣряетъ,
И зря всѣ прелести, таланты зря въ тебѣ! --
Пресладки мысли о тебѣ
Влюбленнымъ чувствамъ лишъ однимъ своимъ ввѣряетъ.
Нѣжнѣйшимъ чувствїемъ какъ душу тя любя,
И вображаючи тебя,
Онъ въ страсти жизнь губя, безъ жалости теряетъ.
Достигла ты любви ево,
И всей прїязни. ----
И радъ лобзати ногъ слѣдъ праха твоего!
Не можно изобрѣсть тому лютѣйшей казни,
Кто могъ нескромнымъ стать:
И будетъ гнусный онъ чужому сердцу тать.
Играющїя тѣмъ въ прелестныхъ взгляды;
Себѣ готовятъ яды,
Хоть послѣ въ нихъ сердца другое изрекутъ:
Восхощутъ ... и любить; но ужъ не привлекутъ.
Коль въ насъ сердца страдаютъ;
Во скромности драгихъ, и облегченья чаютъ.
Языкъ противу ихъ другихъ, не ополчаютъ;
И страстныя слова, въ сердца лишъ заключаютъ.

„Любить и не любить не въ волѣ состоитъ
„Но въ волѣ то моей что дѣлать надлежитъ.
По волѣ ль, я своей, къ прелестной взоръ пущаю?
Скажи что хочетъ глазъ въ отвѣтъ, не воспрещаю.
Лишъ только онъ себя, не изрезви:
Внутрь сердца сообщивъ; хулой мя не язви.
И не скажи кому языкомъ, - - - онъ мя любитъ:
Языкъ безчестїе, и не въ любви сугубитъ.
Любовный огнь горитъ,
Любви прельщающимъ языкомъ говоритъ.
Къ обидамъ въ пѣсняхъ славенъ;
Тотъ будетъ самъ ужаленъ;
И дни ево дни розъ, злы фурїи ссѣкутъ:
Невѣжды съ вѣтромъ рѣчь изъ паутины ткутъ.
Въ любви играютъ стройно
И скромно и пристойно.
И нѣжный какъ въ устахъ, три дщери узлъ плетутъ;
Такъ тѣмъ драгїя въ насъ вдругъ и сердца мятутъ.
Любезныя устъ, виды:
Тутъ дѣлаютъ сердцамъ, пресладостны обиды?..
Нескромнымъ быть,
Возможно ли любить!
А скромность онъ свою, твоей лишъ размѣряетъ;
И мысли о тебѣ единой лишъ вперяетъ.
И, въ томъ, что я скажу объ немъ теперь:
О, Лилїя? - - повѣрь - - - -
Онъ тѣмъ себя не укоряетъ.
Какъ бабочка въ огнѣ, онъ такъ тобой згараетъ?
Любовь свою къ тебѣ, твоей лишъ растворя,

И къ Лиліи здѣсь мной, въ восторгѣ говоря.
А я восторженъ ставъ, вдругъ мыслію взлетая
И вѣрностью ко мнѣ моей Сапфиры тая,
Тебя я Лилія, во страсти съ нимъ, хвалю?..
И огнь сей, за нево моимъ потокомъ лью!
Ево лишъ, въ пламени, слова здѣсь повторяю,
Какъ бабочка въ огнѣ, я такъ тобой згараю?
Тоя, я имянемъ кленясь:
Тобой плѣнясь!
Прекрасная; ни въ чемъ, тебя, не укоряю?..
И пламень мой твоей лишъ волей растворяю.
Представь себѣ, меня губя,
Дражайшая, другова ты любя!
Ты можешъ мя, любить - - - - не согрубя.
Я жаръ въ моей крови къ тебѣ не умѣряю:
Хоть сердце каменно, смягчить не уповаю!
Достойна ты, любви моей,
Почтенья, всей пріязни..!
Коль хочешъ насылай на мя лютѣйши казни:
Свирѣпая!.. тобой я все снесу?
И въ жертву для тебя весь духъ мой понесу!
И принесу, себя, я въ жертву, безъ боязни?..
Ахъ! возлюби меня,
Плѣня?
Хоть мыслишъ, и мятежно?
Имѣешъ, сердце, нѣжно..?
Нескромности брегись;
И съ сердцемъ тающимъ, всей нѣжностью любись!
Но въ страсти я ево лишъ рѣчи повторяю - - -
Красой твоей тебя кленясь я увѣряю:
Бѣла какъ Лилія! . Сапфира такъ бѣла?
И разомъ та мое вдругъ сердце отняла!

Бѣла какъ Лилїя,
Какъ роза ты румяна..?
Чево здѣсь стоишъ ты: о томъ лишъ знаю, я.
Натура прелести, въ составъ какъ твой, лїя:
Съ твоимъ любезнымъ нравомъ,
Не здѣлала тебя, и для любви тираномъ.

* *
*

XVIII.

ЕЛЕГІЯ.

*

Оставь, дражайшая! сомнѣнїе о мнѣ:
Въ какой бы я ни жилъ щастливой сторонѣ:
Въ какой бы свѣта край судьбой не отдалился;
Заразами бъ я глазъ ни чьими не прельстился?
Я глазъ отравою твоихъ лишъ опоенъ,
И мыслїю къ тебѣ и сердцемъ приклоненъ.
И ни прельститъ меня краса во вѣкъ другая!
Растатся мнѣ съ тобой не хочется драгая?
Колико въ твердости ни зрюсь способенъ быть:
Но льзя ль мнѣ по тебѣ драгая слезъ не лить.
Зря слезы и стихи лишъ томны мнѣ родятся,
Потоки изъ очей безвременно катятся.
Хоть и прельщали бъ мя тамъ всюду красоты,
Давалися бъ хоть въ плѣнъ, столь нѣжно! какъ и ты;
Съ сугубой прелестью бывъ страстна мнѣ вручилась,
Нещастье бъ тѣмъ на мя суровѣй ополчилась.
Не инакъ бы я сталъ на прелести взирать,

Какъ вспомнивъ о тебѣ драгая, обмирать.
Лишъ вспомню я о томъ! что нѣтъ тебя со мною!
И что растался я невольно съ той страною:
Въ которой дышучи тобой, всю грусть морилъ?
И гдѣ прельстившу мя внезапу покорилъ?
Гдѣ въ первый я тобой мой свѣтъ возлюбовался;
Гдѣ прелестямъ драгимъ, во жертву предавался?
Какъ услаждался я; и ты драгая мной!
Лишъ вспомню я о томъ раставшися съ тобой: . . .
Тогда всѣхъ думъ лишась, мнѣ придетъ чувствъ лишится,
И боль въ моей груди, сто кратъ тутъ совершится?
Увы! встрепещетъ вся, тобой томящась грудь:
Дражайша! ты меня въ разлукѣ, не забудь!
Ахъ вспомнишъ: здѣсь какъ мной драгая, любовалась!
Когда твоя душа и грудь мнѣ въ плѣнъ давалась?
Въ минуту все тогда вдругъ мыслью привлечешъ
И имя тутъ мое не разъ произречешъ.
Представишъ все въ умѣ, здѣсь какъ и въ тай видались,
И явно, какъ безъ слезъ скрѣпясь мы раставались.
Какъ разлучалися мы съ хладнымъ видомъ вѣявъ,
А въ тайнѣ омочивъ слезами грудь пылавъ.
Всей скромностью служа, любви, огнемъ сгорали?
Всѣ строга случая мы тропки повѣряли?
Когда склонялись къ намъ, на жалость злы часы,
Въ которы зрѣть я могъ возлюбленной красы.
Въ которы зрѣть я могъ любуясь, безъ боязни.
Я, видѣлъ отъ тебя, драгая, всѣ прïязни?
Мое вздыханье тутъ твоимъ я возбуждалъ
И чувствы я твои моими услаждалъ.
И солнце мнилъ въ тѣ дни тобой ясняй мнѣ зрилось!
Казалось, мнѣ оно твоей красой зарилось - - -

Почто прекрасную! всемъ чувствомъ я взлюбя,
Оставить принужденъ, неволей ей грубя!
Не льзя съ возлюбленной, безъ слезъ мнѣ раставатся;
Которая цвѣтетъ, умомъ? и льзя ль не рватся?
Не изреку къ драгой и клятвы я другой
Прощаяся пишу трепещущей рукой?
Разъ клятвы коль даны во вѣкъ пребудутъ живы!
Клянущїясь всякъ часъ всегда бываютъ лживы.
Не изрекалъ я клятвъ поносныхъ, никогда.
Растатся мнѣ съ тобой приходитъ череда.

СЕРДЦЕ.

*

Ежели бъ возможно было
Анатомить мое сердце
Чтобъ мнѣ жить осталось послѣ
Какъ мою раскроютъ грудь мнѣ?
То бъ мое печально сердце
Той конечно показало
Той я кою обожаю
Какъ давно по ней вздыхаю,
Сколь по ней я плачу, стражду.
Но къ чему жъ моей драгїя
Возжелать моей, кончины?
Хоть раскроетъ и увидитъ;
Развѣ польза въ томъ, мнѣ будетъ?
Хоть раскроетъ и увидитъ,
То мое прискорбно сердце,
Злой печалью отягченно:
Кое можно бъ оживити;
Кое можно бъ оживити
И не вынувши бъ изъ хляби.
На лицѣ моемъ смущенномъ
И печалью отягченномъ,
Можетъ видить и замѣтить
Какъ меня она сразила,
Можетъ видить, и не вздохнетъ?
Хоть и сердце то жъ увидитъ,
Хоть увидитъ не воздохнетъ.
Ахъ! моей миляй мнѣ жизни,
Моей смерти ты желаешъ;
Моей жизни коль жалѣешъ,
Погреби меня и съ сердцемъ.

НА ИЗМѢНУ.

*

Подай мнѣ Муза лиру
Обвей ее цвѣтами
Какъ прежде обвивала
Горацїю младому?
Взведи меня на гору;
Садись со мной межъ миртовъ;
Настрой мнѣ Муза лиру,
Тѣмъ тономъ коимъ прежде
Когда я былъ дороже,
И былъ въ любви щастливяй
И пѣлъ ея заразы?
И нынѣ естьли стою
Игры забавъ и смѣховъ,
Мнѣ оный учреждая
Подай веселы тоны - - -
Хоть мнѣ моя драгая
Въ полудни измѣняетъ,
Въ полудни краткой жизни
Хоть мнѣ моя драгая
Едва ль не измѣнила;
Но я ей все спущаю - - -
Взведи меня на гору!
Еще, еще повыше.
Развѣй мои печали,
Тоску и грусть всю люту?
До сокращенья жизни
Хочу вкусити сладость.
Пролей мнѣ Муза сладость,

И послѣ пусть зла парка
Мою прекуситъ нить.
Почувствуетъ драгая
Во мнѣ лишившись, цѣну.

ГОРАЦІАНСКІЯ.

*

Растопись мое сердце
Не будь больше камень
Воспомни драгія
Любезной заразы.
Но что еще больше
Такъ то ты воспомни
Ее къ тебѣ вѣрность.

*

Растопись мое сердце,
Пускай прежднїй пламень
Откинувъ другїя
Любезной заразы.
На что къ сему больше
Когда ты воспомнишъ
Другїя невѣрность.

Къ ***

Колико тѣмъ драгая
Меня ты восхищаешъ
Когда ты здѣсь внимаешъ
Моей звенящей лирѣ,
Колико тѣмъ ольщаешъ
Мой духъ мой умъ и сердце
Когда подъ ней вспѣваешъ,
Колико всѣхъ прельщаешъ!
Что можетъ быть прелестнѣй
Что можетъ быть и краше
Не въ пышномъ коль нарядѣ
Когда согласно съ лирой
Пѣвица воспѣваетъ?
Но что въ тебѣ прелестнѣй,
Что можетъ быть и краше
Когда ты здѣсь собою
Изъ словъ сладчайшихъ звона
Когда ты здѣсь собою
Сама себѣ здѣсь лиру
Устроить покусилась.
Что можетъ быть прелестнѣй!
Когда красой цвѣтуща
И персты коль умѣетъ
Накладывать на струны?
Нарядъ не украшаетъ . . .
Коль даръ души въ дражайшей
Его не освѣщаетъ.
Ты тѣмъ, не устыдися,
Хоть меньше нежель должно
Еще та лира стройна,

Однако, не стыдися.
Достроить можно послѣ,
Украсить можно послѣ
Когда мою подмѣтишь.
Взлюби мою ты Музу;
Когда возлюбишь Музу
И я тебя драгая
Почту изъ розъ вѣнками.

КЪ БОГУ БРАКА.

*

Божественный Гименей;
Послушай моего голосу;
Прїиди и ты
Вняти
Возвышающей меня Музѣ
Отъ прочихъ мужей
Растаявающихъ
Предъ своими нѣжными супружницами?
Которыхъ можетъ быть
Они
Твоею силою
Быть можетъ и достойны.

*

Скитающейся и Гименей!
Что бы ты былъ
Со твоимъ
Факеломъ,
Когда бы богъ любви
Державнѣйшїй Еротъ
Не омочалъ свои острыя стрѣлы
Въ крови пылающей
Увѣнчанныхъ тобою
Нѣжныхъ сердецъ
Вѣнчанныхъ тобою не розами
Но незабудками и васильками:

*

Я нѣкогда тобою былъ искушенъ
Прогнѣвалъ было Ерота
Сына
Кипридина;
И свѣтильникъ твой
Данной мнѣ тобою
Угасъ.
Призвалъ я Ерота!
И показалъ ему
Мой дымъ
Исходящїй отъ факела
Которымъ ты меня обворожалъ?...

*

Что?
Вопрошалъ меня Еротъ:
Что дерзской,
Отметатель моея благости.
Которой я о тебѣ всегда рачилъ?
Что богъ твой Гименей,
Которому ты присягалъ,
Что безъ моихъ огней
Которы суть
Въ моихъ
Стрѣлахъ
Въ ево и факелахъ которы
Скоро гаснутъ.

*

Упалъ я передъ Еротомъ;
На колѣни?...
И крылья острыя
Ево
Я омочалъ слезами.
Не видѣлъ уже я
Какъ сжалившейся онъ
Межъ тѣмъ
Какъ я лежалъ у ногъ ево стеня
Потухлый факелъ твой
Вдругъ засвѣтилъ
Стрѣлами.

КЪ САПФИРѢ.

*

Не думай дарагая
Чтобъ мной забвенно было,
Все! то, чѣмъ мнѣ драгая
Ты тщилась угождати?
Все духъ мой то прельщаетъ,
И все одной тобою
Мое веселье множитъ!
Мое стенанье рушитъ
И сердце услаждаетъ?
... И самы ахъ! тропинки;
По коимъ ты ходила;
По коимъ ты ступала.
Цвѣты которы ходя
Ты по саду срывала?
Цвѣты и древъ листочки,
Ты къ коимъ мимоходомъ
Драгая, прикасалась.
Иль идучи по тропкамъ
Съ кустовъ прелесныхъ мѣлкихъ,
Любимы мнѣ цвѣточки
Сорвавъ гдѣ подавала.
Гдѣ рвавъ рукой прелесной!
Рукой дражайшей нѣжной
Рукой дражащей слабой
На грудь мнѣ прикрѣпляла?
Гдѣ резво ихъ срывая
Со мной ты тамъ драгая
Гдѣ робко, озиралась ...

А тамъ: гдѣ межъ кусточковъ,
Тропинка пролегаетъ?..
По той ты по тропинкѣ
Дойдя со мной драгая,
Гдѣ цвѣтъ румяный дышетъ,
Гдѣ цвѣтъ любезный Музамъ
Сугубяй процвѣтаетъ.
Цвѣтя которой дышетъ
Тѣмъ сладкимъ дыхновеньемъ,
Ты коимъ мнѣ драгая
Изъ устъ въ уста дыхаешъ:
Изъ устъ въ уста мнѣ дышешъ.
Сей цвѣтъ толико нѣжный,
Въ садахъ твоихъ цвѣтущїй,
Во всемъ подобенъ цвѣту,
Твоимъ щекамъ румянымъ
Въ лилеяхъ погруженну?
Сей цвѣтъ твой взоръ влекущїй;
А мой твоимъ влекущись:
Мой взоръ съ твоимъ тутъ взоромъ
На цвѣтъ сей упадали?..
Сей цвѣтъ какъ ты драгая,
Срывати покусилась:
Подобно гибкой лозѣ,
Ты вдругъ тутъ приклонилась?
Двократно приклонилась?..
Плечамъ моимъ касалась,
Плечамъ моимъ коснувшись
Колѣнямъ прикоснулась? —
Зеленой листъ какъ къ цвѣту,
И такъ какъ листъ гдѣ къ цвѣту
Всколебленъ прилипаетъ:

Такъ точно ты драгая,
Пустивъ свой взоръ ко цвѣту:
Рукой своей прелесной
Рукой дражащей, мягкой
Подобно пуху, птицы,
Венерѣ посвященной:
Подобно пуху, птицы
Рукой своей мнѣ нѣжной
Моимъ колѣнямъ робкимъ,
Внезапу тутъ касалась . . .
Мои тутъ члены страстны
Спознавъ твой огнь вложенный
Въ мои колѣни гибки;
Мои колѣни робки
Едва не подламили?
. . . Къ чему бъ не прикасалась!
На что бъ ты ни глядѣла;
На что бъ ты ни дыхала
То все меня прельщаетъ.
Есть ли что любезнѣй въ свѣтѣ
Какъ держать передъ собою
Цвѣтъ Ероту посвященный? . .
Есть ли что любезняй въ свѣтѣ,
Какъ прїять изъ рукъ драгїя
Цвѣтъ Кипридѣ посвященный?
И ея питатся, взоромъ . .
И ея питатся духомъ . . ?
А тобой я цвѣтъ сей принялъ;
Отъ руки твоей какъ принялъ,
Я вздохнулъ, и ты вздохнула.

С

АМФИВРАХИЧЕСКИ.

Напрасно, скрываешъ свои красоты
И пышные груди ты кроешъ Сапфира,
Не жалко ли зрѣть мнѣ что прячешъ ихъ ты,
И прячешъ отъ нѣжна дыханья Зефира?
Отъ взора укрыти ихъ мнишся тово
Оставивъ кто розы, тобой лишъ вздыхаетъ,
И мнится, любезняй, тебѣ онъ всево.
Не зришъ ли какъ духъ въ немъ Зефиромъ пархаетъ;
Не смѣетъ коснутся, лишъ можетъ онъ зрѣть;
Сапфиры коснутся не можетъ дотолѣ
Доколь имъ не можетъ сама возгорѣть:
Ахъ, рватся тобою, скажи мнѣ доколѣ?

* * *

КЪ МУЗАМЪ.

Музы вы мое богатство
И спокойствïе душевно
И блаженство въ краткой жизни:
Вы! мои сплетая пѣсни,
Грацïямъ забавы строя
Грацïевъ лобзая взоры
Днесь моей коснувшись лирѣ,
Научите какъ мнѣ пѣти!..
Научите какъ воспѣть мнѣ.
Матерь Россовъ и отраду.
Воскресительницу правды.
Сокрушительницу злобы.
И разящую всемѣстно
Здѣсь кичащесь Лихоимство?

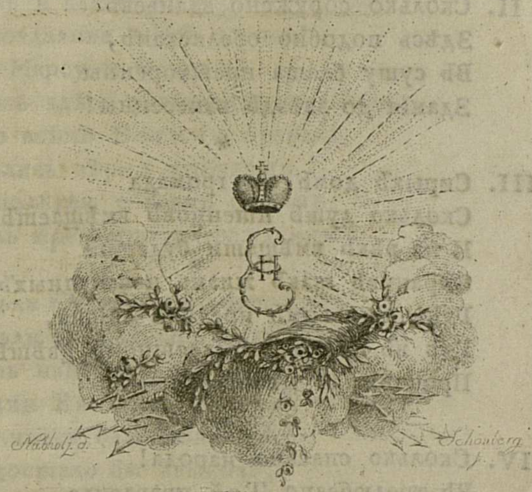
Вы мое веселье Музы!
Вы моя забава въ жизни!
Научите какъ воспѣть мнѣ.
Мудрую ЕКАТЕРИНУ.
Въ миръ подавшую уставы.
Озарившую все свѣтомъ.
И внимающу васъ Музы? —
Вознесите духъ мой къ небу!
Въ неба крайнія предѣлы!
Въ тѣ предѣлы, знамениты.
Гдѣ Малгербъ Россійскій звучно.
Въ миръ гремѣлъ златой трубою.
Воспѣвалъ ЕЛИСАВЕТУ;
Воспѣвалъ, ЕКАТЕРИНУ?...
Вознесите гласъ мой къ небу! —
Въ тѣ превыспренни предѣлы.
Гдѣ рождаются Ей, громы!..
Гдѣ стихіи, ліютъ Ей молній!
Гдѣ орелъ Россійскій въ тучахъ.
Безбоязненно летаетъ.
Гдѣ Ея велѣнью внемля,
Ей перуны собираетъ!....
Тамъ взнесенный я взыграю!
На моей тамъ сладкой лирѣ!
Тамъ гдѣ лавръ Ей соплетаетъ.
Аполлонъ и громка слава?
Тамъ гдѣ дождь ни градъ ни снѣги,
Въ вѣкъ не могутъ, прикоснутся?
Гдѣ!...отецъ боговъ...самъ Зевсъ! всѣхъ,---
Твердь и звѣзды потрясаетъ.
И своимъ присутствомъ вѣчнымъ.
И своимъ присутствомъ свѣтлымъ.

Весь Олимпъ гдѣ озаряетъ.
Тамъ взнесенный я взыграю!
Предъ отцемъ боговъ всѣхъ Зевсомъ!..
Воспою ЕКАТЕРИНУ.
Воспою Той вѣкъ блаженный?..
Съ Титомъ ли Ее сравняю? —
Съ Августомъ, или Трояномъ?. —
Нѣтъ достойнѣя Минервы:
Нѣтъ другой главы у Зевса
Изъ которой бы родилась
Бранoносна вновь, Аѳина!
Нѣтъ другой Аѳины въ свѣтѣ:
Нѣтъ другой ЕКАТЕРИНЫ? —

* *
*

На
объявленіе
отъ Шведа войны на Россію.

Предъ рушительницей брани
Все покорно и безспорно
Всѣ злодѣи страшно стонутъ
Какъ и прежде всѣ стонали
Тѣ которы возставали
И которыя возстали
И которы впредь возстанутъ,
Всѣ рукой Богини мудрой
Всѣ рукой Ея священной
Всѣ! сотрутся и изчезнутъ
И падутъ въ бездонный тартаръ!



отъ лица вѣрныхъ сыновъ Отечества.

*

I. Сколь здѣсь Россамъ жизнь блаженна!
Сколь Богиней здѣсь прещедрой
Пролилось отрадѣ на Россовъ?
Рѣки Пактала пролиты
На спасенiе гражданамъ . . . !
Сколь вновь градовъ порожденно
Сколько градовъ награжденно
Щедрою Ея рукою?
Тѣ которыя терпѣли
Моръ и огнь и гладъ и холодъ.

II. Сколько сооружено зданьевъ
Здѣсь подобно обелискамъ,
Въ сушу блата претворенны
Зданїя до звѣздъ взнесенны!

*

III. Сирыхъ домъ сїя громада
Сколько душъ птенцовъ вмѣщаетъ;
И на вѣкъ вмѣщати будетъ?
Охранивъ такъ жизнь нещастныхъ
Гдѣ! въ какомъ предѣлѣ свѣта,
Гдѣ въ такомъ прелестномъ цвѣтѣ
Процвѣтало милосердье?..

*

IV. Сколько спасено народа!
Въ прелюбезно Той правленье
Треблаженной Той, рукою:
Кою поздныя потомки
Будутъ живо лобызати.
А лобзая сердцемъ, скажутъ:
Вотъ рука!.. и не истлѣетъ
Подающая всѣмъ жизнь....

*

V. Сколько спасено народа!
Кои смерть бы заслужили,
Естьли бъ Россы ахъ! мы жили
Подъ Драконовымъ уставомъ?
Естьли бъ хоть причастны были
Виноградной съ гроздомъ, лозѣ.
Развѣ всуе посажденный
Мерзской гдѣ судья въ тай згложитъ
Кости неповинныхъ сирыхъ?

VI. Сколь и злата въ даръ врученно
Въ воздаянье тѣмъ героямъ,
Кои Марсу и Ѳемидѣ,
Столь здѣсь ревностно служили:
И по всѣмъ Богини правамъ
Тщились вѣрно угождати.
Съ пользою о всемъ радѣти:
Сколь прещедро награжденны?

*

VII. Естьли бъ изрещи возможно;
Естьли бы сочесть возможно
Сколь намъ въ дни Ея державы
Въ дни Ея здѣсь громкой славы
Пролилось благодѣяньевъ?
Не достало бы языковъ,
Не достало бъ въ Россахъ, кликовъ,
Сколь ихъ къ небу не взносили бъ,
Сколь ихъ къ небу не пущали бъ
Не могли бъ однакожъ въ полнѣ
Произречь Ея къ намъ милость ...

*

VIII. Скажутъ ... въ будущія вѣки,
Здѣсь потомки скажутъ Россовъ,
Ихъ потомкамъ знаменитымъ:
И прейдутъ изъ рода въ родъ здѣсь,
Сіи слова здѣсь мной сплетенны,
Россовъ вѣрностію полныхъ!
Сіи слова здѣсь мной сплетенны,
Отъ сердецъ нелицемѣрныхъ?..
Ихъ обычной простотою;
Не являясь Ипокреной.
Скажутъ и рекутъ всѣмъ въ уши,

Скажутъ и рекутъ для славы
Имяни ЕКАТЕРИНЫ!
И возблещутъ по вселенной
Сїи слова ихъ предковъ вѣрныхъ!

*

IX. Въ славный вѣкъ ЕКАТЕРИНИНЪ,
Въ вѣкъ побѣдъ Ея преславныхъ,
На зыбяхъ морскихъ и сушѣ,
Коихъ щетъ мы оставляемъ...
Щетъ подробный оставляемъ,
Пусть! поютъ Беллоны брани
Марса пусть поютъ жестокость
Храбрость пусть поютъ героевъ
Геликонскїе пусть Музы.
Имъ мы пѣть то оставляемъ?...
Я глашу Той вѣкъ блаженный
Сколь здѣсь Россамъ, жизнь блаженна!

*

X. Въ славный вѣкъ ЕКАТЕРИНИНЪ,
Славнаго героя, внуки:
Въ вѣкъ для насъ толико славный.
Безопасность, государства
Чрезъ Ея побѣды громки
Чрезъ Ея уставы славны
Чрезъ Ея труды нещетны
Здѣсь, на вѣки утверждена.
Внѣ и внутрь, ограды новы
Здѣсь внезапу порожденны,
А внутри всево дороже,
Намъ законы той рожденны!
Чувствуютъ жизнь Россы, нову!
И пїютъ отрадъ здѣсь, рѣки...

XI. Сколь преславны тѣ уставы!
Кои намъ рукой Богини,
И самой рукой, Богини,
Здѣсь начертанныя славно?
Россы могутъ быть щастливы;
Слѣдуя Ея уставамъ.

*

XII. Сколь преславны тѣ уставы!
Сколько могутъ прекратити,
Здѣсь межъ насъ, безплодныхъ, распрей?
Здѣсь межъ подданныхъ Аѳины:
Сколь въ насъ ябѣдъ истребится!
И во адъ колико сринутъ,
Соправителей безчинныхъ:
И свергать которыхъ должно?.. *

*

XIII. Сирыхъ! и вдовицъ здѣсь плача,
Россы больше не услышутъ.
„Сирыхъ и вдовицъ здѣсь плача,
„Естьли будемъ сохраняти
„Той божественны законы:
„Здѣсь рукой Ея священной
„Намъ начертанныя къ пользѣ.
„Естьли будемъ оны чтити,
„И почасту ихъ внимати,
„Съ сердцемъ, чистымъ, и не ложнымъ,
„Съ сердцемъ звѣрства не причастнымъ,

---

* Стравливаютъ въ приказахъ; и когда требуютъ пустыми представленїями, о томъ, что ясно въ законѣ, и лежитъ судей предъ глазами, то и законъ остается празденъ.

„СЪ сердцемЪ чистымЪ, не коварнымЪ,
(КакЪ о томЪ гласятЪ уставы)
„Естьли станемЪ вЪ тѣ вникати,
„И невѣжество, сЪ примѣсомЪ
„ИхЪ ханжей, и лицемѣровЪ,
„Естьли будемЪ презирати:
„Лести, и притворства гнусна,
„Естьли будемЪ мы бѣжати.
„То по истиннѣ, о! Россы:
„БудемЪ вѣрно мы щастливы?...
„СирыхЪ и вдовицЪ здѣсь плача
„И стенанїя злощастныхЪ
„Мы конечно не услышимЪ.

*

XVI. Сей есть гласЪ, РоссїянЪ вѣрныхЪ,
ВсѣхЪ сыновЪ Россїи вѣрныхЪ,
Кои чтятЪ, ЕКАТЕРИНУ.
Кои чтятЪ Ея уставы,
Кои чтятЪ Ея здѣсь волю,
Лихоимство презираютЪ
ИмЪ мерзятЪ, и проклинаютЪ:
ИмЪ мерзятЪ и проклинаютЪ
СЪ нимЪ и тѣхЪ, которы мыслятЪ
ВЪ тай прїять златую бЪ жертву:
ГласЪ достойный, мню, всѣхЪ РоссовЪ
И хранителей законовЪ.

КЪ СУДЬѢ.

Судья: прочти НаказЪ!
И напяни свой глазЪ
ВЪ НаказЪ
Хоть разЪ:
Когда прочтешЪ НаказЪ:
Скажу я не вЪ указЪ,
Умняй ты будешЪ разЪ.

Проза.

А я тебѣ ума и здраваго разсудка отЪ искренняго сердца моего желаю. Видь ты дворянинЪ? . . . . . Судья . . . а Наказу не читывалЪ? . . .

* *
*

СТИХИ

на себя.

Зло присутство алчной смерти!
Не взираетЪ на препоны
Кои ей готовитЪ смертный:
ВымышляетЪ повсечасно
КакЪ бы той себя избавить.
Зри! присутство гордой смерти,
Смертный ты ее ужЪ видишЪ;
И кащей ее увидитЪ.

Хоть врачу ты отдаешся;
И врачемЪ ты не спасешся.
Иль не мыслишЪ откупатся?
Но про то и самЪ ты знаешЪ,
Что не можно откупится.
Хоть врачу ты отдаешся,
И врачемЪ ты не спасешся,
Естьли самЪ тово не знаешЪ
КакЪ отЪ оной откупится.
Но не льзя ли откупится?..
Попытайся, хоть вЪ послѣднїй:
Раствори ей все богатство;
Отдавай ей все богатство,
Отдавай до самой крошки.
Но я вижу ты стонаешЪ
И давать и тутЪ жалѣешЪ,
Не заботся, и не возметЪ;
Смерть не такЪ какЪ ты здѣсь алчна;
И не вЪ томЪ богатство числитЪ.
И не такЪ какЪ ты алкая
Здѣсь богатство собираешЪ.
Тѣло лишЪ твое богатствомЪ
Смерть, единое, лишЪ числитЪ.
Смрадное твое лишЪ тѣло
Ты которое измучилЪ
Здѣсь богатство собирая?
СобиралЪ ты ежечасно:
И не такЪ какЪ смерть однажды?
ИзнурилЪ свое ты тѣло,
ИзнурилЪ свою тѣмЪ душу.
Безпокойства сколько принялЪ!
Всїо богатство собирая?...

Но на что теперь богатство;
Но на что оно и было?
Ты не могъ имъ обладати.
И оно тобой владѣло.
Въ гробъ возми съ собой богатство!
Коль жалѣешъ и при смерти.
Собираешъ и предъ смертью?...
Собирать чаешъ и мертвой?
Нѣтъ не будешъ собирати,
Самаго тебя зла смерть вдругъ,
Низложа своей косою
Въ мигъ отдастъ червямъ на жертву:
Въ ростъ тебя отдастъ на жертву.
Вить и ихъ она ссѣкаетъ;
Для чево жъ объ томъ тужити,
Коль тебя она ссѣкаетъ.
Черви пользуютъ насъ смертныхъ;
Черви пользуютъ насъ, въ жизни,
Изсякаютъ нужны соки
Коими ихъ полны нервы.
Исцѣляютъ гласъ отъ гнили,
Изгоняютъ съ глазъ туманы.
Ихъ не можно унижати,
А особо предъ тобою,
Ты которой только въ жизни
Могъ себя лишъ унижати,
Но они тебя знать болѣ
Коль гнилымъ твоимъ составомъ
И по смерти обладаютъ.
Смерть! возми мое ты тѣло,
Безъ боязни уступаю,
Я богатства не имѣю,

Я богатство кое было
Все вложилЪ душѢ вЪ богатство
Хоть душа черезЪ богатство
И не станется умняе,
Но душѢ моей коснутся
Смерть не можешЪ ты во вѢки.

МАДРИГАЛЪ.

Не тщетно Карина духЪ свѢтлый ополчаю,
Вновь нашихЪ странЪ Деспро, быть могЪ бы онЪ я чаю:
Когда бЪ сей вЪ немЪ талантЪ кой высится до звѢздЪ
ВЪ немЪ уважаемЪ былЪ; сколь прочи руски враки:
За то что уноясь КастальскихЪ водЪ, льютЪ мраки.
ВЪ немЪ зрѢли бЪ мы Деспро, конечно бЪ здѢшнихЪ
мѢстЪ.

ЕПИТАФІИ.

I.

ТалантЪ, и Майкова, довольно былЪ великЪ:
Не вЪ одахЪ я ево таланты изщитаю,
И ни вЪ трагедїяхЪ: зрю дѢвЪ ПермесскихЪ ликЪ,
ВЪ поемѢ Ломбера: когда ее читаю?
А вЪ преложенїяхЪ! .. Назона часть, зрю вЪ немЪ!
Восплачутъ Музы здѢсь восплачутЪ и обЪ немЪ.

II.

О! Брюсова?.. прости: тебя ужъ нѣтъ на свѣтѣ.
Увяла ты во цвѣтѣ:
Блистала ты здѣсь въ свѣтѣ,
Всегда равно цвѣла
И Грацïевъ съ собой мнѣ мнится въ гробъ свела.

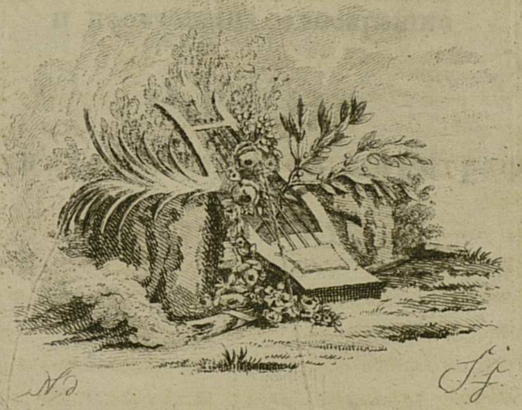
XIX.

ЕЛЕГІЯ
на
кончину
графини
Прасковьи Александровны
Брюсовой.

Се, зрю, гробъ Брюсовой?.. почтенна буди мной.
Не для того что братъ любезной твой Герой;
Не для того что дщерь, подобнаго жъ Героя:
Которой при ПЕТРѢ здѣсь цвѣлъ, средь Росска строя.
Которой при ПЕТРѢ здѣсь взросъ, и былъ любимъ:
И въ братѣ мы твоемъ отцевъ духъ ясно зримъ.
Довольно: ты сестра, толикаго Героя:
И для сего что родъ Румянцовъ знаменитъ
Весь лаврами за трудъ и пальмою покрытъ.
Довольно бъ и сего, чтобъ о тебѣ, жалѣти:

Но можно ли безъ слезъ, тое во гробѣ зрѣти!
Котора чтенїемъ свой разумъ просвѣтя;
И нѣжности одной лишъ сердце посвятя,
Не знала кромѣ благъ, и радостей являти:
Почтенїе отъ всѣхъ умѣла привлекати.
Кто былъ съ природы гордъ, иль пышностью надменъ:
Смягчала всѣхъ душей, и былъ ей всякъ плѣненъ.
Породою своей, то зная, кто гордится:
Въ ту славную степень къ Минервѣ не годится.
Въ котору съ нѣжныхъ лѣтъ какъ родомъ взнесена:
Такъ чрезъ достоинствы свои отличена,
Съ отцовой стороны и съ матерней сїяла;
И жребїемъ въ жену прехвальну мужу пала.
Но для сего твой прахъ, цѣлуютъ Музы здѣсь! . .
Всей славой онъ покрытъ, заритъ въ земной утробѣ.
Не жалко ль розу зрѣть . . ! увядшею во гробѣ . . .
Мой духъ смущается: и унываетъ весь!
Кропите вы меня, днесь Музы, слезъ расою:
Ково! низсѣкла смерть, своей ты злой косою? . .
То кровь Матвѣевыхъ: усердная Царямъ.
Предавшась нѣкогда, на жертву злымъ звѣрямъ . . .
Тѣмъ злѣйшимъ аспидамъ: алкавшимъ кровь ПЕТРОВУ.
Сплетайте Музы вы хвалу въ потомство нову!
Почтите Брюсову: почтите прахъ ея!
Пресѣклася уже на вѣки жизнь, тоя!
Которая какъ цвѣтъ прекрасный здѣсь средь рая,
Минервы здѣсь была любимица другая . . !
Едина Дашкова; другая здѣсь она . . . . .
И Дашкова цвѣтетъ ученїемъ полна.
Тебя лишъ только нѣтъ? . . о, Брюсова, внемли:
Коль можешъ слышить гласъ живущихъ на земли
И естьли сей мой стонъ тебѣ хвалы сплетаетъ:

Такъ въ вѣчность онъ къ тебѣ въ храмъ вкуса возлетаетъ!
Гдѣ ты дыхающа со прелестьми тамъ днесь,
Хариты гдѣ тебѣ свой даръ, вмѣщаютъ весь!
Коль ты живущихъ здѣсь еще воспоминаешъ,
Такъ дщерью тамъ своей прекрасной въ мысляхъ таешъ?
Бывъ здѣсь наперстницей и Грацїевъ и Музъ:
Чрезъ твой супружества преславнѣйшїй союзъ;
Въ подобїе себѣ и дщерь ты здѣсь родила? . . .
Румянцовыхъ въ ней цвѣтъ, и Брюссовыхъ явила!
Но дщерь твоя взойдетъ, превыше пусть тебя:
Вечерняя звѣзда почтивъ луну отходитъ,
А утренняя въ миръ всегда предъ солнцемъ всходитъ.
Такъ мать твою заритъ, Монархиня любя!
Пусть къ славѣ той взойдетъ . . . какъ мать твоя сїяетъ? . .
Любезный братъ твой намъ здѣсь лавры вновь сплетаетъ!



У

ЕЛЕГІЯ

XX.

посвященная

Его Сіятельству

ГРАФУ АЛЕКСѢЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ

ОРЛОВУ ЧЕСМЕНСКОМУ

и напечатана двоекратно

въ Москвѣ,

въ университетской типографіи

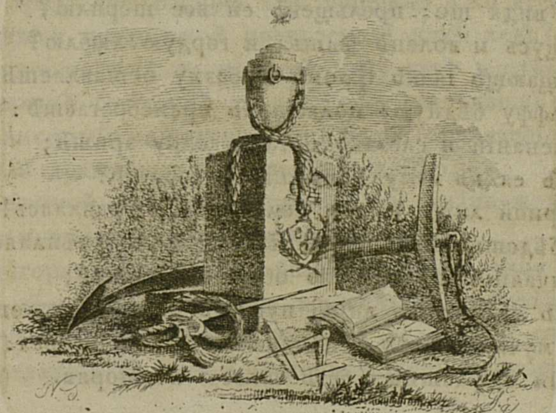
1788 году.

Въ память
Россійскаго
Императорскаго Флота
Адмиралу
С. К. Грейгу.

Скончалъ ты Грейгъ вдругъ теченіе свое;
Не будемъ больше зрѣть тебя въ моряхъ мы болѣ;
Нептунъ не будетъ зрѣть тебя на влажномъ полѣ:
Пресѣклось въ Бельтѣ днесь Героя бытіе!
И смерть, Героевъ чтя, не рѣдко учреждаетъ,
Чтобъ тамъ ихъ жизнь ссѣкать, гдѣ славою блиставъ,

И миру пользой гдѣ и удивленьемъ ставъ,
На самой той стихїи, любезной имъ, ссѣкаетъ.
Гремящїй Ростиславъ! стоящъ теперь въ водахъ,
Нанесшїй Готѳу съ нимъ неодолимый страхъ,
Не жива днесь его, днесь мертва ты вмѣщаешь:
Я вижу, флагъ ты свой померкшимъ ощущаешъ...
Всемъ флотомъ движутся со громомъ корабли,
То дань живущихъ здѣсь, отшедшимъ отъ земли.
Послѣдню Грейгу дань въ зыбяхъ морскихъ являютъ:
И въ Понтъ плачевный гласъ изъ мѣдныхъ жерлъ пу-
скаютъ.
Прощаются съ тобой, о Грейгъ! други здѣсь,
Въ послѣднїй разъ глася, мочивъ твой гробъ слезами:
И вѣчно уже ты, гласятъ, разстался съ нами?
Стонаетъ по тебѣ Балтїйскїй берегъ весь.
Героевъ зрю тоску, я слышу гласъ Орлова:
„О вѣсть! онъ вопїетъ; о другѣ вѣсть сурова!
„О дружней смерти вѣсть, я коего любилъ,
„Которой въ караблѣ мнѣ неразлученъ былъ...
„При Чесмѣ флотъ съ нимъ жегъ; онъ мнѣ совѣтомъ
правилъ.
„И славный я Трофей съ нимъ на моряхъ поставилъ.
„Мнѣ Грейгъ въ кораблѣ подобно былъ Тифисъ.
„Отъ Понта я пришелъ, мной флотъ Турецкїй сгиб-
нулъ,
„И славныхъ я торжествъ въ отечествѣ достигнулъ.
„Мной съ нимъ проложенъ путь къ Колхидѣ и въ Родисъ.
„Россїйски знамена и флагъ тамъ мной взвѣвались.
„Гдѣ древнїй шелъ Язонъ, тамъ громы раздавались;
„Тамъ колебалася водъ бездна и земля:
„Тряслися предо мной тамъ грады и моря.
„Увы! не сплелъ ему, и ни о комъ я лести.

„Монархинѣ служилъ здѣсь Грейгъ, достойный чести:
„Достоинъ былъ наградъ, почтенья моево,
„И плачу я по немъ, что нѣтъ уже ево!
„Меня по немъ тоска и грусть теперь снѣдаетъ,
„И жалобный мой стонъ смерть дружня извлекаетъ.„
Удобно ль не почтить Героя такова? . .
И выдутъ изо устъ печальныя слова.
Со храбрости такой потребно брать примѣры;
Потомство поздное едва ль восприметъ вѣры:
Со брандерами Грейгъ летѣлъ когда съ огнемъ,
И слава тамъ ево какъ всюду провождала,
Когда твоя рука Магмедовъ побѣждала!
ЕКАТЕРИНИНЪ духъ съ тобой былъ и при немъ.
О вождь Орловъ! мой духъ по немъ, съ тобой страдаетъ!
Отъ слезъ твоихъ по немъ, твой лавръ не увядаетъ.
Кто дружбу чувствовать умѣетъ такъ какъ ты,
Тово здѣсь краситъ лавръ и пальма и цвѣты.
Парнасскія къ нему вдругъ дѣвы прилетаютъ,
И къ лаврамъ нѣжные цвѣты ихъ приплетаютъ.



№1457

XXI.

ЕЛЕГІЯ

* Люблю. *
*

О! сердце? мягко ты! чувствительно и нѣжно? —
Возможешъ ли ты быть, минуту безмятежно!
Возможешъ ли ты быть; безъ стону днесь сего.
Когда прекрасная устъ гласа моего;
Не стала и внимать, - - и онымъ услаждатся.
Могу ли я когда ее любви дождатся!
И можно ли ужъ мнѣ дражайшей обладать,
Когда велитъ сама надежду покидать.
Преходитъ мой къ ней стонъ, преходитъ, ехомъ
въ горы.
И наслаждаетъ лишъ моимъ терзаньемъ взоры.
А я и видя то: прельщенъ ей все терплю?
Не тщусь и воленъ быть; и гордую люблю?
Прельщающъ такъ Фаонъ любезну оставляетъ:
То Саффу бѣдную: польстивъ пренебрегаетъ:
Въ стенанїй и слезахъ ругаясь сиру зритъ;
И духъ ея къ нему немщенїемъ горитъ?
Безмѣрной лишъ тоски болѣзньми отравляясь!
И въ бѣдственной любви надеждой подкрѣпляясь,
Въ отчаянїй такомъ ево обратно ждетъ;
И духъ ея любовь лишъ пущимъ пламемъ жжетъ?
Ахъ! мучимъ такъ и я! любви огнемъ згорая:
Я рѣчи страстныя безъ пользы повторяя.

Любезную смягчить потокомъ слезъ хочу.
Я горестнымъ ручьемъ сїе письмо мочу?
Вздыхаю: мучимъ ей! томясь весь сотлѣваю.
Я въ пламени не слезъ токъ крови проливаю....
Вздыханїямъ моимъ не вижу самъ конца?
О вы влюбленныя! имѣя тѣ жъ сердца,
Которо и во мнѣ стеняще унываетъ.
Жалѣйте обо мнѣ! оно здѣсь тщетно таетъ.
И въ сердцѣ какъ мнѣ зло сїю болѣзнь терпѣть;
Лишъ вамъ однимъ; лишъ вамъ, то можно разумѣть..?
Встревоженная мысль всякъ часъ лишъ ей летаетъ:
Ни что уже ее, ни что не отметаетъ.
Всесильной молнїей отъ глазъ ея жегомъ,
Несклонность мнѣ ея мнѣ кажетъ смерть и громъ!
Весь взятъ мой въ плѣнъ ей умъ! болѣзнь превыше
силы.
Безцѣнныя глаза, почто, почто столь милы?
Почто столь милы мнѣ; почто васъ столь, люблю;
Оставшїй мой покой уже совсемъ гублю.
Пренестерпимой къ ней отравой наполняюсь!
И въ грудь прекрасную зрю тщетно ужъ вселяюсь!
Гордится предо мной прекрасная! какъ левъ?
И гордость мнѣ ее мила въ ней, какъ и гнѣвъ?
Которымъ говоритъ за дерзость отвѣчаетъ;
И пламенный мой духъ лишъ пуще ополчаетъ.
Внемли дражайшая! къ тебѣ я вопїю;
Прелестной мнѣ рукой престоргни жизнь мою.
Повсеминутно я горю томлѣю ною?
Какъ горлица томлюсь, безводная средь зною?
Какъ въ каменныхъ елень вертепахъ и горахъ
Заблудшїй отъ другихъ вкушаю смертный страхъ?
Въ слезахъ я въ день и въ ночь, подобно окропляюсь;

Какъ лебедь мой въ струяхъ болотныхъ потопляюсь?
Мученья моего исчислити не льзя;
Всякъ часъ я мучуся, и рвусь я ей слезя?
Тиранъ я сталъ себѣ: обманутъ сталъ тобою?
Тиранъ, въ любви я сталъ: я здался ей безъ бою.
Обезоруженный какъ кормщикъ въ кораблѣ
Предавъ свой руль волнамъ несусь къ ея землѣ,
И райны съ корабля и щеглы ниспадаютъ:
И на мѣль съ мачтою на камень упадаютъ?
Такъ вдругъ драгой красой обезоруженъ сталъ
И страсть меня бїетъ какъ судно страшный валъ!
Ни что уже меня ни что не услаждаетъ:
И лира днесь моя, лишъ томный звонъ рождаетъ.
Остановляются, и персты на струнахъ:
И чувствую въ себѣ смятенїе и страхъ.
Подобно Иксїонъ вертящись безотрадно:
Возможно ль о любви къ драгой вѣщати складно?
Несносную тоску и муку мнѣ сулитъ,
Въ отчаянїи мнѣ прервати жизнь велитъ,
Сизиѳъ! удобнѣй мя на гору камень взводитъ!
Любовь, зла тартара, въ мученьяхъ, превосходитъ.
Внемли жестокая: доколь меня губить:
Умѣешъ и плѣнять не знаешъ какъ любить? . .
И звѣри любятся? . . а ты мой духъ терзаешъ,
И думаешъ любить и вдругъ охладѣваешъ.
- - О! ты снѣдающа, и жизнь мою и духъ!
И всѣ напасти мнѣ ты приключаешъ вдругъ?
Объемлюща меня лучами глазъ прелестныхъ!
Достигнулъ было я сихъ прелестей небесныхъ - - - -
Достоинъ прежде былъ, милъ! сердцу твоему
И не былъ предпочтенъ на свѣтѣ ни кому!
Послушай моего дражайшая хоть стона!

Я къ сердцу твоему не приключилъ урона.
Но ты не внемлеши; и страстныхъ устъ рѣчей,
Любезнова изъ глазъ зри горькихъ слезъ, ручей?
Не воленъ самъ въ себѣ! внутрь, ядъ приготовляю:
Коль и въ слезахъ моихъ, драгую прогнѣвляю.
Не воленъ самъ въ себѣ: въ любови бывъ, герой?
Днесь мышлю я о чемъ? я сталъ любовникъ твой.
Разженъ мой весь ей духъ! и сердце ноетъ ею!
Но сердцемъ и душей, она? . . не я владѣю? . .
Давно примѣтилъ я что я тебѣ постылъ;
Гдѣ дѣлися вы дни, когда драгой былъ милъ?
Гдѣ дѣлися вы дни? прошли: перемѣнились:
Намѣсто красныхъ дней, вдругъ мрачныя родились.
О! дни: въ которы я любезной обладалъ!
Въ которы ей мой духъ и сердце услаждалъ,
Вы будете о дни! по самый гробъ мнѣ милы:
Мученья моего, мнѣ перенесть нѣтъ силы! . .
Вся кровь волнуется, весь! взятъ мой въ плѣнъ ей умъ! . . .
Вздыханьи ей мои какъ легка вѣтра шумъ.
За всю, мою любовь, за ласки, кои видитъ:
Не вздохнетъ предо мной! и тяжко мя обидитъ.
Когда гдѣ встрѣтится, иль зрюсь гдѣ ей стеня;
Въ холодности своей отходитъ прочь меня?
Знать нѣжна ей любовь и въ сердце не всходила:
Воспламенивъ меня! и вдругъ ко мнѣ простыла.
Иль чаешъ быть въ любви во мнѣ обманъ какой:
Зря слезы по лицу текущїя рѣкой,
Которы предъ тобой днесь въ жертву испускаю,
И зрѣть тебя мой свѣтъ, единую алкаю?
Въ груди мнѣ впечатлѣнъ влюбленный образъ твой:
Я сердцемъ и умомъ мой свѣтъ, всегда съ тобой!

Хоть и не чаешЪ ты меня сЪ собой гдѣ видить:
Хоть мнишся мя бѣжа мя тщишся ненавидить:
Хоть весь разсудокЪ мой, стараешся згубить:
Прекрасную, увы! я осужденЪ любить!

ЕЛЕГІЯ

XXII.

* *
*

Сплетающїя мнѣ корону и вѣнцы:
О! вы дражайшей очи:
Всѣхъ вожделенїй бывъ моихъ, ставъ бѣдъ творцы.
Не омрачайте вы мой свѣтъ тмой вѣчной ночи.
Не здѣлайте тоски мучительнѣй сея,
Въ которой стражду я
И мучусь неисцѣльно?
Всемъ чувствїемъ люблю и мучуся смертельно.
Отъ васъ
Мнѣ прелюбезныхъ глазъ
Мой духъ страдаетъ!
Въ минуту сколько кратъ огнь въ жилахъ загараетъ.
Фортуна ль мной играетъ:
Фортуны зляй любовь, Ироевъ побораетъ:
Ахилла крѣпкїй щитъ богъ брани ль прободаетъ:
То Поликсенинъ взоръ, Ироя повергаетъ.
Прельщенный Геркулесъ згараетъ:
Отъ Дїяниры онъ прекрасной умираетъ.
А мнѣ разсудокъ здравъ иль не коснется въ умъ:
Но трудно избѣжать любовныхъ думъ:
Все сердце плѣнно
И ею напоенно
Въ любови никогда изъ млада не таюсь;
Отринути любовь, боюсь!
Разсудокъ я имѣю:
Но властвовати имъ въ любови не умѣю:

Въ прямой любви тѣмъ и хвалится смѣю:
Скажу когда, люблю,
Я муки отъ любви съ охотою терплю,
Хоть сердце страстно
И разрывается отъ васъ
Увы нещастно!
Отъ прелютѣйшихъ глазъ:
Весь духъ рыдаетъ:
И мнится въ оный часъ Ерата отлетаетъ
Когда не вижу васъ . . .
А естьли и увижу?
Я прелестьми очей, вновь грудь досадой движу.
Является ко мнѣ вашъ лучъ ни быстръ, ни тихъ!
И случай радостный; вы дѣлаете лихъ.
Органы всѣ мои и чувства умерщвленны,
Владычицей моей и вашей плѣнны.
Стисняется ей грудь
И духъ мутится,
Кастальскїй ясный токъ мнѣ непрозраченъ зрится,
И нѣтъ надежды мнѣ нещастну отдохнуть!
Весь духъ рыдаетъ!
Душа страдаетъ;
Душа во тѣлѣ семъ столь страстномъ, увядаетъ.
Подъ бременемъ любви и Аполлонъ взрыдаетъ.
Мои чтобъ члены рвать
И чувства встрепетать,
Довольно очи вы успѣли:
Заразы чаю бъ влить и въ марморъ вы умѣли
Когда бъ того хотѣли;
Желѣза бъ чаю сквозь сихъ глазъ огни летѣли!
Внемлите очи днесь моленїе и стонъ,
И претворите мнѣ въ мечту сей страшный сонъ!

Отъ васъ рыдаю,
И утомленный я,
Подъ игомъ нѣжныя любови низпадаю:
Ахъ! тщетно мучится прельстившей грудь моя!
Не блещутъ очи мнѣ какъ прежде мнѣ блистали;
Сіяти перестали:
Источникомъ ставъ бѣдъ и лютой вдругъ печали,
Лишъ злыя случаи на мя какъ вихрь намчали!
Бывало очи мнѣ влюбленны отвѣчали;
Глазамъ моимъ влюбленнымъ искры ткали:
Ласкали,
И отпали:
Забавы всѣ мои какъ цвѣтъ со стебля пали!
Затмитесь предо мной свѣтильника лучи!
Прозрачныя взмутитесь вы ключи:
Пермесса вы струи, со стономъ пробѣгайте:
А вы о очи мя: на вѣкъ пренебрегайте?
Я все снесу отъ васъ.
О! пренесноснаго мученья злѣйшій часъ!
И нестерпимаго терзанья злѣйши муки:
Тмой адской кто покрытъ не зритъ подобной скуки.
Весь мой ей згибъ покой?
Лютѣйшею тоской
И казнію свирѣпой:
Мой духъ разженъ знать Фебой!
Лишъ движутся уста съ трепещущей рукой
А чувствъ я не имѣю.
Выходитъ духъ мой вонъ, томлюсь и каменѣю:
Не смѣю и сказать какъ искры тѣ люблю,
Которы я моимъ вздыханіемъ ловлю.
Я, весь уже мятусь! собой пренебрегаю?
Ахъ! тщетно къ разуму къ разсудку прибѣгаю!

Разсудокъ хоть кричи:
Я слаще здѣсь Ерота!
Еротъ въ любви одна забота.
Разсудокъ, помолчи:
Мнѣ безъ любви и жизнь несносна,
И мерзостна она быть кажется и злостна,
Къ любови созданъ человѣкъ,
И безъ любви мнѣ непрїятенъ вѣкъ,
Хотя бъ мой вѣкъ въ единый мигъ протекъ!
Отъ васъ прекрасныхъ двухъ зеницъ я здѣсь рыдаю!
Влюбленный я грущу,
Надеждой духъ питаю:
Ахъ! съ радостью мое мученье въ нихъ ищу!
Терзаюсь и мятусь отъ васъ я истлѣваю,
Любезную смягчить чрезъ васъ же уповаю.
Мой духъ выходитъ вонъ!
И чувствую въ себѣ неодолимый стонъ.
И молнїю отъ глазъ драгихъ, и громъ срѣтаю!
Сражаюсь имъ какъ дубъ, упадши сотлѣваю,
И крѣпость силъ моихъ отходитъ отъ меня.
Рази Еротъ! рази, и ахъ, згуби меня..!
Не стрѣлы пущены! кинжалы знать въ меня?
И ревность ими вдругъ мнѣ сердце прободаетъ;
Тоска снѣдаетъ:
Тоска всю грудь мнѣ рветъ! кровь въ жилахъ разъ-
ѣдаетъ.
Богиня тщетно мнѣ съ Парнасса прилетаетъ
Мой собирати умъ?
И нѣтъ какъ мню тягчай любовныхъ въ свѣтѣ думъ!
Тоска мной обладаетъ.
Богиня тщетно низлетаетъ
Пускай, хотя одна она со мной рыдаетъ!

Мой гласъ ослабѣваетъ.
Внемлите очи днесь моленью моему
Отдайте преждню жизнь и чувству и уму!

ЕЛЕГІЯ
XXIII.

* *
*

Вся грудь моя тобой и сердце разозженно? . .
И мнится не стрѣлой тремя вдругъ пораженно.
Мучительная страсть влюбленну сердцу даръ,
Ты вносишъ въ грудь мою смертельный мнѣ ударъ.
Бунтуя въ жилахъ кровь огнь страшно разливаешъ
И раны смертныя по сердцу разтворяешъ.
Хочу тебя бѣжать, я страсти небрегу,
Хочу бѣжать тебя, но я къ любви бѣгу?
Пресладкой опоенъ на вѣкъ тобой отравой?
Мученье отъ драгой всякъ часъ считаю славой . . .
Отъ сихъ прельщающихъ, прелестныхъ мнѣ очей,
Я вижу часть мою, я зрю въ нихъ тму мечей!
Во младости такой, ты въ самомъ лутчемъ цвѣтѣ;
Любви дражайшїя прелестный цвѣтъ на свѣтѣ?
Неугасаема бъ меня . . . могла бъ . . . ты зрѣть . . .
И трудно ужъ любовь съ симъ пламемъ одолѣть.
Которымъ я палюсь къ тебѣ? . . и ужасаюсь.
Я чувствую тотъ боль, какъ лирой услаждаюсь.
Какъ утрення звѣзда; сїяетъ такъ твой видъ;
Природѣ уступить, какой въ прелесной стыдъ?
Ахъ! всеминутно я и плачу и рыдаю!

Повсеминутно я и рвусь и пропадаю!
Въ сей огненной любви, я коей къ ней горю,
Во изступленіи не знаю что творю.
Хочу ее бѣжать, и страсти противляюсь;
Хочу бѣжать ее: но снова отравляюсь.
Увы! пронзилъ мнѣ грудь, на муки взоръ драгой?
И будетъ обладать красой соперникъ мой.
Увы! преходитъ все, и все какъ тѣнь минулось:
Дражайшей бы чрезъ то хоть разъ воспомянулось,
Какъ я грустя по ней тоскую въ день и въ ночь
И тѣнь прельстивша мя, ужъ не отходитъ прочь.
Хоть и сомкну глаза; но и во снѣ мнѣ зрится;
Въ душѣ кипящась мысль одной лишъ ей катится.
Прошли: проходятъ дни, веселья моево:
И удаляюся я взора твоево.
Въ вѣкъ буду жить въ странѣ, судьбой опредѣленной,
Въ странѣ веселостей, но мракомъ покровенной.
Въ вѣкъ буду я грустя тамъ мучится стеня;
А ты меня сразивъ не вспомнишъ про меня.
А можетъ быть и ты хоть разъ меня воспомнишъ.
И естьли я любимъ; желанье все исполнишъ.
О свѣтъ очей моихъ? прости, прости мой свѣтъ!
И смерть мнѣ блѣдный свѣтъ своей косы лїетъ.

ПОРТРЕТЪ.

Я ангела списать прекраснаго хочу:
Дыханїемъ ево я на Парнасъ лечу!
Во Ипокренѣ имъ тамъ кисти я мочу:
Писать себя чрезъ то надежно я учу:
Ошибки я въ чертахъ далече отврачу,

Списать ево пора: . . . лишъ время улучу?
Писать ево начну, къ себѣ лишъ залучу.
Иль самъ къ нему въ Пафосъ на крыльяхъ полечу.
Но прежде я на часъ, къ Сапфирѣ подлечу.
Съ Парнасу ужъ къ нему на крыльяхъ полечу,
И путь свой облегчу.
Къ Сапфирѣ я теперь съ политрой подлечу:
И прежде я съ нее примѣры подхвачу.
Я зракъ ея драгой въ Минервинъ превращу.
И кистью я съ нее всѣ прелести схвачу.
И прежде я надъ ней себя тамъ поучу.
Придамъ глазамъ ея по новому лучу . . !
Я сердце тѣмъ мое и мысли облегчу:
Коснусь я тамъ ее нектарному ключу;
Сугубы я предъ ней тамъ дани заплачу
И прежде нежели къ Пафосу отлечу
Я душу ей вручу!
Пускай предъ ней себя я въ страсти обличу:
Но тѣмъ себя любить, и больше приучу.
Пріязни новыя, какъ лавры получу?
Съ побѣдой я по семъ которыя хочу
Парнасскія верхи, какъ голубь прелечу!
Художниковъ я всѣхъ въ искуствѣ облечу.
Подобенъ буду я въ художникахъ, врачу.
Искуству малевать и прочихъ научу.
Касался мнѣ крыломъ, не разъ богъ по плечу:
А можетъ быть ево и крылья ухвачу.
Огнемъ ево смягчу.

КЪ САПФИРѢ.

*

Взгляни драгая къ розамъ;
Гляди всякъ часъ на розы;
Доколь прекрасны розы,
Въ грядахъ не увядаютъ.
Доколь прекрасны розы
Сапфиру украшаютъ.

*

Ты скажешъ мнѣ: гдѣ розы!
Зимой мнѣ скажешъ розы
Во вѣкъ не разцвѣтаютъ?
Цвѣла здѣсь роза въ лѣтѣ
Цвѣла уже упала
И съ стеблемъ вся завяла.

*

Поди драгая къ миртамъ;
Возми меня съ собою,
И зеркало съ собою
Возми рукой драгая.
Какъ естьли мнѣ не вѣришъ,
Такъ зеркалу повѣришъ?

*

Всмотрись драгая къ розамъ
Всмотрись какъ ты румяна
Всмотрись какъ ты блистаешъ?
Какъ роза ты блистаешъ
Къ чему жъ ты закраснѣлась;
И зеркалу не вѣришъ?

*

И зеркалу не вѣришъ!
Когда жъ мнѣ въ томъ повѣришъ,
Что я тобой згораю.
Что я тобою стражду,
Коль зеркалу не вѣришъ,
И въ томъ мнѣ не повѣришъ.

ЕПИГРАММА.

Скажу за что невѣждъ прекрасы такъ ласкаютъ:
Для нѣжности въ любви;
Для прочности въ любви.
Сердца въ нихъ какъ чугунъ, пылаютъ хоть въ крови;
Вить въ нихъ они не таютъ.

КЪ АПОЛЛОНУ.

* *
*

Когда бъ, я ето зналъ, что я тружусь напрасно,
И въ вѣкъ стихи писать не буду я прекрасно;
То бъ лутче никогда писать не начиналъ.
Ахъ! лутче бъ ничево на свѣтѣ я не зналъ!
Но рокъ, жестокїй рокъ меня обременяетъ
И страсть во мнѣ писать всякъ часъ воспламеняетъ.
Но должно ль мнѣ писать, великїй Аполлонъ:
Коль нѣтъ, престану я; коль должно: дай мнѣ тонъ!

НА АПОЛЛОНА.

Явился мнѣ сей богъ въ лучахъ и въ багряницѣ,
Въ рукахъ, въ одной былъ лукъ, стрѣла жъ въ ево десницѣ.
А лиры не было: Сказалъ я далъ играть
Божественной на ней и кроткой далъ Цїанѣ?
Въ рукахъ и скиптръ и мечъ умѣетъ какъ держать
Такъ талїей во всемъ подобится Дїанѣ
Науку знаетъ всю? — ты пѣть Ее дерзалъ?
Парнасскихъ ты вершинъ еще не досязалъ?
Я самъ! Ее какъ зрю восторженъ Ей плѣняюсь!
И съ лирой я моей, и съ лавромъ подкланяюсь?

НАСТАВЛЕНІЕ

ХОТЯЩИМЪ БЫТИ ПЕТИМЕТРАМИ.

НАСТАВЛЕНІЕ
ХОТЯЩИМЪ БЫТИ ПЕТИМЕТРАМИ.

Не ложно, и весь свѣтъ со мною бы дивился,
Коль будучи бъ навозъ вдругъ въ злато претворился?
Невѣжды блещутъ всѣ, вездѣ изъ ничево;
Ко славѣ въ храмъ спѣшатъ, чтобъ видить блескъ ево,
Парятъ подъ небеса, бурливымъ зыблясь вѣтромъ.
Но какъ туды достичь не ставши Петиметромъ?

О! вы, которые страдая въ день и ночь,
Не зная въ томъ себѣ ниже другимъ помочь,
Стремитеся достичь неложныя сей славы,
Блистать чтобъ и въ ночи среди своей забавы;
Которыхъ можетъ всякъ по пѣсенкамъ узнать,
Гласящихъ завсегда: любви, Венера, мать!
Не льститесь тѣмъ достичь желаннаго блаженства,
Доколь не примите вы въ модахъ совершенства?
То мало, что бы въ васъ, наряды вамъ чинить;
Желаете при томъ разумными вы слыть:
Хотите что бы въ васъ красавицы влюблялись,
И мудры мужи зря, на васъ бы любовались.
Престаньте мысль сію неправую имѣть;
Догадкой льзя ль одной всю мудрость одолѣть.
Въ комъ разумъ голова совсемъ не истеряла:
Мнѣ мысль сія бѣдна; коль къ модамъ обуяла.
Но надобно ль и ту въ премудрости искать?
Какъ можетъ безъ коней карета въ мигъ скакать!
Возможно ль прелетѣть вселенныя предѣлы,
Чтобъ моды всѣ узнать что миръ имѣетъ цѣлы.

Какая въ модахъ сихъ пріятность состоитъ:
Какъ стройно и на комъ сюртукъ по модѣ сшитъ,
Какой къ нему приборъ; кафтанъ какъ удостоинъ,
Камзолъ того ль сукна иль изъ парчи устроинъ.
Какова цвѣта шелкъ и модной ли въ чулкахъ,
Перчатки красныя иль бѣлыя въ рукахъ;
И въ перстнѣ камышекъ, свѣтляя ли денницы:
Потребно вѣдать все до самой исподницы.
Съ приличнымъ ли смотрѣть приборомъ башмаки,
Не узки ль пряжки тамъ, не низки ль каблуки,
Съ какой повязкою иль съ бантомъ ево шпага;
Чтобъ пристально смотрѣть, тутъ надобно отвага.
Потребенъ цѣлый вѣкъ не дни и не часы,
Кто хочетъ усмотрѣть всѣ въ щоголѣ красы?
О шляпѣ разсудить недѣли въ двѣ возможно;
А прежде разсмотрѣть никакъ ее не можно.
Когда стоитъ равно иль ходитъ Петиметръ:
Съ пріятностію ту бросаетъ все на вѣтръ;
Онъ тѣмъ себѣ красу въ бесѣдѣ умножаетъ;
Красавица то зря въ жару пріятномъ таетъ.
Когда же шляпѣ онъ позволитъ отдохнуть;
Кто смѣетъ подойдя, кто смѣетъ ту тронуть?
Манжеты жъ кто на немъ прилѣжно озираетъ,
Которы воздухъ въ верхъ пренѣжно возвѣваетъ:
Того въ мигъ Купидонъ стрѣлою поразитъ:
Лице ево тогда погибель всѣмъ грозитъ!
Искуства описать, ево, не обрѣтаю:
Какой пылаетъ жаръ: о Муза! я весь таю----
Вдохни въ меня въ сей разъ возлюбленный твой даръ,
И отврати скоряй сей пламенный ударъ,
Чтобъ смогъ изобразить, лице я Купидона:
Которой мнѣ грозитъ изъ внѣ прелестна трона?

Внимайте, о! друзья, кому въ сей плыти путь,
Тотъ долженъ ужъ ко мнѣ большимъ прышкомъ шагнуть!
Оставить танцы, балъ, и разъ лишъ отряхнутся;
Однако же не такъ, не такъ чтобъ задохнутся,
Вы можете ийти учтивости храня:
Толкая вы другихъ толкаете меня.
Какое множество васъ вижу предъ собою?
Подобно рою пчелъ! иль ратниковъ средь бою,
Которыя стѣсня ряды противныхъ жмутъ:
Берлочки на часахъ своей судьбины ждутъ.
О, юность! ты плывя, имѣешъ мѣль пучины;
Однако жъ мы дошли до важныя причины.
Взглянипте на сего прелестна мудреца?
Но знаете ль вы здѣсь чьи ранитъ онъ сердца! - - -
Которы безъ умовъ къ нарядамъ лишъ несутся.
Вить съ разумомъ красы безумцамъ не дадутся.
Послушайте меня: и я вамъ здѣсь, служу:
Не страстнаго ль для васъ красавца нахожу?
Котораго въ сей видъ, и точно для примѣра,
Прикрасила сама прелестная Венера.
Ланиты нѣжныя; Пїоны посреди:
Я вижу стрѣлъ колчанъ: то носъ напереди.
Не Розанъ ли я зрю? - - то крашеныя губы:
Сквозь Розана жемчугъ; слоновой кости зубы:
Въ окатистыхъ очахъ въ присутствїй самъ Еротъ!
Какъ вылетитъ изъ нихъ, онъ здѣлавъ поворотъ:
Тогда то въ грудь рѣзнетъ! и въ сердце онъ стрѣлою.
Кровь въ сердцѣ закипитъ кипящею смолою.
Безцѣнный мой Еротъ; хоть и стрѣлу метнетъ;
Красавцовъ учитъ онъ, смотрѣли чтобъ въ лорньетъ.
А тѣ свою любовь которы имъ вспылаютъ,

Хоть молча сквозь стекло, но мнятъ что объявляютъ.
А тамъ отличнымъ ужъ дурачествомъ вскипя:
Безмозглый въ той себя надеждѣ укрѣпя,
Что всѣ красавицы, зря сей прицѣлъ ихъ странной
Вспылали разомъ къ нимъ любовью несказанной;
Летаютъ въ тѣ мѣста, гдѣ есть для нихъ обманъ:
Гдѣ Моды истуканъ, на пагубы созданъ.
Намъ злата ихъ не жаль; пускай ихъ истощаютъ:
Законы мотовству довольно воспрещаютъ.
Любуется лишъ плутъ ввергая ихъ въ бѣду:
Ково ни подхватилъ, не зная череду,
Услуги разныя безумству промышляетъ:
Кредитомъ уловить невинность умышляетъ.

Дуракъ чрезъ опыты становится уменъ:
Но духъ и съ тѣломъ въ немъ довольно измѣненъ,
И расточаются ево огромны, мысли;
Манжеты и душа и букли вдругъ обвисли.

Но се ужъ и Еротъ, взываетъ насъ къ себѣ?
Идемъ къ тебѣ; и всѣ послушны мы тебѣ!
Ни знатность въ насъ отцовъ ни родъ не попрекаетъ:
Невѣжество къ твоимъ отравамъ притекаетъ.
И ты, поди со мной, возлюбленный мой сынъ;
Поди и пренесись во Петиметровъ чинъ.
О! треблаженны вы, Купидѣ ставъ жрецами,
Не сотней, тысячью щелкая въ день сердцами,
Не гнѣвайтесь на мя, что тайны не таю;
Для славы вашихъ дѣлъ вить я въ стихахъ пою!

Не спорю: долженъ быть по лѣтамъ и нарядъ;
Со возрастомъ въ васъ лѣтъ, взростаетъ пусть обрядъ.

Приправка къ волосамъ и въ старикахъ не дика;
А для младыхъ людей, и пуще въ томъ отлика
Когда кто голову снаружи приберетъ,
А внутрь ее всякъ день пристойну мысль беретъ.
Какъ въ свѣтѣ должно жить, объ томъ здѣсь всякой знаетъ:
Но разумъ дурака, неволей презираетъ.
Прекрасной, льзя ль въ любви съ болваномъ въ море плыть;
Въ безумцѣ злата грузъ, въ мигъ можетъ утопить;
И для того то къ намъ та пѣсня и поется:
Нескромной онъ комаръ, пусть къ комарамъ несется!
Хоть бабочки въ примѣръ ты крылья озлатилъ,
И въ Купидона мнишъ себя преобратилъ;
Но я тебя любить безмозгла зря не стану:
Сыщи нарядомъ ты безумку лишъ къ обману.
Кто жъ съ здравымъ въ насъ умомъ: тотъ сердцемъ щекотливъ;
Съ красавицей лишъ съ той желаетъ быть щастливъ,
Котора не къ красѣ одной и буклямъ вьется;
Но къ разуму души, и нѣжности вдается:
Такую бъ полюбить?.. но чтобъ ее достать
То должно не скотомъ, но человѣкомъ стать.
Прекрасная въ глазахъ, красою не гордится;
Ученїе любя, угрюмой быть стыдится.
Пусть будетъ въ лилїяхъ обряжена она;
И розами пусть грудь украситъ здѣсь одна,
При младости жива, учтива и опрятна:
Летаетъ какъ Зефиръ! играетъ: мнѣ прїятна.
Дїяна ей сама всю поступь пусть даритъ,
Разумнаго душа ко прелестямъ горитъ.
И тѣ которые лучь скромности пускаютъ;

Почтенье наше къ нимъ, сугубо извлекаютъ.
Въ нихъ вкусъ прямой любви; ково и какъ любить:
Не надобно въ любви друзья ума губить.

Безумка съ красотой, презрѣнье въ насъ рождаетъ,
При грубой важности несносно досаждаетъ.
Тамъ объ нарядахъ лишъ вдругъ рѣчи устремя,
Засыплетъ суетясь словами загремя:
Иль въ позитурѣ спя за карточной игрою
Вдругъ пѣсенку не въ ладъ заводитъ съ быстротою.
Такая красота въ нихъ зрится какъ раба;
Невѣжда завсегда сурова и груба.
Съ ней что ни говори; всегда одна, и въ мѣру
Словца два скажетъ въ день, съ улыбкой, для примѣру.
Такую льзя ль кому изрядству научить?
И литерой для ней, мнѣ жаль перо тягчить.
Оставимъ мы и всѣхъ, для коихъ трудъ напрасенъ:
Которымъ Фениксъ быкъ и кротъ, равно прекрасенъ.
Брюзглива, да млада; румяна да глупа:
Съ богатствомъ звѣрства пудъ: читаетъ и слѣпа.
Съ ревнивой тошно цвѣсть! ей кажется обидно,
Въ прелестной зрѣть таланъ красавицѣ? ей стыдно! --
Зря ласки жениховъ, злословье ей варитъ;
И замужъ выдетъ коль, все то и то жъ творитъ;
Пренестерпимыя досады умножаютъ,
И нутрь своей души безстыдно обнажаютъ.
Но оны пусть для тѣхъ которы здѣсь шалятъ
Не зная что любовь и о любви гремятъ:
Иль для нещастнѣйшихъ! къ злу узлу по неволѣ:
Судьбины браковъ есть намъ не всегда по волѣ.

А вы Прекрасныя, блистая здѣсь умомъ,
Достойны бъ вы вступить къ самой Минервѣ въ домъ!

Почто здѣсь вЪ васЪ сердца, бракЪ смрадомЪ возмущаетЪ?
Почто онЪ злой судьбѣ васЪ вЪ жертву посвящаетЪ?

Дается той женихЪ; не нравенЪ; но богатЪ.
Безумно бЪ было вЪ слухЪ вскричать кЪ ней: онЪ рогатЪ.
Рога кЪ ево красѣ, судьбой ужЪ прирожденны;
Хоть, Гриппу бы онЪ взялЪ сЪ богатствомЪ? - - пригвожденны?
Когда ужЪ взросЪ таковЪ! мнѣ разумЪ какЪ винить:
Нещастную сЪ умомЪ, приходитЪ извинить.
Довольно ужЪ и тѣмЪ что вЪ младости нещастна;
Злощастною ставЪ вЪ вѣкЪ: не можетЪ быть безстрастна.
Установленье знать вЪ природѣ таково:
Хоть вскользь, но сыщется рожденЪ кто для ково.
Мнѣ оныхЪ строга часть, жалка: хоть безЪ успѣху
Ругается ей клопЪ; себѣ лишЪ только кЪ смѣху:
И сносно ль намЪ людьми толкушекЪ сихЪ почесть
Снуя которыя о томЪ, вредятЪ вЪ насЪ честь.

Но Юность: вЪ васЪ она должна быть горделива;
Да будетЪ ваша часть при разумѣ щастлива!
Кому льзя воспретить, любви вЪ насЪ не желать?
Но надобно лишЪ кЪ той, ко похвалѣ вспылать.
Блаженна! естьли вЪ насЪ та честность укрѣпляетЪ,
И пагубна когда кЪ бездѣльствамЪ прилѣпляетЪ!
ЛукавЪ, младенецЪ сей? не такЪ какЪ сей ЕротЪ,
Которой сшитЪ для васЪ; совсемЪ на оборотЪ:
Не чучелой вЪ размѣрЪ богатству тотЪ мечтаетЪ;
Но грудь вЪ насЪ вЪ мигЪ пронзивЪ! бывЪ нагЪ, и отлетаетЪ.

Не требуетъ опричь сей жертвы онъ другой,
Какъ чтобъ лишъ сердце несть намъ въ жертву дарагой?
Когда ево глаза и лукъ, съ стрѣлами, взблещутъ;
Не злато тутъ одно; всѣ кости встрепещутъ!
И случай таковый бываетъ сильно лихъ:
И будетъ та страстна любовь, во обоихъ;
Другой не знаю я: топясь въ златой здѣсь тинѣ
Быть можетъ въ нихъ она подобится скотинѣ.
Нужна ль мнѣ на главѣ любезной стреказа?
Не яхонтъ мнѣ ее грудь колитъ, но глаза!
Подобно такъ и въ никъ, лишъ взоръ нашъ огнь рождаетъ:
Безъ злата и сребра мя Муза услаждаетъ.
Убранство, не порокъ: вѣнчайте красоту,
Но не взбѣгаючи съ продерзскимъ въ высоту!
Гордящегось отцемъ продерзска Фаетонта:
Стремленїе взнестись превыше бъ горизонта,
Чтобъ новымъ Фебомъ ставъ, преудивить весь свѣтъ;
Сказанье есть о томъ уже изъ давныхъ лѣтъ?

Хоть тамъ ево чело лучи и озаряли:
Но божески уста; сколь кратъ то повторяли!
Являя къ сыну тѣмъ отъ сердца нѣжный жаръ;
Предчувствованъ ужъ былъ, въ паденїй злой ударъ.
Климены сынъ, внемли! почто ты не внушаешъ,
Родительскїй приказъ? - - куды ты отъѣзжаешъ? . .
Помысли? кони здѣсь еще не впряжены;
Въ ихъ пламенны уста брозды не вложены;
Во колесницу ахъ! доколь не запрегутся,
Желанїи твои мой сынъ - - - - пускай прервутся.
Оставь сей строгїй путь, не ѣзди въ небеса!
Вложи Климены сынъ мой страхъ ты въ ушеса?

Не дай отринутся совѣтамъ; зри прїязни;
Ты чести мнишъ въ себѣ алкаешъ! лютой казни?
Не можешъ управлять сихъ пламенныхъ коней,
Ниже въ огнѣ стоять на колесницѣ сей.
Къ чему о! сынъ меня, толь сладко обнимаешъ?
Я, клялся: все тебѣ я вдамъ; чемъ клялся, знаешъ.
Но ты въ желанїяхъ себя соразмѣряй;
Ты младъ; но въ младости разсудку не теряй.
Но сынъ тутъ, въ мигъ слова отцовы отклоняетъ
Упорствуетъ предъ нимъ и паче вновь пылаетъ!
Желаетъ возбѣжать на колесницѣ онъ.
Пренебрегая гласъ отеческїй и стонъ!
По семъ помедливъ Фебъ; но клятвѣ уступаетъ;
Ведетъ ево: — что зритъ? — все въ златѣ утопаетъ.
Тутъ зря златую ось, ободы, дышло, млѣетъ:
Зритъ спицы изъ сребра, и Хрисолиѳъ какъ рдѣетъ.
Вулкана славный трудъ сражаетъ мысль ево?
И до начала бѣдъ достигъ ужъ своево.
Каменья жъ вдругъ драги, взоръ вяще привлекаютъ:
Вдругъ солнцемъ освѣтясь, во всѣ страны блистаютъ.
Дивится Фаетонтъ! все льститъ, ево, глазамъ:
И повелѣнїе дано уже Часамъ:
Зритъ! кони бурные, крылаты и разженны
Во колесницу въ мигъ Часами запряженны!
Глава ево въ тотъ часъ, прїемлетъ сонца лучь;
Готовъ взнестися онъ, поверхъ плывущихъ тучь.
Тутъ Фебъ вздохнувъ! и путь Еѳирный образуетъ,
Предвозвѣщая плачь въ послѣднїй наказуетъ:
Не бей коней, не бей, и не стреми ихъ въ путь;
Всю силу приложи, чтобъ оныхъ востягнуть....!
Бичемъ ихъ гнать мой сынъ по вѣтрамъ, безъутѣшно;
Лишъ воздержать умѣй: летятъ и сами спѣшно.

Въ теченьи ты береги лишъ тотъ мой въ небѣ путь,
Гдѣ колесница шла моя: не позабудь?
Предмѣты страшны онъ предъ сыномъ, какъ рисуетъ:
Дракона и другихъ чудовищъ описуетъ.
Которыхъ отдалясь срединой бы онъ текъ.
Будь щастливъ! такъ ему, предъ колесницей рекъ;
Бери упорный сынъ, коль возжи воспримаешъ:
Иль внявши мой совѣтъ, ты мнѣ ихъ оставляешъ?..
Доколь еще стоишъ на твердой ты землѣ;
Доколь не пострадалъ чтобъ не пропасть во злѣ:
Не будь безуменъ сынъ? нещастный! безразсудный..
Ты отмѣни свой путь по небесамъ толь трудный?
И мнѣ, онъ кажется ужасенъ и строптивъ:
Юпитеръ, больше ль насъ! и онъ къ нему не льстивъ?
Но дерзскій Фаетонтъ умомъ не обладаетъ
Бросается къ конямъ, летитъ! .... и низпадаетъ.
И колесницы въ низъ блистающъ весь снарядъ;
Кони въ зной воздуха; возницынъ духъ, во адъ.
Подобно какъ звѣзду по небу взоръ встрѣчаетъ!
Продерзскій Фаетонтъ стремглавъ такъ пролетаетъ.

Но время все течетъ: что слышу! всюды шумъ?..
Потребно намъ друзья въ свой вѣкъ исправить умъ.
Съ умомъ возможно намъ по модѣ и рядится;
Въ Парижѣ безъ ума?.... къ чему жъ и тамъ годится!
Иль развѣ для того чтобъ моды въ модахъ ткать:
Но я не приобыкъ: не смѣю потакать.
Что скажутъ, дамы здѣсь! піиты что? — кукушки?
Что скажите и вы, вы! любящи игрушки,
Вы цвѣтомъ нѣжности облекшіясь красы;
Ведя въ невинности щастливыя часы?
Мой долгъ вамъ въ слухъ сказать: вы! кои тѣмъ плѣнились,

И къ чудному пути безмѣрно устремились;
Котораго коль въ васъ не льзя ни чѣмъ отрыть,
То должно мнѣ въ сей часъ вамъ къ храму путь открыть.
Которымъ васъ, введу? я вамъ здержу то слово:
Стремленье къ славѣ въ васъ желанье ужъ не ново.
Но что? желанїе не стоитъ ничево:
Я Петиметра въ васъ не вижу никово!
Премудрый Петиметръ, чего ни пожелаетъ,
То въ ту жъ минуту онъ сїе и получаетъ.
Восхощетъ ли когда, въ науки онъ впадать;
Тогда онъ обо всемъ удобенъ разсуждать:
Музыку наизусть и ноту разумѣетъ,
И критику на все расположить успѣетъ.
Во стихотворствѣ ль кто ведетъ въ восторгѣ рѣчь:
Единымъ плескомъ рукъ удобенъ ту пресѣчь.
Иль величаются системой Астрономы:
То въ мигъ изъ устъ его летятъ нестройны громы.
Граматикъ, Политикъ Историкъ и Софистъ
Картезїянецъ онъ, еще жъ, и Платонистъ;
Къ тому жъ Юриспрюдентъ; и Риторъ, прямо вкусный:
Въ добавокъ Схоластикъ и Емпирикъ искусный!
О! коль правдивъ Руссо, сїю картину давъ?
Но я и самъ, то мню, что Петиметръ, не здравъ!
Когда бъ кто зрѣлъ ево въ восторгѣ у Алинты;
Какїе въ воздухъ онъ строилъ лабиринты?
Какая пышность въ нихъ; изьящность! * высота:
Въ самомъ же мужество, геройство, красота,
Что все сїе едва изобразить въ немъ можно:
Таковъ есть Петиметръ! и вамъ быть тако должно.

---

* Слово Изьящность или Изящность отъ многихъ прїемлется; но у Г. Петиметеровъ, оно есть самое модное и любимое ихъ реченїе.

Письмо
къ Феодору Григорьевичу Карину.

Боало Рускихъ странъ, любезный мой Каринъ!
Цвѣтешъ ли нынѣ такъ какъ прежде райскій кринъ?
Скажи, гдѣ ты теперь? - - - ты что объ насъ мечтаешъ!
Восторженъ ли поднесь творцомъ Семиры таешъ;
Иль града удалясь цвѣты Парнасски рвешъ?
Скажи во первыхъ мнѣ, мой другъ, гдѣ ты живешъ!
Ты духомъ вольности щастливо мню летаешъ,
И часто вѣрю я, прелестныхъ Музъ срѣтаешъ.
Не зрѣвъ достоинствамъ почтенія и хвалъ:
Но мнѣ повѣрить, льзя ль! чтобъ ты возникъ и палъ.
Безъ лести я къ тебѣ почтеніе питаю:
И къ Музѣ я твоей, моею прилетаю.
Прочти мою игру; и буди терпѣливъ:
Ты, строгой судія! но ты и справедливъ.
Каринъ! - - - наполнись тѣмъ? - - здѣсь время сколь превратно!
Забавы наши, гдѣ! . . . всѣ пали; невозвратно.
Но можетъ быть они еще съ тобой живутъ:
Твои дни въ радостяхъ какъ прежднія плывутъ.
И, я: часами днесь претекшими прельщаюсь;
Воспомня прежнія забавы восхищаюсь!
Довольно провести, въ забавахъ, нѣкіи дни:
Дни въ жизни краткой сей: почтимъ лишъ тѣ одни!
Въ которы насъ съ тобой, здѣсь розами вѣнчали.
Они источникъ въ насъ веселья и печали.
Не льзя мнѣ предъ тобой сего не вспомянуть;
А вспомянувъ; не льзя Каринъ - - - - не воздохнуть - - -!

Что къ дѣйству нудитъ духъ? - - любовь, тому вина.
Хоть поздно бъ притекла, хоть рано къ намъ она?
Довольны! естьли мы, коль въ жизнь, ее вкусили;
И можемъ мы сказать, что мы на свѣтѣ жили.
Безчувственъ тотъ Піитъ и грубъ въ моихъ очахъ,
Которой стихъ поетъ Аталанта на плечахъ.
Не пораженны мы, Еротомъ въ грудь и тѣло:
Какъ можемъ жертвы несть Поезіи мы смѣло?
И что бы были тамъ Проперцій и Тибулъ,
Когда бъ и самъ Гомеръ въ любови не тонулъ.
Схожденіе съ небесъ Юноны въ немъ преславно:
Юпитеръ усыпленъ ея на лонѣ плавно.
Гомеръ, любовникъ былъ: и всѣ кто ни писали;
Незнающи въ любви лишъ вздоры соплетали.
Но ты, въ поетахъ Брутъ, скажи! еще ль ты спишъ?
Ты къ тлѣну музъ отца почтеніемъ горишъ,
И лиру ты ево златую, часто емлешъ;
Почто желанію друзей своихъ не внемлешъ!
Которы отъ тебя, надѣются, тово:
На Рускомъ языкѣ; немного есть, чево?
Пороки въ насъ разить: . . . не дѣло ль благородно?
Межъ протчихъ стихотворствъ, твоей то Музѣ сродно.
И, видѣли ужъ мы, каковъ твой слогъ и тонъ.
Пальмиры какъ творецъ: явя свой томный стонъ
Вѣщающъ былъ къ тебѣ, самою Мельпоменой:
Сплетя тѣмъ лавръ себѣ; но и тебѣ зеленой
Отъ слезъ своихъ тебя сугубо онъ кропилъ;
И честью той тебя единаго почтилъ.
А ты отъ имяни возлюбленной намъ тѣни;
Которое какъ мню, твоихъ то дѣлъ ступени!
Являя напротивъ усердіе къ нему

Прекрасно, возразилъ; почтенье давъ уму?
И тѣней разговоръ, ужъ всѣмъ извѣстенъ нынѣ:
Довольно въ немъ гремѣлъ Каринъ ты въ строгомъ чинѣ.
Но я тебя спѣшу симъ знаменемъ покрыть:
„Подъ сѣнїю ЕКАТЕРИНЫ,
„Здѣсь можетъ намъ рождать Каринъ, прекрасны крины.
„И зависть, ровъ ему! здѣсь тщетно будетъ рыть.

ЕПИГРАММА.

Героической снять съ поемы пышный гласъ:
Велика быть должна къ тому въ Пїитѣ мѣра:
Тебѣ всѣхъ больше другъ извѣстенъ здѣсь Парнассъ?
Испортъ ты намъ Гомера!

КЪ ЕЛИСАВЕТѢ ВАСИЛЬЕВНѢ ХЕРАСКОВОЙ.

*

Позволь чтобъ мысль къ тебѣ Хераскова я взвелъ;
И незнакомый я тебѣ хвалу бъ соплелъ!
Отличнымъ я въ тебѣ твой даръ здѣсь почитая,
Твои и объ тебѣ въ сей часъ стихи читая!

Которы кажется, сама твоей рукой,
Ерато то сама соткала съ лирой! - -
И отъ творца кой къ славѣ сталъ, славняй Семирой!
Въ уединенїи я имѣю коль покой
Читаю,
Читая Грецїю! я Римъ здѣсь быть мечтаю!..
Читаю и на холмъ я мысли возвожу;
Тебя лишъ одное тамъ съ Сафой нахожу.
Близь пальмъ ты тамъ сидишъ? . . и лаврамъ ты касаясь? -
На высотахъ сидишъ! - - не ужасаясь.
Венера и поднесь та спитъ не отсыпаясь
Котора въ басенкѣ съ лисой награждена:
И басня та творцомъ къ тебѣ лишъ ведена,
Что ты Хераскова съ талантомъ рождена.
Чтобъ такъ хвалу снискать? все то же,
Какъ бы въ Едемѣ стать.
Прославленну имъ стать! . . . . всево дороже.
И будешъ съ музами въ потомствѣ ты блистать!
Цвѣты Парнасски сорываешъ,
И съ де ла Сюзой таешъ.
Ставъ украшенїемъ здѣсь полу своему,
Сопутствуешъ всякъ часъ супругу твоему.
Со Каллїопой онъ здѣсь Россовъ прославляетъ;
А твой Ерату духъ съ нимъ по стопамъ являетъ?

Басня

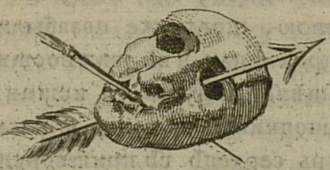
КЪ Е. Д. ОЗЕРОВУ.

Въ послѣднїй разъ, въ мой вѣкъ, я басенку скажу.
Тебя я Озеровъ на память привожу!
Довольно къ баснямъ я, предмѣтовъ нахожу;
Но басенку въ сей разъ въ послѣднїй я сложу:
Я баснямъ не служу.
Хоть и не многимъ я сей басней угожу:
Но басенкой я сей, тебя, поуслажу;
И для тебя, я басню, усижу?
Что жъ въ баснѣ я скажу!
Причины басенъ я писать не нахожу.
О басняхъ я въ сей часъ не иначе сужу:
Намарано ихъ тьмы, я гдѣ ни погляжу:
Но я пустыхъ костей въ обѣдѣ не гложу;
Коль буду такъ писать, лишъ мысли надсажу;
Коль буду такъ визжать себя я остыжу:
Предъ Аполлономъ я себя какъ Марсїй отстужу!
И Музамъ досажу.
Разумно коль я къ нимъ и мысли не вожу.
Причину не писать, ту, басенъ нахожу:
Коль въ Сумарокова я басни прогляжу:
Съ де ла Фонтеномъ ихъ читаю и дрожу,
И въ Федра болѣе во вѣкъ не погляжу.
Разыграно тамъ все о чемъ не поброжу.

*   *
*

ЗАПИСОЧКА.

Аѳину Росскую любя душей кто чтитъ
Тотъ злобу лесть алчбу не терпитъ и разитъ.



ЕПИСТОЛА

къ нехранящимъ уставы.

Невѣжество меня ни чемъ не возмутитъ,
И Росская меня Паллада защититъ.

Г. Сумар: въ I. сатир.

На то ли вредныя на свѣтъ вы рождены?
На то ли на степень судейства взведены;
Чтобъ вамъ подъ образомъ хранителей законовъ
Изъ человѣковъ стать лютѣйши и драконовъ?
Вы лютость ихъ своимъ коварствомъ превзошли,
И внѣшностью одной, гдѣ истинна дошли.
Присягу вы свою, тогда же позабыли,
Какъ въ чинъ произошли, и въ должность ту вступили;
Отъ самыхъ тѣхъ минутъ, и истинну въ судѣ
Безстрашно топчите ногами, и на мздѣ!
И алчбу внутрь сердецъ съ притворствомъ укрывая,
И сребролюбїемъ и златомъ ту питая
Монаршей вы законъ вмѣняете въ ничто:
Навѣтуете тѣхъ: коль не вдадутъ вамъ то!
Чево желаетъ алчъ несытая къ питанью.
Вы изрыгаете имъ пагубу гортанью?
Увы! и самъ законъ, стеня тамъ вопїетъ
Гдѣ правосудїя стѣсненнымъ больше нѣтъ?
„Гонимыя ко мнѣ всѣ руки простираютъ,
„Судьями я презрѣнъ, а сїи только рыдаютъ,
„И ужасаются, прибѣгнути ко мнѣ?
„Возрите бѣдныя! возрите къ той странѣ:

„Откуды я снисшелЪ, Она мнѣ оборона.
„Да поразитЪ враговЪ сЪ сїяющаго трона!
Се слышанЪ гласЪ МонаршЪ: даяй закону мечь;
Дабы престали всѣхЪ безвинныхЪ слезы течь.
Дабы оставили и взятки сЪ ЛихоимствомЪ
Дабы всю злость и алчЪ, изринули сЪ безстыдствомЪ.
Дабы всѣ вняли власть той истинны святой
Котора на судѣ, зовется красотой?..

Вы правЪ хранители отЪ протчихЪ возвышенны;
Монаршей вы рукой сугубо награжденны,
За то ль? о, ядЪ судей: законы всѣ поправЪ:
Творите хищный судЪ злой услаждая нравЪ!
Не вспомните тово, законы сколь святыя,
КоторыхЪ писмяна достоютЪ быть златыя
Повержены отЪ васЪ; гдѣ дѣлася боязнь?
О изверги людей, помыслите ту казнь
Котора навсегда васЪ сЪ честью разлучаетЪ
И изЪ роду людей на вѣки изключаетЪ?
Сїе ли бЪ вамЪ ни что, сїе не мерзско ль вамЪ?
Себѣ вы зиждите, и ахЪ! потомству срамЪ.
Иль вы усыпились, не чая тому збытся;
И уповаете, пронырствомЪ откатится.
Обманитеся вы: все вЪ мигЪ возопїетЪ;
И взглянутЪ на дѣла кЪ тому дающи слѣдЪ.
Которы вы вЪ судѣ для мзды производили,
ОткроютЪ вымыслы что вЪ васЪ происходили.
Ко притѣсненїю безвинныхЪ здѣсь людей?
Представьте вы на мысль правдивѣйшихЪ судей:
Которыя уставЪ Монаршей образуютЪ,
И образцомЪ себя, дворянству показуютЪ?
Да даруетЪ имЪ БогЪ и Царь довольно благЪ;

Не надобенъ для нихъ чинъ изверга и страхъ.
Ихъ правосудїе, злодѣевъ всѣхъ постигнетъ!
Чрезъ правосудье ихъ, Монархъ къ вамъ гнѣвъ воздвигнетъ.

На что вы мните такъ, что гдѣ ему спознать,
И кто посмѣетъ васъ въ семъ видѣ указать.
Ни кто? ни самый вопль; хоть вами презираемъ:
Когда взлетитъ предъ тронъ, слезами ополчаемъ:
И тронитъ стономъ симъ щедролюбиву Мать,
Гдѣ вмѣсто вы судей объявитеся тать.
Что скажите тогда? какой отвѣтъ дадите?
И чѣмъ вы предъ судомъ, тамъ Ѳемисъ подарите!
Та злата не беретъ, и отъ лица сего
Наказный не вредятъ служенья своего?
Не думайте того ожесточась безъ мѣры,
Хотя и ставите закона страхъ въ химеры;
Безстрашїе тогда далече убѣжитъ
И сердце алчное въ уликѣ задрожитъ!
Не скажите тогда какъ нынѣ повсечасно
Въ народѣ бѣдномъ плачь, живетъ всегда напрасно.
И тамъ, гдѣ придетъ вамъ предстать съ убогимъ въ рядъ,
Отъидетъ весь въ немъ страхъ; и рѣчь въ немъ ободрятъ!
Увидитъ что сей судъ ему не лицемѣритъ,
Воскликнетъ какъ труба, восплачетъ и повѣритъ?
По семъ разогнутъ всѣ пристрастны въ васъ дѣла,
Которы вамъ судьба, въ улику довела.
И будутъ вопрошать, какъ то, и то и тожъ,
Не скажите ль вы мнѣ что ето брань и ложъ?
Скажите! но при томъ озлитесь сколько можно;

А я здѣсь къ вамъ еще представлю о чемъ должно.
Я вами не страшусь; колико вы ни злы:
И ваши я хвалы прїялъ бы за хулы.
Не скажутъ кромѣ васъ, что тѣмъ я повреждаю
Правдивыхъ власть судей, я съ ними васъ чуждаю.
Для общаго добра согласны всѣ со мной,
Сыны отечества, и Царь защитникъ мой!
Прѣдставьте о судїй судїй алчны злосердны,
Минервы Росскїя законы святы тверды
Не повергайте ихъ, почтитесь наблюдать,
Кто исполняетъ ихъ тотъ чтитъ и Россовъ Мать.

ЕПИТАФІЯ

лирѣ Г. Сумарокова.

Увы спущенны зрю, на лирѣ звонкой струны:
Не будутъ въ вѣкъ родить, разящи злость перуны?

КАЩЕЙ.

Дошелъ къ кащею слухъ,
И возмутилъ въ прегнусномъ симъ скелетѣ,
Ево, терзавшїй духъ!
Спозналъ кащей, по сказанной ему примѣтѣ,

Что есть еще другой кащей на свѣтѣ!
И будто въ образцѣ, ево и превзошелъ:
Кащей къ кащею самъ на выдержку пошелъ!
Кащей кащея посѣщаетъ!
Кащея солнце освѣщаетъ!
Но сонце и клоповъ здѣсь свѣта не лишаетъ,
А ночью мѣсецъ съ нимъ сїяетъ:
Кащей кащея самъ пытаетъ!
Кащей и свѣчь не зажигаетъ! . . .
Не кушаетъ кащей
Окромѣ щей!
И домъ ево наполненъ сору;
Ликуетъ въ платьицѣ, которо, кату въ пору!
Набиты денгами имѣя сундуки,
Не простирая къ нимъ во вѣкъ своей руки!
И только лишъ тогда въ тюрмахъ ихъ посѣщаетъ,
Когда ихъ запершись щитаетъ:
Мазоли съ радостью, онъ къ пальцамъ, приплетаетъ:
Иль ладитъ въ нихъ тогда, какъ ростъ приобрѣтаетъ.
Тогда лишъ мой кащей выноситъ деньги вънвъ!
Какъ вексель и закладъ съ порукой, съ друга взявъ:
И пѣсню тутъ предъ нимъ какъ дружню напѣваетъ:
Отцовъ и дѣдовъ въ насъ, всю скромность вспоминаетъ.
Умѣли какъ тѣ жить,
Какъ денежки скопить;
Деревни какъ купить . . .?
Но мнѣ ужъ говоритъ, пришло тебя должить!
И мотовствомъ ево безчестя попрекаетъ;
Хоть другъ и не былъ сей, отнюдь на свѣтѣ мотъ.

Такъ мышку изловя; себя злой тѣшитъ котъ:
То цапъ ее, за хвостъ; то съ боку;
Пускаетъ, и опять кольнетъ: къ презлому року?
Не кладъ тотъ съ нимъ найдетъ,
Ково здѣсь рокъ къ нему и нуждой приведетъ!
Лишъ отъ бѣды бѣжа въ другую попадетъ.
Но ето бъ ничево? . . . закладъ онъ пусть придавитъ:
Кащей тебя по всей подсолнечной разславитъ!
И вѣчно пресѣчетъ столь нужный твой кредитъ.
Не ради ль, и сего, злословье онъ твердитъ?
Какъ естьли бы занять еще здѣсь вновь случилось;
Имѣнье бы, къ нему лишъ въ руки очутилось:
Уподобляется кащей, въ то время, псу!
Которой на тропѣ въ тотъ часъ лежитъ, въ лѣсу,
Какъ зайца гончихъ крикъ, къ апушкѣ пригоняетъ;
А тотъ зря смерть въ глазахъ, колѣни подгибаетъ:
И спереди враговъ онъ зритъ и за собой:
И слухъ ево разимъ охотничей трубой,
На тропку прежнюю знакому нападаетъ,
И прямо смерти въ зевъ нещастный онъ впадаетъ.
Въ поляхъ бы мой соколъ возмогъ ты отлетѣть;
И въ пору бы тебя лизетки здѣсь свертѣть!
Но словомъ мой кащей ни въ чемъ не зритъ зазору?
Къ воротамъ у него замки, здѣсь въ пудъ къ запору:
Не кушаетъ изъ мясъ окромѣ ветчины;
А къ празднику скупя затухлой дичины,
Себя и домъ весь свой тѣмъ фруктомъ забавляетъ;
И повару труда довольно доставляетъ.
Не спитъ кащей; но онъ и свѣчь не жжетъ:
Хоть не вкушаетъ сна: онъ деньги стережетъ!

Хоть мысль въ нимъ * о ворахъ, здѣсь сердце и пужаетъ;
Но онъ въ своихъ стѣнахъ шкатулу обожаетъ.
Какъ естьли хоть комаръ надъ ухомъ пропискнетъ:
Откликнется? . . . . . кто тутъ! . . иль никово здѣсь нѣтъ.
Оправится тогда, и деньги вновь щитаетъ:
И разъ не съ двадцать онъ ключи тутъ повѣряетъ?
Не придетъ ли тотъ ключь, кой дочери вдаетъ:
Когда крупы она иль дрожжи выдаетъ.
По семъ ихъ ублажа: не взявъ изъ нихъ ни пулу:
Онъ злато и себя, опять кладетъ въ шкатулу;
И бродитъ здѣсь одна ево на свѣтѣ, стѣнь . . .
Кащеямъ все равно: и ночь, и день.
Напрасно мой кащей себя въ томъ увѣряетъ,
Что будто онъ живетъ?
И плоть и душу онъ свою, всечасно рветъ!
Онъ прячетъ, какъ мешки? . . . . дрожитъ!
И будто, не былъ тутъ украдкой вонъ бѣжитъ.
Запоры въ кругъ двора всѣ съ страхомъ обтекаетъ;
Домашнихъ и весь родъ, всѣхъ кровныхъ выкликаетъ.
Чево въ себѣ въ тотъ часъ кащей не представляетъ!
Пойтить, мнитъ, посмотрѣть, здѣсь въ домѣ всѣ ли спятъ:
Но нѣтъ ли здѣсь ково? . . изъ маленькихъ рабятъ.
Постой; васъ вижу я! за чемъ васъ подсылаютъ?
Глаза ево тогда какъ углїе сверкаютъ;
И подозрѣнье ужъ ему къ стѣнамъ рождаютъ!
За печкой посмотрѣть: что? . . . нѣтъ ли тутъ ково?

---

* Ета моя вольность, которую я употребилъ по краткости стиховъ въ моихъ Еротоидахъ.

Но видитъ мой кащей себя лишъ одново.
А учредясъ онъ такъ, опять на низъ онъ сходитъ:
Къ конюшнѣ онъ бредетъ . . . ?
Съ конюшни вой восходитъ!
Не спящихъ зря кащей дневальныхъ прочь идетъ:
Оставя сладкій трудъ ко стойламъ онъ пытатся;
Хоть гарчикъ бы овса слизнуть;
Не спятъ: не льзя продратся . . . .
И нѣтъ туды ему надежды проскользнуть.
Въ кащеяхъ въ кажню ночь, то обычайный трудъ.
И каждый, во глазахъ кащея: плутъ!
Кащей и самъ себѣ, какъ ближнимъ онъ не вѣритъ:
Но званью своему во вѣкъ не лицемѣритъ.
Размучился кащей! . . . . куды же онъ бредетъ? . . . .
Въ пристройну *? . . Боже мой? богачь пребеззаконный!
Онъ въ сей половнѣ, что найдетъ?
Однако жъ мой кащей; и точно, въ ровню
Съ домовымъ онъ идетъ: въ половню.
Идетъ:
Къ кащейству ли мы сродны!
Но нѣтъ, видь тамъ къ нему: по свойски дураки:
Въ столицу подвезли колосья батраки.
Къ чему онъ въ городѣ живетъ? - - -
Кащей!
Въ деревню для чево; . . въ могилу не плыветъ!
Но онъ безсмертный; не умретъ.
Но вотъ опять кащей внутрь дома поспѣшаетъ:
Не знаю; что ему теперь, здѣсь спать мѣшаетъ?
Кащей лишъ самаго себя ужъ искушаетъ:

---

* Пристройна — срубы о трехъ стѣнахъ, которыя съ мѣста на мѣсто переставливаются.

Не ужъ то мой кащей походъ свой отмѣняетъ?
Пойдетъ: - - -
Но къ мысли онъ меня еще другой ведетъ.
Что, спитъ ли тамъ мой сынъ?.... а ты здѣсь дочь;
иль спишъ?
Хозяюшка!... мой другъ:.. но ты давно храпишъ.
Но ляжешъ ли и ты кащей! ужъ куры вспѣли?
Часы отвѣтствуетъ, мои не подоспѣли.
Онъ мыслитъ: гдѣ онъ былъ, здѣсь всякъ про то
спозналъ:
Что съ денгами мешки не крѣпко заковалъ.
Торопится опять въ свой путь, къ шкатулѣ:
Садится близь ее; томится онъ на стулѣ:
Пытается, къ замкамъ: ужъ ли ль столь крѣпки тѣ?
Но представляются ему въ мечтѣ
Всїо воры.
Съ шкатулой мой кащей заводитъ разговоры:
Шкатула, говоритъ: шкатула ты моя!...
Моя мнѣ жизнь мила; но знай!.. она, твоя?
Тогда тебя мой свѣтъ, тогда я позабуду
Когда я въ гробѣ буду!
Дороже ты дѣтей...?
Жены, и всѣхъ мнѣ въ свѣтѣ!...
Цѣлуетъ онъ ее:
Цѣлуетъ, и въ карманъ онъ руку опускаетъ;
И вощечку кусокъ со шнуромъ извлекаетъ.
Снявъ, съ пояса печать;
И чтобъ то разомъ окончать,
И объ шкатулѣ бъ къ намъ ужъ больше не кри-
чать:
Печатаетъ ее; снуруетъ, крѣпко:
Шкатула! воскричалъ: къ тебѣ, хожу, я рѣдко?..

Прощай мой другъ, ужъ я, иду:
Къ другому я иду теперь къ себѣ, другому..?
И вскорѣ я назадъ къ сокровищу приду.
Къ другому онъ идетъ, теперь, онъ къ духу къ злому.
Смотрите, вотъ кащей! .... плыветъ, въ размѣрѣ.
И подлинно кащей?
Дорогой онъ идетъ, къ химерѣ:
Набивши голову протухлостью вещей.
Идетъ къ химерѣ:
И въ полночь онъ идетъ по ихъ кащейской вѣрѣ;
Химерой будучи онъ самъ.
Такихъ намъ скаредовъ, я чаю неудобно
Рождать всесильнымъ небесамъ?
Преданье вспомнилъ я здѣсь Руска Ла Фонтена:
Подъячи онъ сказалъ, наперстники бѣсамъ:
Но алчбы съ скаредствомъ; какая словъ премѣна!
Кащея какъ мнѣ счесть? не знаю я и самъ:
Ихъ чортъ къ намъ произвелъ въ подпору злымъ бѣсамъ!
Назвать мнѣ ихъ такъ трудно;
Живутъ они съ приказомъ грудно;
Однако назвалъ такъ.
У правды жъ онъ сказалъ: на свѣтѣ мало вракъ.
Но то не чудно,
Кащеи здѣсь живутъ;
И въ лихву, кожи съ насъ съ процентами дерутъ:
Но раздроблять что есть кащей; вотъ ето трудно?
Сокрыть въ злыхъ качествы, то было бъ безразсудно.
Кащею потакнуть; безсмысленну мнѣ стать:
Кащей есть, тать.
Коль съ кровныхъ и съ чужихъ онъ шкуры обдираетъ;
И тотъ, подъячей въ насъ: въ судахъ коль обираетъ.

Сокрывъ въ нихъ, качествы; безъ смыслу бъ сѣять
мракъ:
Таращася отъ нихъ, пускай страшится ракъ.
Кащей и самъ бы мнѣ я чаю то сказалъ:
И доказалъ,
Когда бъ ево хвалить я сталъ;
Что я囲 дуракъ.
Кащея и другихъ порочить я не смѣю;
Но силы малыя, одобрить зло имѣю.
Мнѣ Муза не велитъ.
Пускай изъ нихъ меня коль кто и побранитъ;
На что кащея мнѣ умалить?
Кащей меня не можетъ жалить.
Для злата бъ пусть кащей хоть смогъ себя из-
жарить;
Хоть взрютили бъ ево, собакамъ, на лотокъ;
И тѣ не стали бъ ѣсть протухлый полотокъ.
Заплатки на себѣ когда ужъ обзираетъ,
И естьли прорвались, и тутъ онъ обмираетъ?
Хоть пуговка слетитъ;
Предъ пуговкой сертитъ.
Найтить и зерношко онъ маково здѣсь чаетъ;
Всѣ щелки пола примѣчаетъ:
И самой потолокъ онъ глазомъ отмѣчаетъ!
Во паутину что не взнесъ ли тамъ паукъ?
Пылинка не минетъ ни глазъ ево ни рукъ.
Хорошъ ли въ насъ, кащей?

* ═══ *
*

Стихи

ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ

ЕКАТЕРИНѢ II.

на

объявленїе войны

съ вѣроломною Портою

1787.

Великолѣпствуя и славой и умомъ
Бросай! МОНАРХИНЯ, въ Станбулъ, съ Невы ТВОЙ громъ?
Жги флоты;... грады жня, пеплъ взвѣй ТВОЕЙ рукою!
И гидру растерзавъ введи къ намъ миръ къ покою.

№1457

ОТВѢТЪ
И. М. Р...
на злословїе
за
ПРІЯТЕЛЯ.

Онъ лести съ злобою на свѣтѣ не любя,
И ни кому ни въ чемъ по правдѣ не грубя,
Желаетъ, чтобъ и вы поступками такими
Не зрѣлись въ обществѣ, зловредными, лихими,
Особо бреднями пустыми,
Какими
Лишъ одни прегнусны, прошлецы дерзаютъ,
Честнѣйшихъ здѣсь людей; при томъ же и за очно,
Хотя то все безпрочно:
Чтобъ въ ядъ сплетати лжи, нарочно;
Ругая ихъ дѣла похвальны охуждать.
Извѣстно что порочно!
Такъ нагло повреждать?
Похвально, праведно за очно разсуждать:
Но вѣрить я могу ль чево я самъ не вижу?
За что не осязавъ безвинна я обижу?
И въ осязанїи коль бываетъ часто ложъ:
Бухарка на грядѣ; а кажется вдругъ йожъ?
Помысли, и удвой, и въ двое ты помножъ:
Четыре раза два: но два и два, не то жъ.
За что не вопросивъ безвиннаго обижу?
Во прояснениїяхъ невѣждъ намъ пользы нѣтъ:

Балтушками наполненЪ свѣтЪ.
Не ясно ль я ихЪ вижу?
РугателенЪ и гнусенЪ мнѣ совѣтЪ
Которой изо устЪ коварнаго исходитЪ:
И Мида вЪ томЪ еще и пищу коль находитЪ!
Иль, ложЪ, на правду не походитЪ?
ВотЪ какЪ похвально разсуждать!
ОтчетЪ чтобЪ и вЪ себѣ во разсужденьи дать.
Ругая по всякЪ часЪ, ругая, полномочно;
Я брескЪ, сей слышалЪ самЪ; и слышалЪ точно:
А слыша не смолчу;
Я злобу вЪ честности живя - - - поколочу;
Или ясняй сказать, сколь льзя, помолочу:
И плевы отЪ зерна ихЪ вѣтрамЪ поручу!
На злобныхЪ и хула устахЪ, лишЪ замерзаетЪ,
И кЪ омерзенїю имЪ двери отверзаетЪ.
Брегусь я вЪ оный часЪ,
Когда мнѣ колютЪ вЪ глазЪ
И не боюсь я васЪ!
Злодѣй, и ни ево, и не меня не сронетЪ.
Злодѣй и не одну, пускай, сто ямЪ онЪ роетЪ:
ЧрезЪ то скоряй еще вЪ любую попадетЪ;
Злодѣй злодѣемЪ пропадетЪ!
А вы бЪ друзья, хотя бЪ привычки сей отстали:
ЧтобЪ послѣ васЪ за то здѣсь вѣявЪ не освистали,
А можетЪ статися, и то:
ЧтобЪ васЪ за то,
Достигнувши перомЪ не отхлыстали;
Не здѣлалось бы вамЪ, и сей, печали?
УжЪ вѣдаетЪ то всякЪ, что стыдЪ вамЪ здѣсь ни что!
А рѣчи зла у васЪ, повсюды.
И мрежи вЪ языкахЪ, и уды? . . .

Злословьемъ вы своемъ въ болотахъ лишъ цвѣтя,
И умерщвляете лягушекъ подсѣтя.
На честность лишъ одну: ядъ зло гортаньми мещетъ;
Но здѣсь она отъ васъ, повѣрте, не трепещетъ.
И праведный всякъ мужъ зря молча васъ отмещетъ:
То вѣдая онъ самъ: невинностью дыша:
Что въ васъ скверна душа.
Но вы когда надъ кѣмъ, коль такъ шутить хотите;
Съ своихъ вы языковъ и пошлины дерите,
И сколько можно насъ, ругайте и браните,
Лишъ только вы мою сатиру пощадите?
Но не браните лишъ вездѣ:
Браните насъ въ своемъ замараномъ гнѣздѣ.
Я чаю и въ одрѣ когда вы спите
Честнѣйшихъ вы людей; вы и тогда браните?
А какъ проснувшись вы, змѣей шипите!
Тогда не только намъ,
Но даже мерзски вы и самымъ небесамъ:
Когда собравшись гдѣ къ нимъ злобою кипите.

КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

Послушай сказачки пріятель,
Послушай мой пріятель
Ты сказокъ разсѣватель
И больше знаешъ ихъ, чемъ мышлю я:
Вотъ ета сказачка моя
А не твоя.

Государь мой!

Примѣтно мнѣ, и вы желаете нетерпѣливо съ Латинскаго вашего перевода, видѣть преложенною мною въ стихи славную ночь Овидїеву. О которой можно сказать, что она есть сокровище изъ ево печальныхъ произведенїй. Сей знаменитый сладостный Поетъ, всегда останется неподражаемымъ: но то, что онъ испыталъ отъ несправедливости или лутче сказать отъ подстреканїя совѣсти Цесаря. Дѣлаетъ ево паче безсмертнымъ, больше по ево нещастїямъ и претерпѣнїю ссылки. Когда бы Цесарь, Августъ, неугрызаемъ былъ совѣстїю въ себѣ, и то что видѣлъ Овидїй: какъ о томъ многими уже найдено: то бъ Назонъ, не былъ въ ссылкѣ. Другой остался бы безпорочнымъ, какъ въ правосудїи, такъ въ милосердїи и милости. Римляна дѣльно ево почитали почти своимъ богомъ: но судьба, опредѣлила одному страдать и проливать нектаръ горестный: растворенный съ такою сладостїю, что можно назвать, имѣлъ несравненный Овидїй языкъ боговъ. Языкъ самыя Венеры . . . . А другому опредѣлила, быть милостивымъ, храбрымъ могущемъ дѣлать все, и бывъ толико во всемъ

велику, не приклоняшся къ бѣдному Назону ни жалостїю ни милосердїемъ. Колико человѣкъ не властенъ самъ въ себѣ! сїе есть Августъ превозносимый вѣчностїю Виргилїемъ и Горацїемъ. Сей, Августъ: Августъ которой былъ выше самаго себя, вдругъ показывается, миру, не умнѣе и не великодушнѣе Назона. Сладостный Овидїй: простимъ охотно Августу; которой любилъ огнь Поезїи . . . Я, ежели бы жилъ, во времена Августовы: то бъ поручился бы моею головою, за Овидїя, что съ такимъ разумомъ, конечно бы ничего, не произрекъ бы Овидїй противъ Цесаря . . . Цесарь и самъ оное вѣдалъ: Овидїй имѣлъ тотъ же огонь какъ и Цесарь; но не имѣлъ ни ликтора ни пука, ни топора; и можно ли воспротивится ссылкѣ! Пороковъ нашихъ намъ свидѣтели несносны. Но здравый разумъ, сердится чтобъ за то, за то, что въ насъ видютъ; отмещетъ, конечно предразсудки. И много ли тѣ виноваты, которыя нѣчто видютъ: но Августу весьма порочно, за то только, что Овидїй имѣлъ глаза и мозгъ: послать ево въ ссылку. Да и не возвратить бы ево оттолѣ? . . . Всѣ со мною, во положенїи семъ о Августѣ согласны.

Августъ! ежели ты чувствуешъ: прости самъ свою ошибку; ежели ты можешъ. Не мню

чтобы ты могъ мнѣ причинить за мои къ тебѣ упреки, такую же боль, какую и Овидїю?.. О! Августъ ты не болѣе славенъ во вселенной какъ и Овидїй. Убилъ ты дни ево твоей священною рукою.

Горесть Назона! изливаемую имъ въ ево Елегїи препровождаю къ вамъ государь мой въ слабыхъ моихъ стихахъ: вы издаете теперь мои сочиненїи, напечатайте ихъ курсиво.

Я есмъ, вашъ обязанный,
вѣрный слуга.

* *
*

Ты! коя въ градѣ мнѣ послѣдней ужъ была:
О! нощъ: ты всѣ мои забавы отняла.
Когда тебя теперь въ умѣ воображаю
Я съ токомъ горкихъ слезъ болѣзни умножаю.
Ужъ наступалъ тотъ день, какъ Кесарь осудилъ,
Чтобъ градъ оставилъ я:.. и всѣхъ! кого любилъ?
Ужъ нѣтъ и время мнѣ; летятъ прочь мысли зрѣлы:
Оставить велѣно Авсонски мнѣ предѣлы.
Чтобъ приготовится, мнѣ случай не велѣлъ;
И сердце каменно я долго тутъ имѣлъ.
Ниже о спутникахъ имѣлъ я помышленье;
Ниже рабовъ избрать имѣлъ я попеченье:
Ни объ одеждѣ въ путь изгнанцу чтобъ имѣть;
Ни о припасахъ въ тотъ чтобъ гладомъ не мереть.
Не инакъ я тогда нещастный былъ сраженный;

Какъ Дїевыми кто огнями пораженный:
Которой отъ того всѣ чувствы потерялъ;
Хоть живъ; но самъ о томъ, что живъ ли онъ, не зналъ.

Когда жъ сама печаль безумство истребила,
И силой мнѣ своей вдругъ чувства возвратила.
Въ послѣдни отходя, прискорбныхъ зря друзей:
Изъ коихъ множества въ плачевный случай сей:
Едва одинъ уже; иль двое мнѣ предстали:
Я съ ними говорилъ: онѣ о мнѣ рыдали.
Хранящую жъ ко мнѣ, столь искренну любовь:
Супругу нѣжную! объяла жарка кровь.
Которою горя она меня держала
И плачучи со мной: — слезъ токъ приумножала.
Дождемъ омыла слезъ безвинное лице:
Лишъ дочь любезная? — не зрилась при отцѣ.
Далече отъ меня была въ странахъ Ливїйскихъ;
Не зрѣла злыхъ минутъ, судьбы, отца толь близкихъ.
Куды ни поглядишъ! .. куды ни вскинешъ взоръ:
Лишъ только видѣнъ плачъ вздыханье, мукъ соборъ.
Летаютъ горести . . .! повсюды и мученья;
И истинный былъ зримъ внутри видъ погребенья.
Тамъ женскїй полъ съ дѣтьми и мужескїй скорбѣлъ,
О погребенїи моемъ? .. и кто ни зрѣлъ.
И слезы въ домѣ такъ плачевномъ разливались:
Что мѣста не было: гдѣ бъ тѣ, не проливались.

Коль можно малое къ большему что сравнять:
Таковъ былъ Трои видъ, какъ зрѣлась упадать.

Уже и псовый лай и гласъ людей минулся;
И черныхъ бѣгъ коней поверхъ небесъ коснулся.

Правительницей сихъ, блистающей луной:
Хоть пышны зданія всѣ скрылись предо мной:
Но Капитолію, могъ средствомъ той я зрѣти.
Но смѣжну съ Ларами вотще ужъ сталъ имѣти.
О! боги, зря на ту, я въ горести сказалъ,
Которыхъ храмъ и ликъ толь близко обиталъ.
Вы! множество божествъ: Квириновъ градъ васъ видитъ:
Мой взоръ отъ нынѣ васъ ужъ больше не увидитъ.
Въ послѣдній разъ я къ вамъ молитву приношу,
И покровительства въ злощастіи прошу.
Примите отъ меня въ послѣдній поклоненье,
И дайте бѣдному изгнанцу защищенье.
Хотя я уязвленъ и поздно щитъ беру:
Но вы то зрите всѣ что въ васъ надежду зрю.
Пускай: лишась васъ зрѣть, я поспѣшу въ изганье,
Но чтобъ не въ ненависть то было въ наказанье.
Коль преткновеніемъ я ссылку заслужилъ;
Вы вѣдаете то: съ злодѣйствомъ ли я жилъ!
И что вы знаете сіе тому скажите,
И вамъ подобному вы мужу то внушите!
Чтобъ и виновникъ зналъ, кой далъ мнѣ днесь напасть:
Какъ беззаконникъ я терплю презлую казнь.
Но бога двигну я слезъ токомъ наводненнымъ;
Коль будетъ милостивъ, не буду въ вѣкъ я бѣднымъ?
Толико я молитвъ ко вышнимъ проливалъ,
Супруга жъ болѣе, и духъ ее страдалъ.
Дыханьи тяжкія слова ея ссѣкали;
Которыя изъ устъ едва ужъ изтекали:
Но какъ упала ницъ предъ Ларами она!
Безъ слезъ то вспомнить, льзя ль: сколь часть ее бѣдна?

Съ растрепанными ницъ власами какъ лежала;
Угасшїй жертвенникъ, устами лобызала.
Отъ устъ трепещущихъ и огнь тогда угасъ,
И боги отвратясь оставили всѣхъ насъ.
Которыхъ въ горести она о мнѣ, просила!
Въ отчаянїй на нихъ и рѣчи износила.
Но все не возмогло, нещастну мнѣ помочь,
И къ западу тогда стремилася ужъ ночь.
Что было дѣлать мнѣ! отечество дражайше?
Удерживала ты отшествїе горчайше.
И ты, послѣдня ночь: хоть, горькой мнѣ была;
Но для любезнѣйшихъ, быть зрѣлась мнѣ, мила.
Но что? велятъ итти, и медлить ужъ не можно;
И побуждающїй слѣшитъ въ путь неотложно.
Что, нудишъ! сколько разъ ему я повторялъ,
Смотри: куды слѣшишъ; иль путь, отколь прїялъ:
Ахъ сколько премѣнялъ я часъ опредѣленный!
Той часъ смертельный мнѣ и въ вѣки незабвенный.
Ужъ трожды я ступалъ итти чтобъ за порогъ;
И трожды отступалъ услугою мнѣ ногъ.
Чтобъ услужить мнѣ такъ, и члены были косны?
О, грозныя часы! минуты ваши, злостны..?

Ахъ! сколько разъ прости любезнымъ повторялъ!
И столько жъ много кратъ нещастный обмиралъ.
Съ любезными сколь кратъ имѣлъ я раставанье;
Толико жъ много кратъ давалъ имъ цѣлованье.
Хоть повелѣнїя и часто имъ давалъ?
Но были все одни; и самъ ихъ забывалъ.

Увы! предстала вдругъ, рѣшительна минута:
Меня объяла скорбь тоска и горесть люта.

Едва, воображалъ: что рѣчью устрашу;
Какъ вдругъ ужъ и изрекъ къ любезнымъ; я спѣшу.
Злощастныя коль такъ подобно мнѣ страдаютъ!
Мнѣ жъ Скифская страна куды мя посылаютъ.
И Римъ? коль должно мнѣ оставить навсегда;
То медлю праведно? — но горше той бѣда.
Увы не буду зрѣть, и вѣрнаго я друга:
Я живъ! но что: на вѣкъ отъемлется супруга!
Отъемлется? и всѣ: ково я здѣсь не зрю:
И домъ, и вѣрныя, которыхъ я люблю.
О вѣрностью сердца, Ѳисеевой спряженны!
Еще васъ обыму, и буду пусть сраженны.
Я, мню! что васъ не зрѣть, мнѣ болѣе во вѣкъ:
Воспользуюсь въ сей часъ, чтобъ тщетно не протекъ.
По семъ не окончавъ я въ мысли рѣчь оставилъ;
Хоть много пролилъ слезъ но столько жъ и прибавилъ.

Межъ тѣмъ какъ были мы въ сей скорбной тѣснотѣ,
Противная взошла звѣзда намъ въ высотѣ:
Пресвѣтлая была небесна то денница.
Стремился въ путь и я гдѣ Скифская граница.

Когда жъ отшествїемъ прїялъ свершить напасть,
Казалась моего отторглась тѣла часть.
А какъ прощался я съ домашними моими;
То члены оставлялъ казалося быть съ ними,
Тогда воздвигся вопль рыданїе и стонъ
Подобно какъ бы въ насъ напастей зрѣлся тронъ!

Но сей ли былъ одинъ, зримъ образъ между нами:
Тамъ обнаженну грудь терзалъ ужъ всякъ руками.
Въ той часъ, безсчастная; но вѣрная жена:

На выю бросясь мнѣ: разлукой сражена:
Ручьи жарчай огня на мя слезъ изливала:
И тѣми горестный сїй рѣчи растворяла.
Ты шествуешъ: увы! любезный мой супругъ:
Иду съ тобой, и, я. О мой сладчайшїй другъ.
Не разлучишся; ахъ! со изгнаннымъ съ тобою —
Послѣдую во слѣдъ изгнаннаго женою.
И мнѣ готовъ той путь, которымъ ты бѣжишъ;
Та приметъ и страна въ котору ты слѣшишъ:
Я буду кораблю ужъ малой тяготою:
Пусть въ ссылку шествуетъ, съ тобою и со мною.
Отечество тебѣ зрѣть Кесарь не велитъ:
А мнѣ ево чтобъ зрѣть моя любовь претитъ,
Котора съ Кесаремъ удобна соравнится.
Сколь злобенъ былъ сей часъ! чтобъ намъ съ ней,
разлучится!
Готову я къ пути нещастную ту зрѣлъ,
И духъ ея къ сему стократно ужъ горѣлъ.
Едва лишъ польза ей тѣ мысли отвратила:
А мнѣ моя судьба дверь гроба растворила.

Тутъ вышелъ уже я: или то было такъ,
Что погребаемъ былъ, безъ выносу мой зракъ.
Имѣя горестный всемъ образъ предъ очами;
Съ растрепанными шелъ по образу власами.
Тогда супругу мракъ совсемъ обременилъ,
Средь дому въ оный часъ повергъ и уронилъ.
О ты нещастная, но нѣжная мнѣ жертва:
Упала говорятъ, упала, полумертва.
— Но какъ опомнилась не зрѣвши ужъ меня
И возвела главу вздыхая и стеня:
Которая была покрыта гнуснымъ прахомъ?

И хладныя съ земли воздвигла, члены съ страхомъ:
То начала опять толико же страдать:
То о богахъ въ той часъ, то о себѣ рыдать.
Почто нещастный я отъ оныхъ отлученный!
И изъ объятїя супруги похищенный!
Увы! Насонъ! . сїе гласила много разъ:
Подобно какъ бы тотъ представился ей часъ,
Въ которой тѣло зритъ на срубѣ положенно,
Дочерне илъ мое все пламенемъ возженно.
И чтобъ уже конецъ мученїю узрѣть,
Лишится что бы чувствъ; хотѣла, умереть.
Но смерти косу злой любовь ей отвратила:
Для ради чтобъ меня страдать, и жить ольстила!
Пускай сказала тамъ отсутствуя живетъ
И облегченїе всегдашне подаетъ.

Но намъ уже въ пути на встрѣчу предваряютъ:
Вздымаясь о корабль злы волны ударяютъ?
О море . . ! укротись: не дай погибнуть намъ?
Неволей по твоимъ мы скачемъ днесь волнамъ;
Не дерзость нудитъ насъ сразитися, съ тобою?
Но гонитъ по тебѣ лишъ страхъ съ моей бѣдою?
Увы! злощастный я? злы вѣтры вѣютъ вновь:
Со дна песокъ валятъ и въ жилахъ стынетъ кровь!
Тупѣетъ зрѣнїе и члены всѣ трепещутъ:
Валы не меньше горъ летятъ! и уже плещутъ.
Наскакиваютъ, ахъ на корму! на боговъ!
И на носъ корабля, гдѣ были имъ въ покровъ?
Звучитъ и весь корабль, конаты вѣтръ ссѣкаетъ:
И само его дно въ напастяхъ состенаетъ!
Несется по волнамъ; и кормщикъ охладѣвъ
Не правитъ уже имъ, лишъ, зритъ оледенѣвъ!

Какъ тщетно бы конемъ, безсильный всадникъ правилъ,
И наконецъ узду для твердыхъ устъ оставилъ;
Такъ кормщикъ въ сей бѣдѣ, не самъ куды хотѣлъ
Но ѣхалъ кораблемъ волной куды летѣлъ.
Ахъ! — естьли бы Еолъ, не сжалясь, надъ напастью,
Сей вѣтръ, не премѣнилъ грозящїй, смертнымъ казнью;
То принесло бъ къ мѣстамъ, гдѣ вѣчно мнѣ не быть,
И путь потерянъ весь которымъ должно плыть?
Ужъ Иллирискихъ взоръ бреговъ мой не встрѣчаетъ?
Италїю сквозь мракъ, обратно примѣчаетъ?
О! вѣтръ: не правь корабль, въ заказанной предѣлъ?
И власти покорись котору я узрѣлъ . . ?
Сїе лишъ говорю; но въ мысли я то чаю;
Мнѣ удалится жаль: напасть, тогда жъ встрѣчаю?
Ударила въ корабль жестокая волна?
Правители морей! надежда вы одна.
Спасайте боги: — ахъ! днесь смерть мнѣ угрожаетъ!
Пусть гнѣвъ Юпитеровъ одинъ мя поражаетъ!

* * *

МОНОЛОГЪ изъ Французской траг: Брута.

ЯВЛЕНIЕ IV.

Брутъ одинъ.

Минуты грозной тѣнь объемля трепещу?..
Я Цесарю въ ней смерть предъ нимъ предвозвѣщу!
Въ сiю минуту злу, вѣщать предъ нимъ мнѣ должно?
Вотъ Капитолiя! умрешъ въ ней, неотложно.
Умрешъ тиранъ; умрешъ: и возмятутъ твой прахъ:
Но что я зрю въ себѣ? о боги: хладъ и страхъ.
Какой вы ужасъ мнѣ на душу положили;
Какое бремя вы на рамо мнѣ взложили!
Безсмертныя!.. вы мнѣ дающи тягость мукъ...
Избавьте вы ево, моихъ отъ смерти рукъ:
Здержите вы во мнѣ геройское стремленье;
Пролейте вы ему, на сердце... всплamененье.
Чтобъ Римъ! престольный градъ; величественный Римъ,
Былъ въ сердцѣ воленъ днесь ево, и воленъ и любимъ!
Исполните, прошу; — но ежель вамъ угодно;
Да будетъ милосердъ, сiе вамъ все удобно.
И чтобъ онъ мерзской сей тиранiи вѣнцемъ;
Не крылъ свою главу! и могъ мнѣ быть отцемъ!
Но се уже и онъ. О! тѣнь безсмертной ночи!
Лишаешъ всѣхъ мя чувствъ и кроешъ мракомъ очи.
О ты дражайшiй трупъ божественный Катонъ:
Скрѣпи мнѣ мужество; и опровергни тронъ!

*　　*
*

Слѣдующїя

и помѣщенныя за ними

СТИХИ,

и пѣсенку мою:

охотно я посвѣщаю, вкусу бѣлокурой красавицы.

Приди, жизнь моя, исполню желанїя твои.

Саф: къ Фаон:

*

Минувшїя забавы!
На память представляя!
Которыя приходютъ,
Мнѣ сердце раздирати?

*

О! вы смущенны очи!
О вы дражайшей взгляды!
Вы очи не глядите,
На прелести драгїя.
Вы взгляды не вводите
Во прежднюю мя слабость.

*

И такъ терпѣлъ довольно.
Терпѣлъ любимъ и мучимъ.
Какъ тѣнь любовь преходитъ:
Но сердце раздробляетъ.

*   *
*

СТИХИ.

I.

Какъ зря достойную любви;...
Какъ на прекрасную языки изощряютъ;
Какъ съ ядомъ черныя съ губъ стрѣлы испущаютъ
Горгоны страшныя ядъ чувствуя въ крови:
Какъ злѣйшій гдѣ змѣи цвѣтъ съ свистомъ обтекаютъ
Желаютъ уязвить
И розы нѣжныя алкаютъ цвѣтъ тронуть!
Но роза ихъ собой колюща отгоняетъ;
Какъ змѣй сихъ ядъ воняетъ:
И розу какъ Зефиръ влюбленный обоняетъ:
Такъ точно и стихи которыя плывутъ
И зависть съ желчїю ее, терзая рвутъ.
Прегнусны имъ хулы невѣжды какъ сплетаютъ;
Такъ нѣжныя сердца, любуясь ими таютъ.

*　　　*
*

II.

Прелести мира,
Все окончалось,
Зрѣть онъ не будетъ
Вѣчно драгія.

*

Вѣчно коль зрѣти
Мирры не будетъ
Прелести мира
Что для Пирона?

*

Мирры драгія,
Розы ужъ свяли,
Лиліи свяли.
Мирра во гробѣ.

* *
*

ПѢСЕНКА.

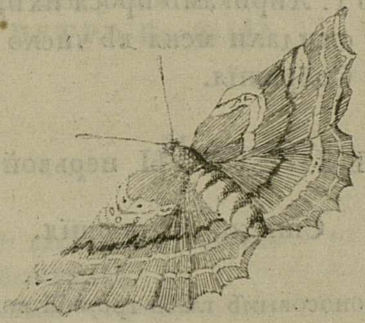
I.

Я пѣсенку мою
Зардѣвшися пою:
Пою пою пою, пою.
Любови не таю
Любить умѣю
Въ любови тлѣю,
Пою горю и млѣю
Ково люблю, сказать не смѣю?

*

II.

АхЪ! чувствую любовь
Вспалилъ и ты мнѣ кровь.
Любовь, любовь любовь любовь?
Лети къ нему ты вновь,
Скажи я млѣю,
Любить умѣю.
Пою горю и тлѣю
Люблю ему сказать не смѣю.



НА ЛИРИКОВЪ:

но немогущихъ стати Лириками.

Въ Епистолѣ своей о стихотворствѣ Г. Сумароковъ, вѣ сихъ двухъ ево слѣдующихъ стихахъ, подаетъ, Г. въ лирической Поезїи упражняющимся, сугубое наставленїе, я ихъ помѣщаю здѣсь ради моего услажденїя и ради того, что они, преподали мнѣ мысль написать, и собственно мнѣ на меня оду. Которую я и препоручаю Г. Лирикамъ прося ихъ, чтобъ онѣ никогда не ожидали меня въ число ихъ, своего Почетнаго Собратїя.

ЕПИСТОЛЫ перьвой,

Стихи слѣдующїя.

„Иль съ Ломоносовымъ гласъ громкїй вознеси!
„Онъ нашихъ странъ Малгербъ, онъ Пиндару подобенъ?

*　　　*
*

ОДА.

I.

Родится мнѣ Поэтомъ,
Предписано судьбой;
Но быстрымъ мнѣ полетомъ
Не возлетать съ трубой!
Паривъ подъ небесами
Я бъ громы разносилъ?
Героевъ бы взносилъ,
Гремя ихъ тамъ дѣлами:
Воспѣлъ бы къ ихъ улики
Каковъ былъ ПЕТРЪ Великій!

II.

Межъ всѣхъ какъ здѣсь Героевъ
Ареемъ онъ блисталъ:
Среди разженныхъ строевъ
Какъ съ молніей леталъ.
Орломъ въ войнѣ кровавой
Льву челюсть какъ пронзалъ
И самъ какъ Шведъ сказалъ!
Великъ ПЕТРЪ подъ Полтавой!
Я бъ взнесъ съ Парнасса клики:
Таковъ былъ ПЕТРЪ Великій!

*

III.

Иль флоты какъ рождая
Нептуна покорилъ?
Науки насаждая
Минервой къ нимъ зарилъ!
Воспѣлъ бы я оттолѣ
И грады какъ онъ бралъ;
И злобу какъ каралъ
Въ поляхъ и на престолѣ
Подвигъ бы Музъ всѣхъ лики!
Изречь дѣла толики.

IV.

А самъ бы ниспустился
Я плавко съ сихъ высотъ?
И вдругъ бы воскатился
На Пиндъ! я межъ красотъ:
Ѳиръ бы разсѣкая
Къ нимъ Пиндаромъ я втекъ!
Поя прекрасный вѣкъ
ЕКАТЕРИНИНЪ тая....
Затмилъ бы, лиръ гласъ, дикїй!
Поя дѣла велики.

*

V.

Не мнѣ сїе досталось,
Иному суждено?
Любовь мнѣ пѣть осталось!
Къ ней сердце рождено.
Чувствительность такую
Не воленъ одолѣть:
Мнѣ въ вѣкъ Ератой тлѣть.
Любезной, хоть тоскую;
Живу хоть ей въ неволѣ
Но тѣмъ и щастливъ болѣ.

*　*　*

ЕРОТОИДЫ.

Еротпу пѣсни посвящаю
Еротомъ жизнь мою прельщаю
Еротъ въ мой вѣкъ меня любилъ;
Еротъ мнѣ въ грудь стрѣлами билъ:
Я пламень сей тобой Сапфира ощущаю!

J.C. Nabholz fec.

½
№1457

ЕРОТОИДЫ.

I.

Не ставь, себѣ въ досаду,
Коль сталъ тобой сей страстный
Къ нещастью воздыхати.
Ево твой взоръ вздыхати
Неволей побуждаетъ.
Кто такъ тобой вздыхаетъ,
Имѣетъ сердце нѣжно;
Чувствительно имѣетъ.

Кто такъ здѣсь воздыхаетъ
Онъ жизнь свою тѣмъ тратитъ.
Я самъ тобой вздыхаю!
И жизнь тобой всю трачу?
Взоръ, зрѣть мой тя не сможетъ;
Не зрѣть тебя не въ силахъ:
Подобно какъ Егидомъ
Твой взглядъ мя убиваетъ;
Подобясь искрамъ Феба
Опять мя оживляетъ.
Вини меня коль можешъ
Безвинно ты винити:
Но прежде осмотрися
Ково винити должно?
Почто ты столь прекрасна!
Почто бывъ столь прекрасной
Спознать себя не хочешъ?
Любовь ты отметаешъ?
Почто родясь прелестной
И прелесть отметаешъ.
Конечно отметаешъ
Когда любви не знаешъ! --
А знать ее, достойна?
Ты будешъ воздыхати!
Но тѣхъ заразъ не будетъ;
Которые Киприда,
И Грацїй нѣжныя!
Лишъ въ младость помѣщаютъ?
Подъ коей ты звѣздою
Подъ синимъ коимъ небомъ
На свѣтъ ты здѣсь родилась!
Прельщать ты въ свѣтъ родилась?

Разить ты всѣхъ стрѣлами
Еротомъ наученна?
Ково жъ винить въ томъ должно
Коль всѣхъ твои заразы
Неволей привлекаютъ.

II.

Не можешъ оправдатся:
Гебѣ Еротъ мной пени
Въ минуту изрекаетъ.
Лукъ, сильно тетивою,
Моими днесь руками,
Младенецъ напрягаетъ.
Ты ль! можешъ съ нимъ сражатся? - -
Сражайся лишъ со мною.
Къ нему не подпадайся.
Ахъ! мѣткой онъ рукою,
Мое во мнѣ онъ сердце
Вторично ужъ пронзаетъ?
Я зрѣлъ въ нимъ горки стрѣлы:
Которыми сражаемъ
Былъ богъ; и Музъ всѣхъ царь!
Касались прежде груди
Пресвѣтла Аполлона? - -
Пеней ли, твой родитель?
Ты можешъ ли какъ Дафна,
Блиставъ здѣсь красотою
Сокрытся скорымъ бѣгомъ,

Меня, къ тебѣ столь страстна?
Хоть ты меня не любишъ;
Но я, тобой згораю.
Что ты меня не любишъ,
Того поднесь не знаю?
Но я не Аполлонъ здѣсь;
Ево нося слезъ рану:
Я Музъ ево служитель!
Увы! прескромнымъ бѣгомъ,
Не Дафну постигаю:
Слезами и вздыханьемъ,
Тебя бреговъ сихъ Нимфу
Лишъ съ лирой умоляю.
Не умерщвляй стараньи! - -
Когда себя ты любишъ;
Коль мя не ненавидишъ:
Вмѣсти въ твоемъ ихъ сердцѣ
На вѣки сокровенно.
Когда жъ и ненавидишъ:
Не растравляй, страданьи:
Но слыша тяжки вздохи
Смягчи ихъ лестнымъ словомъ.

III.

Кто можетъ быть столь дерзокъ
Ругатся чтобъ собою,
Имѣя чистый разумъ
И здраво разсужденье?

Кто можетъ быть столь дерзокъ,
Ругатся бъ надъ судьбою
Тѣхъ милыхъ, человѣковъ,
Которые любити
Натурой одаренны;
А нѣжно такъ вздыхати
Венерой подкрѣпленны? - -
Кто можетъ быть такъ дерзокъ!
Ругатся, чтобъ собою,
И тѣхъ въ насъ лутчихъ смертныхъ;
Прїязни отметати?
Которые собою
Чрезъ дѣйствїе любови
Другимъ даютъ здѣсь цѣны:
Красамъ даютъ, здѣсь виды!
Ихъ прелести вѣнчая? - -
Къ безсмертью ихъ возводятъ.
Безсмертья и достойны
Коль разумомъ взнесенны.
А ты имъ здѣсь взнесенна
Природу украшаешъ.
Чтобъ сихъ; дражайшихъ смертныхъ:
Прїязни отметати?
Которые средь миртовъ
Рождати сладки гласы,
Ератой изученны.
Всегда ль къ любви склоняютъ
Когда ково здѣсь хвалятъ?
Престань! Еротъ днесь стрѣлы
Во Емпирей бросати!
Когда здѣсь къ славѣ можешъ
Земныхъ боговъ сражати?

Уже ль! всѣ быстры стрѣлы,
Ерота истощились?
Уже ль Ерота стрѣлы
На вѣкъ здѣсь притупились?
Иль, силъ, тѣхъ не имѣютъ,
Земныхъ богинь разити!
Весь свѣтъ, Еротомъ блещетъ:
Алкаетъ и трепещетъ.
Любовь, чтобъ одолѣти:
Что бъ краше сей побѣды?
Но властны ль тѣ и сами
Которы къ намъ вѣщаютъ
Любовь чтобъ презирати.
Пенять за что не знаютъ.
И тщетно всю вѣщаютъ.

IV.

Не могутъ быть, не злобны.
Коль ставъ толико дерзски,
Любовь въ насъ презираютъ;
Ерота презираютъ!
Съ коликимъ духа ревеньемъ,
Со грубостью коликой
Тоя и сами алчутъ?
Но чтобъ ихъ возлюбляти:
Конечно недостойно? - -
Вкусить любви не могутъ.
А естьли и вкушаютъ,

Владѣя красотами,
Не инакъ какъ кентавры. *
А имъ въ любви и служатъ,
Еще и страстно служатъ!
Въ минуты уреченны? . . .
Увы! . . которы дышутъ,
Въ грудь грубымъ дыхновеньемъ,
И тѣ нектаръ вкушаютъ?
Съ желѣзнымъ сердцемъ твердымъ,
Едва вздыхати знаютъ.

V.

Любовь: прииди! - - крилами?
Явись, въ сей часъ, весь въ розахъ!
Къ цвѣтущей пышной розѣ,
Къ цвѣтущей здѣсь красою
Твоимъ, къ подобной розѣ?
Предъ коей днесь на лирѣ
Я въ честь тебѣ играю.
Красу сїю, столь нѣжну! - -
Достойно звать мнѣ розой?
Красой сей овладѣти
Ни кто въ свой вѣкъ не можетъ:
Лишъ я ей овладѣю.
Тобой лишъ овладѣю,
О! богъ, любви сладчайшей?
Предстань днесь безъ колчана,

* Кентавръ есть конь и человѣкъ; или половина коня и человѣка.

БезЪ лука, и безЪ страха.
Не такЪ какЪ прежде было,
Моей внимая лирѣ
ЯвлялЪ ты путь кЪ Сапфирѣ?
ВзлеталЪ кЪ ней, на колѣни.
Твои златыя стрѣлы
Мнѣ больше здѣсь не нужны.
Едины лишЪ улыбки
Твои угодны нынѣ?
ДоволенЪ! уже знаетЪ
КакЪ я по ней, вздыхаю?
КакЪ я по ней вздыхаю? - -
ДоволенЪ! естьли слышитЪ,
КакЪ я поднесь страдаю!
КакЪ я по ней стонаю?
Однако? - - быть опасну:
Вложи едину стрѣлу,
ИзЪ розЪ, вЪ сплетенну броню;
ВЪ ту вЪ кою обрядила,
Тебя, дражайша Псиша!
Се! розы? . . . сколь прекрасны:
Се розы какЪ связала
Ее рука прелестна!
Вложи, прескромно стрѣлу,
И саму злу, острѣйшу.
А лукЪ скрой за плечами.
Еще бЪ пробить вЪ той сердце
Котору обожаю.
ВЪ ее стрѣлить чтобЪ сердце,
ЧтобЪ внѣдрити успѣшно,
Сїю преостру стрѣлу
Во грудь ея крѣпчайшу:

Въ ту грудь ее прелестну:
Котора зрится тверже
Блестяща адаманта;
Чтобъ прочь не отскользнула,
Потребна осторожность.

VI.

Тобой я днесь восторженъ,
О! Нимфа, дарагая:
Пою! предъ сильнымъ богомъ.
А твой Ерата голосъ
Я ей, усугубляю. —
Пронзенъ, кто сладкимъ богомъ:
Пронзенъ ево стрѣлами:
Вкусилъ ево кто сладость,
То тотъ лишъ можетъ знати
Что я теперь вѣщаю.
Другой тово не знаетъ,
И знать сего не можетъ.
Имѣя, душу, грубу.
Тотъ только можетъ знати
Вкушалъ ево кто пламень,
Которой въ насъ стушити
Лишъ равной жаръ возможетъ!
Любви, палящи пламень;
Дражайшая Сапфира,
Хоть тщился бъ кто скрывати,
Въ вѣкъ въ скромности дражайшей,

Не можетъ оставатся?
Хоть кровь бы разъ въ комъ встлилась!
Не можетъ не вспылати?
А естьли бъ сей вспылая
Внутрь огнь! смогъ заключится:
То бъ могъ имъ истлѣвая
Сей страстный умерети бъ?
Прекрасная бъ отъ вздоховъ,
Стыдящаясь открытся
Безмолствуя бъ какъ Ехо
Стеня бъ, вся истощилась.
Какъ роза бъ жаркимъ зноемъ
Полуднимъ жгущимъ вѣтромъ,
Завявъ красотъ лишилась.
Прещастливъ! тотъ, кто вскроетъ
Судьбы своей личину.
Дражайшей бы презрѣнья,
Во вѣки не страшится? - -
Но въ комъ такое смѣльство
Изъ нѣжныхъ душъ быть можетъ!
Прелестную бъ обидѣть:
Себя бъ тѣмъ уничтожить.
Прелестну бъ ту обидѣть,
Котору чтитъ душею
Ту кою чтитъ и любитъ
Своей и жизни паче!
И коей, лишъ желаетъ,
Чтобъ сей предметъ дражайшей:
Бывъ смертна: лутчей частью бъ
Въ сей жизни обладала?
Чтобъ бывъ, въ красахъ прелестной,
Межъ звѣздъ луной взблистала!

Довольно къ услажденью,
И то въ любови страстнымъ,
Когда отъ нихъ примаютъ
Всѣ ихъ ласканьи нѣжны:
За кои ожидаютъ,
Пускай наградъ прелесныхъ.
Стараньи; угожденьи,
Которы грудь вздымаютъ!
Когда и ихъ внимаютъ;
Хотя бъ не отвѣчали.
Но зря пыланье страсти,
Коль то не отвергаютъ:
Довольно къ услажденью.
Но время, все возможетъ - - -
Надеждѣ не внимая;
Прекрасную бъ обидить:
И все чтобъ въ мигъ разрушить:
И вѣчно бы лишится,
Ея пріятствъ дражайшихъ,
Ея красотъ безцѣнныхъ!
То бъ сердцу въ страсти нѣжну,
Горчай то было бъ смерти.

VII.

Когда, сама ужъ видитъ:
Когда сама ужъ знаетъ;
Какъ онъ предъ ней, томится.
Какъ онъ предъ ней вздыхая

Отчаенъ истлѣваетъ.
Ее прелестнымъ пламемъ
Въ ея сѣтяхъ скровенныхъ
Подобно льну згараемъ:
Въ цѣпяхъ ее палится! - -
Сколь, кратъ былъ дѣйствомъ жара
Къ отрадѣ ей, вспаляемъ;
И сколь былъ токомъ хлада
Къ мученью погашаемъ - - !
Къ чему стремленье служитъ,
Въ любови открыватся?
Коль кто въ очахъ драгїя
Не жалокъ становится - - !
Коль, жалости не знаетъ:
Коль зрится, въ лютомъ дѣйствїи,
Въ очахъ къ нему любезна?
Коль зрится вдругъ подобной,
Подобясь въ томъ, Протею?
Коль симъ играетъ, видомъ:
Видъ, въ видъ перелагаясь?
И, знаки, въ коихъ льстила,
Маня въ любви драгова.
Которы ахъ! - - дарила:
Съ улыбками драгими?
Съ улыбками другими,
Обратно отбираетъ?
Которы ахъ, дарила!
Во вздохахъ, и въ стенаньи.
Дражайшей осязаньи!
Влачивъ предъ тѣмъ, всю душу:
Внезапу коль скратилисъ.
Коль всѣ, дары, столь страстны,

Лукавствомъ преломленны? - -
И естьли онъ въ ней видитъ,
Пріемы всѣ столь, люты,
Привратнаго ласканья.
Всѣ тѣ пріемы странны:
Которы въ нихъ не рѣдко
Гордыня лишъ внушаетъ.
Помедлить, открыватся.

VIII.

Любовникъ огорченный;
Въ своей нещастной страсти.
Хоть въ ней, не утѣшаемъ,
Дражайшей онъ покоренъ
За тѣмъ, что преданъ вѣчно
И ею измѣняемъ? - -
Увы! доколь скрываетъ,
Внутрь жилъ свой жаркій пламень;
Злощастный оный смертный
Злощастныхъ всѣхъ на свѣтѣ,
Конечно превосходитъ!
Всегда онъ такъ вздыхаетъ;
Равно и нѣжно мыслитъ.
Довольно, ко отмщенью,
Онъ мнитъ, моей дражайшей: - -
Колико бъ, ни втопился,
Въ ее прелестно блато,
Дышаще ароматомъ,

Усѣенно цвѣтами:
Не рвать, цвѣтовъ прелестныхъ!
Хоть былъ бы вновь ласкаемъ;
Вѣнка не сплетать съ ней? - -
Но тщетно размышляетъ:
Дражайшимъ бывъ онъ смертнымъ,
Злой смерти ужъ алкаетъ!
И страстью отвлеченный,
Въ себѣ разсудка здрава:
Щитая жизнь несносной;
Коль видитъ, что играемъ
Не гордостью единой;
Красой, ему, палящей:
Подобно какъ разливомъ,
Взнесенна въ ровъ, вдругъ рыба,
Оставлена волною
На сушѣ издыхаетъ;
А воды въ путь отливомъ
Обратнымъ отступаютъ . . .
Такъ сей любезный смертный
Красавицей надменной,
Въ раскрыту бездны пропасть
Влекомъ ей, приступаетъ.
Нисходитъ вдругъ по волѣ:
Иль лутче по неволѣ
Въ ту страшную долину,
Гдѣ тѣни обитаютъ;
И Летїю, онъ, рѣку,
Съ кинжаломъ, иль отравой
Иль, съ вервїю преходитъ.

IX.

Съ тѣмъ Летїя преходитъ!
Лишилъ себя чѣмъ жизни.
Доколь еще къ ней, идетъ;
Любезную въ глазахъ онъ,
Онъ и тогда мечтаетъ.
И сонъ таковъ ужасенъ!
Дражайшей чтобъ рукою
Ввестись въ жилище къ смерти?
Безцѣнной той рукою
Котору обожаетъ.
Но статся ль то не можетъ?
Истнить себя, всякъ можетъ.
Примѣровъ зримъ довольно.
Злощастный! - - ахъ, помысли? - -
Злощастный ты не съ свѣтомъ!
Съ любезной растаешся? - - -
Любезная смягчится?
Для ней, ты жить останься? - -
Но поздно: . . умираетъ.
И въ смерти, будетъ мыслить;
За то самоубивство:
Вотъ такъ онъ будетъ мыслить:
Хоть къ тартару бъ ужасну,
Когда бъ она хотѣла,
Хоть вздохъ одинъ послати;
Онъ чаетъ: долетѣлъ бы.
И былъ бы въ облегченьѣ? . .
Но чтобъ сей вздохъ послати
Къ живому воспрещало . ! .
И больше бъ было можно,

Когда любви кто стоитъ,
Послать чего къ драгому?
Увы! коль зримъ достойный
Предметъ, кой насъ сражаетъ:
Предметъ, коль стоитъ сердца
По чувствамъ человѣка.
Какой! мы можемъ силой,
Заразъ тѣхъ глазъ лишится?
Которы вдругъ, въ насъ душу,
И умъ весь въ насъ сражаютъ?
Въ который, нѣкой силой!
Еротомъ потаенной.
Влїясь, вдругъ лестный пламень
Мгновенно въ грудь къ намъ входитъ
И кровь, и мозгъ, и кости
И все вдругъ затлѣваетъ - - -
Нѣтъ! силъ такихъ на свѣтѣ
Любви чтобъ противлятся - - -!
Нѣтъ, травъ; ни соковъ нѣтъ;
Которы бъ грудь цѣлили,
Которы бъ грусть морили!
Лишъ тотъ насъ огнь возможетъ
Цѣлить и облегчати,
И выше смертныхъ части
По семъ насъ возноситъ ужъ;
Которой насъ сжигая,
Живетъ въ грудяхъ прелестныхъ?..
Въ груди моей прекрасной
Котору обожаю.
И разумъ чистыхъ дѣйствїй:
Всесильной подкрѣпитель;
Всесильный царь состава,

Которымъ всемъ онъ правитъ:
И самый разумъ здравый,
Кто бъ, что ни говорили,
Любви кормиломъ служитъ?

X.

Напротивъ хоть богиня бъ:
Иль равной ставъ богинямъ:
Цвѣла бъ хоть красотою,
Подобною Цитеры.
Хоть гордостью бъ надменна
Съ своимъ прекраснымъ станомъ,
Гордилась, какъ Юнона;
Иль мудростью бъ взнесенна
Подобно ставъ Минервѣ.
И та любви заразовъ
Не сможетъ отметати
Не смѣетъ отметати!
Противъ Ерота, знамя,
Кто можетъ постояти?
И нѣтъ тѣхъ средствъ возможныхъ,
Любви чтобъ противлятся.
Дїянной хоть дышала бъ:
Юпитера, всесильна
Съ Латоной пораждeньемъ.
Не тщетно повѣствуютъ,
Что не было на свѣтѣ
Сея нетлѣннѣй, дѣвы:

И чистоты богиней,
Достойно нареченна.
И нарещись такъ можетъ.
Сїя нетлѣнна, дѣва:
Ставъ, чистоты, подобьемъ:
Въ толикомъ зрилась, цвѣтѣ:
Что Нимфы, кои зрѣлись
При тѣхъ водахъ прозрачныхъ;
Служивъ ей при потокахъ;
Въ которыхъ омывалась,
Сїя чистѣйша дѣва.
Воззрѣть, на обнаженну,
Не смѣли не зардѣвшись?
Тѣмъ чтя ея стыдливость:
И непорочность дѣвства.
Въ стыдливости той меньше,
Они быть можетъ сами
И меньше сокрывались.
А дщерь сїя Латоны;
И Нимфъ своихъ, безвинныхъ:
Подобно жъ устыжалась? . . .
Лице и грудь богиня,
Рукой своей прелестной,
Какъ съ ними забавлялась,
Не рѣдко закрывала.
Въ ней и вздыханьевъ, страстныхъ,
Не видано отъ вѣка.
И члены всѣ богини,
Нетлѣнностью дышали.
Любви даровъ на свѣтѣ,
Ни кто не презираетъ? . .
И смертный, и безсмертный,

Всегда равно причастны
Драгому воздыханью?
Любовь! -- повѣдай, нынѣ:
ВЪ сей часЪ, повѣдай правду,
Мной вЪ слухЪ, кЪ моей дражайшей?
Какой щастливой смертной
Красу столь горделиву;
Красу столь безпорочну,
Кто смогЪ, вдругЪ уловити? --
Царей ли грозныхЪ племя,
Или боговЪ отродья? . . .
Кому вдругЪ превручилась
Дїянна предрагая? --
О! сладостны успѣхи!
О тайныя забавы
КоторыхЪ сами боги
И люди не гнушались?
ВасЪ вЪ тайнѣ намЪ вкушати,
Вкушать, и наслаждатся
Единa лишЪ даруетЪ
Любезна осторожность.

XI.

Скажу, кому вручилась,
Дїяна предрагая?
Кому вручилась тайно:
Скажу, кто сталЪ сей смертный
Щастливѣй всѣхЪ на свѣтѣ.

То былъ, ты Ендимїонъ?
Пастухъ! . . . богиней дѣвства
Вдругъ сладко разцѣлованъ?
Дїянна, Нимфъ! стыдящась:
Въ день, скромною являлась;
Но въ ночь блестѣть луною
На небеса вздымалась. —
И шествуя, по небу
Со мрачной колесницы
Возрѣвъ, на холмъ Карина.
Зря холмъ горы Карина:
Гдѣ спалъ въ нее влюбленный,
Ендимїонъ прекрасный.
Вздохнувъ тутъ вдругъ богиня;
Тутъ въ первый разъ вздохнула
Дїяна дарагая?
Сокрытой зрясь отъ смертныхъ,
Гдѣ спитъ ее любезной,
Ево бъ въ тай цѣловати.
Оставя твердь и звѣзды:
Блеснувъ! во смутномъ мракѣ,
Коней своихъ склоняетъ
И плавая средь ночи
Къ нему на грудь нисходитъ.
Ликуй Венеры племя!
Въ насъ все тебѣ покорно?..
Но какъ къ злощастью смертный;
Царей, породы храбрыхъ, *
Родъ, Кадмїевъ любезный?
Сїю жъ богиню, дѣвства

* Актеонъ.

Гоняясь за звѣрями
Въ долинѣ какъ Гаргафской
Узрѣлъ, ее, нагую . . .
Нечаенно нагую
Узрѣлъ ее въ долинѣ:
Мыющуюсь въ истокѣ.
То сей нещастный смертный,
Вдругъ, згибъ ея рукою!
За то, что зрѣлъ, нагую;
И тѣмъ не похвалился бъ:
Погибъ немилосердо.
Погибъ онъ не стрѣлами,
Но вдругъ единымъ дѣйствомъ
Воды, ево, кропящей.
Которою плеснула
Сему въ глаза нещастну:
И съ словомъ превратила,
Въ еленя въ мигъ, съ рогами.
И собственными псами
Ево охоты тщетной:
Для скромности богини;
Чтобъ тѣмъ здержать ей славу;
Нетлѣнной бы мечтатись:
Чѣмъ и поднесь осталась.
Безвинно оный смертный:
Не познанный отъ оныхъ
Растерзанный на части,
Нещастно жизнь кончаетъ . .
О! скромность: ты насъ въ свѣтѣ
Здѣсь дѣлаешъ, святыми? . .
Не рѣдко ты бываешъ
Подругой лицемѣрью?

А мы имъ прикрываясь,
Въ другихъ отъемлемъ славу,
Честь, щастїе . . . . отъемлемъ?
И естьли въ комъ здѣсь видимъ
Отверстыя забавы,
И ону страсть коль видимъ,
Въ любовникахъ дражайшихъ
Изъ устъ въ уста дышащу:
Межъ двухъ сердецъ сплетенну?
Повсюду и нещадно,
Всемѣстно и предъ всѣми
Гордясь ту осуждаемъ.
А сами въ тай, не сыти,
Творя пороки злые,
Возможны бъ угрызати
И самаго цербера.
И оны укрывая
Въ забавѣ столь безвинной,
Друзей, въявъ порицаемъ!
Достойно сынъ Кипридинъ,
Ихъ каменемъ побити? . .
А стрѣлъ твоихъ не стоятъ.

XII.

Прекрасная, коль, ввѣритъ:
Своимъ въ тай, чувствамъ нѣжнымъ;
Свое драгое сердце?
То будетъ съ нимъ, судити.

ВЪ тай будетЪ сЪ нимЪ судити:
ОбЪ немЪ, и сЪ нимЪ судити? - -
Какой! скажи вопроситЪ:
Какой цѣны ты стоишЪ
Во мнѣ мое ты сердце?
КакихЪ даровЪ ты стоишЪ! - - -
Подобно такЪ какЪ, лиры:
Златыя оной струны,
ОтЪ мала ударенья
ПресладкимЪ и престройнымЪ
ВЪ слухЪ звономЪ отвѣчаютЪ!
И сердце такЪ вЪ прекрасной,
Подобно отвѣчаетЪ. . .
Подобно отвѣчаетЪ
КакЪ сердце мнѣ Сапфиры.
КЪ ней вЪ тайнѣ отвѣчаетЪ:
„Чево - - - вЪ тебѣ я стою? . .
„Безцѣнной платы стою!
Не тщетно отвѣчаетЪ;
Питая чувствы нѣжны.
И кои вЪ ней, имЪ, дышутЪ.
И сердцемЪ столь вЪ ней страстнымЪ
Весь духЪ ей напояютЪ!
Прекрасная вздыхаетЪ;
И кровь ее палится!
Но сердцу вЪ ней столь нѣжну,
По чувствамЪ вЪ немЪ, столь сладкимЪ,
Собой одной всю цѣну,
Окромѣ какЪ сЪ собою,
Окромѣ лишЪ какЪ вЪ тайнѣ
Не льзя и полагати.
Иль, можно намЪ судити,

О прелестяхЪ? . . . какЪ мыслютЪ?
Коль тайну ону ввѣрить
Могла вЪ себѣ, единой;
Любезная, помыслитЪ.
ВЪ дражайшей, духЪ: такЪ мыслитЪ! . .
„Мои всѣ прелести? . . ахЪ!
„И самый умЪ мнѣ кажетЪ:
„Что сЪ симЪ вздыханьемЪ страстнымЪ;
„Во мнѣ томящась сердце,
„Конечно, вЪ жизни, стоитЪ? . . .
„ЧтобЪ, тѣмЪ: - - - - но я не смѣю,
„Не смѣю утверждатся? - - -
Любезная! что мыслишЪ? . . .
Не тщетно ты вздыхаешЪ.
Ты, стрѣлу ощущаешЪ!
И вЪ грудь, сЪ словами сими
ЛишЪ глубже помѣщаешЪ?
Любезная! такЪ мыслитЪ:
„Иль, вЪ тайнѣ сей, завяну?
„Сама собой имЪ свяну!
„Подобно лилїй свяну
„ОтЪ искры, близЪ пожару.

XIII.

Колеблясь, и вЪ смущенїй? . . .
Чево вЪ драгихЪ здѣсь сердце,
Чево во жизни стоитЪ
Не смѣютЪ утверждати?
Увы! блаженства такЪ же,

Имѣ равно какѣ и намѣ вѣ томѣ
Конечно вѣ жизнь не видѣть,
Доколь себѣ подобна
Не найдутѣ сердца нѣжна?...
Хоть разѣ такое бѣ сердце
Любезное прїяти
Во сладостны обѣятїй!
Которое бѣ цѣнило,
Два сердца совокупно?
Себя бѣ тѣмѣ оцѣнило,
И то которо хощетѣ,
Ево чтобѣ оцѣняло.
Кѣ забавѣ ль, сердце склонно? --
Иль, грубости причасно?
Коль сладости причасно,
Грубѣйшаго не ищетѣ.
Себѣ подобна ищетѣ.
Коль нѣжности подвластно:
Не скоро вѣ жизни сыщетѣ.

XIV.

Прекрасная коль, видитѣ,
Подобно зараженна
Тово, кѣ себѣ, кѣмѣ страстна.
Вѣ минуту искры пламя
Взмятутѣ ее, кѣ драгому.
Взмятутѣ ее, вдругѣ душу,
Неволей прилѣплятся.

И естьли в нимъ, коль, вѣритъ;
Что все къ ней страстны вздохи,
Изъ сердца, ею, плѣнна,
Безъ лести вырывались:
Не мнитъ уже гордится! --
Подобно какъ магнитомъ,
Ко Евру, или къ Весту
Отъ Сѣвера склоненна
Игла, желѣза тверда:
Обратно той же силой
Содержанной въ магнитѣ,
Вдругъ къ Сѣверу, иль къ Ноту,
Внезапу припадаетъ.
Такъ съ сердцемъ соглашенны,
Въ драгой, драгія очи,
Оставивъ путь тотъ хладный,
Любви чтобъ противлятся:
Падутъ! во взоръ къ драгому.
Влекутъ, всю грудь къ драгому!
Влечется вся къ драгому.
Подобно Салмацизѣ:
Желала бъ въ часъ сей страшный:
Въ сей часъ пресладкій смертнымъ
Безсмертью посвященной!
Желала бъ въ часъ сей страстный
Во всемъ бы съ сей Наядой,
Съ прекрасной сей Наядой
Во всемъ бы соравнится;
И въ душу бъ, вдругъ, и въ тѣло
Съ своимъ тутъ чувствомъ сладкимъ,
Желала бъ вся въ драгова
Съ душей и съ тѣломъ влится? --

Подобно какъ Павлинъ, вдругъ!
Вдругъ хвостъ свой разширяетъ,
И перья какъ златыя
Предъ солнцемъ поправляетъ:
Какъ сотрясаетъ ими:
Весь! движится подъ тѣми.
И взоръ ево сверкающъ
Быть зрится, адамантомъ?
Росѣ подобно капли
Быть мнится низпадаютъ,
Изъ глазъ ево влюбленныхъ;
И, пѣна изо устъ въ нимъ,
Вдругъ страстный огнь являетъ!
Когда онъ внутрь згараемъ;
Алкаетъ зрѣть, прелестну.
Жаръ, ходъ въ нимъ направляетъ!
Найтить что бы любезну?
Онъ шествуя подъ тѣньми
Среди деревъ зеленыхъ,
Хвоста не подбирая
Лишъ опуствивъ на землю
Главой своей гордяся,
Весь! стелится цвѣтами.
Такъ точно и къ драгому
Любовница безцѣнна!
Красясь своимъ уборомъ,
Встаетъ съ пристойнымъ вкусомъ,
Любовницы нѣжнѣйшей:
Отъ мѣста гдѣ сидѣла,
Скровенными стопами:
Всколеблемая пламемъ
Не мнитъ уже гордится!

Въ подобїе павлина,
Въ кругъ, стелится драгова.
Касаясь, плечь драгова!
Касаясь въ тай драгому.
Жививъ ево тѣмъ душу
Вѣщаетъ о любови?

XV.

Не вдругъ въ любви вѣщаютъ
Что въ сердцѣ ощущаютъ?
Тогда лишъ то вѣщаютъ,
Когда всей тайны узелъ
Межъ двухъ сплетенъ бываетъ - - !
Дотоль же сердце плѣнно,
Подобно воску яру,
Близь углїя лежащу
Отъ мала пепла жару
Топясь истаеваетъ.

XVI.

Герои сердце храбро,
Безспорно хоть имѣютъ;
Цари всю власть имѣютъ;
Однако жъ вдругъ не могутъ
Къ дражайшимъ прикоснутся.

Имѣяй сердце нѣжно,
И чувствы кто имѣетъ
Отличныя отъ бренныхъ:
Влекутся; но съ почтеньемъ?
Прекрасную бъ, принудить;
Любви сопротивлятся?
Что можетъ быть строжае
Сея намъ казни болѣ! - -
Пускай едины взгляды
И сладостны вздыханїй
За насъ любови просятъ.
Они лишъ пусть ихъ просятъ.
Дражайшихъ очи сами,
Поборствуя любови
Къ очамъ достойнымъ жертвы,
Не могутъ не прильпнутся?
Не могутъ не бѣжати,
Ко сердцу, ихъ достойну:
Коль нѣжностїю полно?
Которо естьли стоитъ
Принять дражайшей въ жертву:
И само то собою
Ей емлемо бываетъ.

XVII.

Въ глаза намъ, все являетъ!
Быстротекуще время:
Котораго стремленье
Подобится рѣкамъ . . . . !

Рѣкамъ, быстро текущимъ;
Которыхъ три сложились;
Въ едино устье мчатся.
И быстротой, вдругъ наглой,
Клубясь какъ протекаютъ
Въ волношумяще море?
Ихъ хладныя потоки
Въ струяхъ когда катятся;
Назадъ, не возвратятся.
И въ вѣчность такъ, какъ въ море,
Крылатое то жъ время,
Полетъ свой управляетъ.
Намъ все собой, здѣсь кажетъ;
Но все съ собой что кажетъ,
Обратно и уноситъ;
Назадъ не представляя.
Въ единый мигъ уноситъ!
Иное хоть даруетъ;
Но мы принять не смѣемъ . . .
Какъ тщетно гдѣ при брегѣ
Волной приустрашенный
Лидиссъ, стоитъ недвижимъ;
А море въ дань выноситъ
Къ ево ногамъ вдругъ перло.
Цѣны безмѣрной перло!
Достойно быть къ нарядамъ
Единыхъ лишъ царицъ.
Объяты, робостью,
И радостью онъ, Креза:
Схватить ево не смѣетъ.
Межъ тѣмъ съ пескомъ скатившись
Вдругъ перло отплываетъ. . . .

Подобно такъ и случай,
Къ любви дорогу кажетъ;
Но оный упускаемъ?
Жалѣть! объ томъ намъ должно
Жалѣть минутъ сихъ вѣчно,
Которы пробѣгаютъ
Не давъ забавъ намъ сладкихъ! - -
Почто жъ мы ихъ теряемъ
Отъ робости единой,
И грубыхъ предразсудковъ?

XVIII.

Согласна будь драгая,
Сказать, со мной, къ прекраснымъ:
А мнѣ хоть въ тай драгая,
Скажи сїи реченьи: . . .
„Твоими я устами,
„Твоимъ и жаромъ дышу? . . .
Теперь скажи, къ прекраснымъ:
Я что, скажу, къ прекраснымъ.
Прекрасныя! . . оставьте;
„Оставьте злу надменность,
„Котора насъ снѣдаетъ
„А къ вамъ даритъ постылость.
„Къ чему, сурова грубость,
„Иль лутче щекотливость
„Надъ сердцемъ вашимъ нѣжнымъ:
„Къ чему въ васъ обладаетъ? - -
„Спознать свои доброты,
„Чево мы въ жизни, стоимъ:

„Не всякому ль врожденно?
„Вкусить вЪ свой вѣкЪ забавы
„ВЪ свои младыя лѣта,
„Имѣя вкусЪ;.. заразы:
„Не всякому ль прелестно?..
„Подобны ль мысли ваши
„Сему прелестну цвѣту,
„Вы коему подобны..?
„ВЪ васЪ розѣ, есть подобны;
„Но роза розы краше,
„Другая, быти можетЪ:
„Но розы межЪ цвѣтами
„Прекрасняй быть, не можетЪ.
Когда кЪ прекрасной розѣ,
ЗефиромЪ подпадаютЪ;
Неволей подпадаютЪ.
Зря розу, мысли таютЪ!
И кЪ МузамЪ возлетаютЪ?
„Возможно ль, тѣмЪ гордится,
„ЧтобЪ и за то сердится,
„Что чувствы вЪ насЪ столь нѣжны
„КакЪ вЪ васЪ, подобно нѣжны жЪ?--
„Малѣйше осязанье,
„Подобное Зефиру,
„ТишайшимЪ дуновеньемЪ
„ОтЪ сердца, чиста, нѣжна,
„Когда до васЪ коснется:
„И то васЪ озлобляетЪ?
Спроси ихЪ, дарагая!
Почто ихЪ то смущаетЪ?
Какой надменной бурей,
Сіи красы тигрѣйши,

Бываютъ вдругъ взмятенны
Когда они вмѣняютъ
Въ насъ къ нимъ почтенье: страстью?
Прїемлютъ вдругъ, въ досаду,
И бѣгаютъ какъ линксы.
Въ слѣдахъ ища добычи?
Имѣя остры взоры;
Какихъ другїе звѣри
Подобныхъ взоровъ линксамъ
Въ природѣ не имѣютъ.
Но оные напротивъ:
Имѣя быстры взоры
Подобно львамъ и тиграмъ
Въ чутьѣ несовершенны.
Плоды достойны вкуса,
Во горечь претворяютъ?
Мечты, достойны смѣха!
Собою бъ надругатся? - -
И то, о чемъ бы должно
Въ грудь съ нѣжностью вмѣщати:
Являясь вдругъ съ смущеньемъ
Ко ближнимъ возвѣщаютъ.
Но оно въ нихъ и кажетъ
Дороги лишъ къ обманамъ.
Вспѣвати бъ, Филомелой!
Вспѣваютъ гласомъ, Киры . . .
Къ своимъ сестрамъ дражайшимъ:
Потребно возвѣщати
Тереевъ дерзновенье.
„Возможно ль! повредити,
„Чистѣйшимъ осязаньемъ
„Листокъ, прекрасной розы?

„Удобно ль подклонити
„ТакЪ малымЪ осязаньемЪ
„Нѣжнѣйшїй оной, стебель!
„На коемЪ процвѣтаетЪ,
„Любви, достойна роза - - ?
„Сей стебль! толико гордый;
„Крѣпясь лозой, колючей;
„Гордясь лозой колючей!
„И самЪ собой онЪ можетЪ
„ОтЪ вѣтровЪ защищатся?
Воспой имЪ дарагая
Ты гласомЪ, Филомелы!
„О! милыя Арахны? - -
„Взгордясь предЪ мастерицей,
„Сплетайте вы лишЪ сѣти
„ЧтобЪ послѣ мухЪ ловити!

XIX.

ЛюбовникЪ, оживленный:
ЛучемЪ, тѣхЪ глазЪ, прелестныхЪ:
Которыми онЪ прежде
ВлачимЪ былЪ и згараемЪ.
Прельщающую, ими;
Ево прельстившу видя,
Незапно предЪ собою:
Прельстившую, вдругЪ видя
КЪ любви ему сладчайшей
Надежду подающу.
И зря, что той внимаемЪ,

Которой въ нимъ надежда
Всечасно разрушалась.
Хоть тѣмъ и оживленъ вдругъ;
Но сердце растравленно
Тѣхъ глазъ ему дражайшихъ
Игрой, ево палящей:
Къ любезной увѣреньямъ,
Не сможетъ отвѣчати.
Трепещущъ онъ! - - - весь, млѣетъ:
Но ей онъ, все прощаетъ:
Трепещетъ и коснѣетъ;
Трепещетъ; и не смѣетъ
Вдругъ трепетъ свой спознати?
Которымъ вдругъ объято
Ево драгое, сердце.
И кажется и самъ онъ,
Въ себѣ объ нимъ скрываетъ.
Прекрасную, онъ, видитъ:
Любезной гласъ онъ слышитъ:
Къ ней устъ не отверзаетъ.
Спознать себя не можетъ!
Толико изступаютъ
Влюбленны съ сердцемъ нѣжнымъ
Отъ словъ сладчайшихъ звука,
Отъ радости толикой
Когда изъ устъ драгія
Еротомъ изводимы
Въ слухъ слышатъ увѣреньи?
Толико ощущаютъ,
Сихъ сладостныхъ реченій
Въ устахъ прелесныхъ, силу!
Вздохнувъ! . . . и къ ней лишъ вздохомъ

Единымъ отвѣчаетъ? - - -
Любезной поцалуй вдругъ,
Въ тай, слѣдуетъ путъ вскорѣ.

XX.

Подобно Калліопой;
Любезной дщерью, Зевса!
Пресвѣтлой Калліопой?
Божественною Музой:
Щастливѣйшій кто смертный,
Бывъ ею кто, внушаемъ:
И былъ ей кто внушаемъ
Съ временъ, довольно многихъ;
Вспѣвать дѣла Героевъ.
Златою какъ трубою,
Подъ лавромъ бы гремѣти?
И какъ до звѣздъ взлетая!
Со славой бы гремѣти:
Всечасно поучаемъ.
Когда сея богиней,
Въ свой вѣкъ: щастливъ сей смертный:
Любимецъ Музъ безсмертныхъ!
Бывъ восхищенный ею,
Бываетъ оставляемъ.
На время оставляемъ.
И какъ сія богиня;
Проливъ къ нему, въ грудь даръ свой.
Съ прелестнымъ и пресладкимъ
Вдругъ гласомъ отступаетъ . . .

И очи умныя,
ОтЪ взоровЪ увлекаетЪ.
По малу ихЪ отЪ взоровЪ,
Быть мнится увлекаетЪ.
И обращающаясь
Вспять: безсмертьемЪ дышитЪ.
ТутЪ зракЪ ея, еще вЪ нимЪ,
Еще, вновь огнь рождаетЪ;
Дражайшая такЪ точно
Любезна оставляетЪ.
Прельстившая еще вЪ нимЪ,
Вновь сердце уязвляетЪ.
И Музой какЪ всечасно,
ПіитЪ разженЪ мечтаетЪ:
ТакЪ точно и любовникЪ,
Ево дражайшей жаромЪ
КЪ отрадѢ всплamененный;
Раставшися сЪ любезной
Всечасно и повсюды
ЛишЪ только ей мечтаетЪ!
ОнЪ воздухЪ! коимЪ дышитЪ:
МнитЪ ею воспримаетЪ?..
Дражайшей имяна вЪ тай,
Различны вымышляетЪ.
Владычицей, души ту:
Безспорно признаваетЪ---
„Душа, души моей ты?--
Во вздохахЪ восклицаетЪ...
ВладычицѢ красотЪ ту
Сестрой быть признаваетЪ.
Прекрасную; сколь кратно!
ОнЪ вЪ мысляхЪ лобызаетЪ?..

Себя, и все съ собой онъ
И все что есть на свѣтѣ
Онъ ей лишъ посвящаетъ.

XXI.

Раставшись такъ съ любезной;
Любовникъ восхищенный
Своей драгія, пламемъ:
Которо изъ прелестныхъ
И сладкихъ устъ драгія!
Чрезъ тайны поцалуй вдругъ:
За тайну воспріялъ онъ?
За тайну, коей узелъ
Любви на вѣкъ связуютъ.
Любезной поцалуй въ тай,
Даримъ, когда драгому:
Даритъ тогда драгая
И сердце съ поцалуемъ.
Сей поцалуй въ тай данный;
Подобить льзя, безсмертью.
Но въ сладости нектара,
Конечно превосходитъ . . .
Не ложно превосходитъ!
Ево бъ въ тай получити
И въ вѣкъ драгія послѣ
Отнюдь не цѣловати.
Возможно бъ согласится.
Довольно что открылась
Любви дорога къ сердцу?

Подобно какъ изъ чаши:
Содѣланной Ифестомъ
Совѣтомъ Афродиты?
Подобно какъ изъ чаши
Прозрачнаго агата.
Которой дно и верхъ, вкругъ;
Вкругъ златомъ обведенны.
Украшенной Сапфиромъ
И въ рубинахъ блестящей.
Изъ той безцѣнной чаши,
Которую безсмертнымъ,
Живущимъ на Олимпѣ,
Богамъ! ево зарящимъ;
Рука, младой Гебеи
Наполнивъ нектаромъ,
Подноситъ пить, въ прохладу.
Такъ точно и дражайша,
Чрезъ сладкїй поцѣлуй свой,
Прелестными устнами
Въ уста драгова страстны:
Въ груди ея живуща,
Сего въ ней страстна пламя,
Часть, каплями влїяла.
Еще! онъ къ ней сталъ страстнѣй? - - - -
Ея огнемъ сжигаясь;
Съ ея свой огнь сугубя,
Сугубясь самъ собою
Владѣть собой не можетъ.
Едва онъ вѣрить можетъ!
Чтобъ толь прелестнымъ сердцемъ
Возмогъ онъ обладати? - -
Дражайшей зракъ повсюды

Въ ево очахъ блистающъ,
Ево смущенны очи
Лишъ паче распаляетъ.
Надеждой сладкою,
Свой духъ успокояетъ?
Ево очей ольщенныхъ:
На свѣтѣ никакой ужъ
Плѣнить предметъ не можетъ?
Плѣнить ни что, не въ силахъ.
Не можетъ избѣжати;
Не можетъ и забыть онъ,
Той сладостныхъ реченїй,
Ни глазъ ее безцѣнныхъ.
Тѣхъ глазъ; которы въ взорахъ
Своихъ всегда онъ носитъ.
Драгїя въ день ни въ ночь тѣнь,
Отъ глазъ не отступаетъ.
Подобно блескомъ Феба,
Какъ взоръ въ насъ изступаетъ:
Подобно такъ какъ смертный,
Зрѣвъ блескъ, прелестный солнца:
Въ тотъ часъ оно какъ бѣгъ свой
Съ полудни въ ночь склоняетъ.
Когда златый свой лучь къ намъ
Смиренняй, показуетъ:
Но смертный усладясь имъ
Вдругъ вежды сожимаетъ.
Хоть вежды и сжимаетъ;
Но и тогда видъ красный
Великолѣпный солнца
Въ прохладномъ пламени,
Въ закрытый взоръ: влетаетъ.

Любовникъ такъ въ отсутствїи
Любовницей мечтаетъ.
Когда жъ къ намъ Фебъ взблистаетъ?...
Когда къ намъ въ пущемъ жарѣ,
Во знакъ ставъ льва взблистаетъ!
Въ толикомъ, пламени,
Поетъ, въ любви згараетъ? - -
Равняясь Фебу, пламемъ;
А льву великодушьемъ.
Дражайшей вѣявъ, реченьи;
Сколь были бъ, ни мятежны;
Сколь крапъ во сердцѣ нѣжномъ,
Злыхъ ранъ не растравляли бъ:
Вмѣняетъ, все игрою? - -
Игрой котора можетъ,
Ево на вѣкъ сразити?
Игрой котора можетъ,
Лишъ тигровъ веселити:
Игрой котора можетъ
И агнца раздражити?
Игру котору, видѣлъ!
Игру котору видитъ
И кою впредь увидитъ.
Любовникъ съ сердцемъ нѣжнымъ
Любовницѣ безцѣнной
Покоренъ разъ ей ставшись:
Охотно отпущаетъ.
Онъ, мнитъ! .. она достойна:
Играть, моей, судьбою? - - -
Любовникъ съ сердцемъ нѣжнымъ:
Прїявъ и увѣренье,
Изъ устъ дражайшей сладкихъ,

Еще онѣ ей, волнуемѣ;
Волнуемѣ такѣ какѣ бурей:
Не инакѣ размышляетѣ.
Онѣ вѣ жертву нѣжной страсти
Свое готовя сердце
Кѣ ней вѣрностїю полно,
Ея наполнивѣ сердцемѣ;
Подобно какѣ потокомѣ,
Прозрачной Ипокрены
Свой пламень изливаетѣ,
Онѣ сердце вдругѣ сѣ словами
Вздохнувѣ ей посвящаетѣ.
„О! очи: - - голубые? - - -
„О! вы дражайшей очи:
„Почто вновь грудь вспалили!
„Почто столь давѣ досадѣ ей
„Вѣ ней духѣ не умертвили - - ?
„Коль тщетно вы и нынѣ,
„Кѣ забавѣ мя взманили:
„Вѣ ней духѣ, не изцѣлили? - -
„Вы вѣ грудь мнѣ ядѣ вложили!
„Вѣ ней, духѣ мой, отравили . . .
„Ликуйте днесь вы очи,
„Что сердце полонили;
„Что сердце отравили
„Которо васѣ столь нѣжно
„Боготворить умѣетѣ?

XXII.

Въ любви надежда, льстива? - -
Когда къ намъ въ дни, сумрачны,
Изъ влажныхъ облакъ темныхъ,
Югъ, сильный дождь пускаетъ:
А тѣмъ лице земное,
И все на нимъ цвѣтуще,
И корни, подъ древами,
Водами омываетъ.
Подобно и надежда,
Живуща въ мысляхъ, съ нами:
Въ своемъ къ намъ раздѣленiи
Дождю: подобна каплямъ.
Дѣлясь и разсыпаясь
Ежеминутно въ мысляхъ;
Во злыхъ напастяхъ самыхъ
Собой насъ облегчаетъ.
Какъ пахарь жаркимъ зноемъ,
Въ трудахъ своихъ, горящiй,
Дождемъ вдругъ окропляемъ;
Онъ духъ тѣмъ свой, и мышцы
Живитъ и прохлаждаетъ:
Такъ точно и въ любови
Любовниковъ нѣжнѣйшихъ:
При всѣхъ любви ненастьяхъ,
Къ прекраснымъ угожденьяхъ,
И въ самыхъ злыхъ и грубыхъ
Для нихъ, напастяхъ строгихъ.
При всѣхъ ея стенаньяхъ;
Какiя бъ ни встрѣчались
Любовникамъ нѣжнѣйшимъ:

ВЪ стенаньяхЪ самыхЪ слезныхЪ,
Хоть громЪ вЪ нихЪ, духЪ стеснялЪ бы!
Надежда ихЪ кЪ забавамЪ
Бодритъ и оживляетЪ.
ИмЪ, кЪ преодолѣнью силы
Нещетныхъ ихЪ терзаній,
Взбудивъ ихЪ смыслЪ на помощь:
Божественно скрѣпляетЪ.
ВЪ любви надежда льстива? - - -
ВЪ ней, подкрѣпленный смертный,
Ея дражайшей силой;
Иль лутче упоенЪ ставЪ
Красы, отличной силой.
Подобно какЪ ПіитЪ! вЪ тай:
Когда любовь воспѣваетЪ?
На крыльяхЪ онЪ Ерота
Драгія духЪ и сердце
Мгновенно достигаетЪ.
Подобно молніи блеску!
ОнЪ вдругЪ, воспаривЪ кЪ ней мыслью
КЪ прекрасной вЪ слухЪ втекаетЪ.
ВЪ прекрасной духЪ смягчить, весь
Не ложно уповаетЪ,
Отважно уповаетЪ!
КолеблемЪ какЪ тростникЪ кЪ ней,
Весь пламенемЪ згараемЪ,
То мня, когда смягчится
ПрепятствЪ, хоть тьмы бЪ вЪ томЪ зрѣлЪ сЪ ней! . .
ОнЪ, всѣ ихЪ презираетЪ! - -
Уже ль! вЪ любезной сердце
И тѣмЪ онЪ раздражаетЪ,
Когда прекрасную!

Всемѣстно обожаетъ? - -
Онъ зря прекрасную,
Свой духъ обворожаетъ? - -
Не красотой! единой,
Въ нимъ кровь, та распаляетъ;
Но дѣйство лишъ ума въ ней
Въ нимъ духъ обворожаетъ? - -
И скромности въ драгой онъ
И смѣльству быти чаетъ.
О! страсть, онъ восклицаетъ:
Сладчайшая страсть, въ жизни!
Вкушать тебя лишъ должно
Во жизни - - - человѣкамъ?
Вкушать, тебя: столь нѣжно!
И чувствовать столь сладко,
Одни лишъ только могутъ
Прямыя человѣки.

Не поврежденной страстью
И я тобой згараю.
Не камнями драгими
Твоими я прельстился;
Ниже уборомъ стройнымъ,
Въ которомъ ты блистаешъ - - -
Къ тебѣ здѣсь все пристало?
Въ глазахъ моихъ ты зришся,
Прелестнѣй всѣхъ на свѣтѣ . . .
Тебя лишъ здѣсь пристойно
Одной подобить искрѣ
Прелестна, Люцифера:
Когда онъ ей восходитъ
Предшествуя Аѵрорѣ
И гонитъ съ неба звѣзды.

Когда въ бесѣду входишъ!
Когда въ собранье вступишъ?
Красотъ тебѣ подобныхъ
Твой зракъ, и умъ твой свѣтлой
Въ минуту унижаетъ.
Хоть стихотворства гласомъ
Тебѣ я то внушаю;
О чемъ внушати должно:
Пренѣжная Сапфира!
И вымысломъ Піитовъ
Твоимъ красамъ, небесны
Подобьи представляю?
Но мнѣ взнесенну страстью,
Я мню къ тому быть мало
Мое и вображенье? - - -
Всѣ! тѣ подобьи малы!
О коихъ я вѣщаю?
Всѣ малы предложеньи,
Чево мой духъ желаетъ.
Чтобъ объ тебѣ сказати? - -
Онъ, больше нѣчто знаетъ!
Нежель пролить что можетъ?
Чево въ мой вѣкъ, ты стоишъ?
Чево ты въ цвѣтѣ стоишъ!
Я что сказать желаю;
Объ томъ сама ты знаешъ.
И больше знати можешъ
Я нежель здѣсь вмѣщаю.
Когда тебя съ собою
Среди здѣсь рощъ срѣтаю.
Коль гдѣ тебя съ собою
На единѣ я вижу?

Почтенье я къ тебѣ тутъ,
И больше умножаю . . . .
Безмолствуя, зря прелесть
Твою? . . . . истаеваю.

XXIII.

Твоихъ! очесъ мнѣ, стрѣлы,
Вдругъ возраждаютъ, пламень.
Прийди! . . драгая Нимфа,
Внушись объ тѣхъ, со мною
Которыхъ огнь! тобою,
Животворилъ мой пламень.
Таковъ былъ огнь, въ Овидїи!
Сей Римлянинъ столь славный;
Пїитъ, отважный въ страсти.
Пїитъ отъ вѣка, первый,
Которой въ грудь всю сладость
И нѣжность, какъ, любити:
Приосѣняясь Саффой,
Сей милою Гречанкой;
Вкусивъ ея онъ лавровъ:
Со Тибра къ намъ струями
Обильно проливаетъ.
Главу свою онъ лавромъ
Не тщетно покрываетъ . . .
Тибулъ! . . . ево любимецъ.
Тибулъ, любовникъ страстный,
Вкуситель нѣжной Делїи:
Вкуситель, Немезисы.

Горѣлъ, огнемъ, къ нимъ страстнымъ.
Горѣлъ такъ и Проперцїй;
Горя къ надменной Цинтїи;
Въ послѣдокъ: насладился.
Не разъ симъ насладился
Онъ съ ней огнемъ прелеснымъ;
Однако: насладился!
Довольно къ жизни славной,
Въ сей жизни нашей слезной,
Вкусить хоть разъ прїятность
Ту коей мы взалкаемъ?
И коя лишъ вмѣщала бъ,
Въ себѣ драгую цѣну?
Безсмертью то подобно!
И, Галлъ, со Ликоридой:
Вкусилъ, огня прїятность.
А къ Лесбїи, Катула:
Сжигалъ сей огнь, безмѣрно?
Петрарха ль мы забудемъ!
Ево ль мы не вспомянемъ - - - !
И, ты: о! храбрый Цесарь;
Взалкатель, дїядимы;
Рушитель хоть законовъ,
Которымъ Рима цѣлость
И вольность потресенна?
И ты съ своимъ любимцемъ,
Наперстникомъ: дебелымъ:
Сей, послѣ; но ты прежде:
Горѣлъ имъ къ Клеопатрѣ.
Къ сей сладкой, Клеопатрѣ?
Блистающей въ коронѣ,
Красящейся порфирой.

Котора васъ обѣихъ,
Чрезъ сей въ васъ огнь безмѣрной,
Сама дыша имъ страстно:
Чрезъ разумъ съ красотою
Блаженными творила?
Довольно вы имъ тлѣли!
Довольно, вы ей тлѣли? - -
Съ Антоньемъ прежде храбрымъ:
Съ Антоньемъ прежде нѣжнымъ:
Съ Антоньемъ послѣ дерзскимъ,
И мерзскимъ вдругъ тираномъ!
Которому въ злодѣйствахъ,
Тираны самы бъ, злѣйши!
Зря кровь имъ пролитую,
Для капли только крови
Священна Цицерона
Конечно бъ уступили? - -
О! нѣжный въ страсти Цесарь,
Июлїй, важный, Цесарь..?
Тебѣ въ твоихъ талантахъ,'
Лишъ твой преемникъ свѣтлый:
Преемникъ твой лишъ Августъ,
Поезїю любящїй!..
Властитель всей вселенной;
Во всѣхъ твоихъ талантахъ,
И въ симъ, столь нѣжномъ пламѣ,
Лишъ онъ, сравнится можетъ?
Не жаль! сего бъ мнѣ было
Любви достойный Цесарь:
Что грудь твоя пронзенна,
Бещетнымъ пораженьемъ,
Въ среди огромна зданья,

ВЪ той пышной Капитолїи *
Средь тѣхЪ священныхЪ тѣней
И Брута и Помпея
И Ромула всесильна.
За то лишЪ, поболѣть льзя!
Что ты умѣлЪ, любити?
ВЪ подобномЪ пламѣ страстномЪ,
СЪ прекрасною душею,
Любви сЪ дражайшимЪ сердцемЪ,
Сжигаясь Габрїеллой,
И ГенрикЪ тлѣлЪ, четвертый? - -
Фернейскою онЪ Музой,
Достойно обоженный.

XXIV.

Любовницы дражайши! . . .
Взнесенны вы, всѣ вЪ вѣчность - - !
Но кѣмЪ, взнеслись вы вЪ вѣчность? . .
Поезїей гремящей.
И меньше ль вы вмѣщенныхЪ,
ГорящихЪ кЪ намЪ вЪ созвѣздїй,
ЛюбовницЪ обоженныхЪ!
На Сѣверѣ возженныхЪ:
Калисты, сЪ Андромедой? - -

* Цесарь, не вЪ Капитолїи гдѣ ево положено было истребить, но подЪ 23 мя кинжаловЪ, ударами, палЪ, кЪ статуѣ Помпеевой вЪ полномЪ Сенатѣ.

Едина пѣснь Назона! *
КакЪ пѣлЪ свою Каринну;
Но что я унижаюсь? - -
Могу ль не содрагаясь
Сїе вмѣщать здѣсь слово;
Вѣщать сїе мнѣ слово,
ЧтобЪ пѣснь Назона сладка,
Могла лишЪ стать удобной
Взнести, вЪ безсмертну славу
Ему красу дражайшу? - -
ТибулЪ; былЪ не Овидїй:
И не былЪ имЪ Проперцїй? - -
Единый вздохЪ ТибуловЪ!
ВозмогЪ онЪ страстной Делїи
Доставить, вЪ вѣкЪ, безсмертье.
ВЪ среди пусть звѣздЪ возблещетЪ!
Сея прекрасной имя?
И взблещетЪ пусть, мной имя:
Прелестной такЪ, Сапфиры . . .
Тобой: о! нѣжна, Муза?
Тобой, вЪ красахЪ нетлѣнна,
Ерато дарагая - - - ?
Наперстница любови!
Тобой я днесь внушаемЪ,
Днесь пѣлЪ ЕротовЪ пламень?
Любви, я пѣлЪ, заразы?
Ты! коя здѣсь насЪ вЪ жизни,
ПодобныхЪ мнѣ внушаешЪ,
ЛюбовниковЪ ПїитовЪ.
ВнушаешЪ какЪ гласити

---

* Смотри: II. ТомЪ любов. ево сочин. Елег. III.

Той сладкїя забавы
И тѣхъ, всѣ прелести,
Любовницъ насъ достойныхъ! - -
Внушаешъ какъ воспѣвати,
Въ нихъ зря красы небесны:
Мы коихъ обожаемъ.
И какъ имъ въ грудь вливати,
Любви огня потоки
Сїе, все ты внушаешъ.
Тобой намъ въ грудь вмѣщенну
Со нѣжностїю сладость,
Какъ ону, изливати,
Изъ устъ, къ красамъ безцѣннымъ!
Какъ ону изливати
И какъ ихъ услаждая,
Къ нимъ нѣжно насъ вздыхати,
Со вздохомъ поучаешъ?
То вдругъ, твоя намъ лира:
Твоя златая лира
Усыпанна цвѣтами
Вдругъ зрится быть, взблистаяй!
Украшенной звѣздами.
И тѣми, кои блещутъ
Въ коронѣ Арїадны?
Твоя златая лира,
Чтобъ прелесть ублажати;
Въ тотъ часъ, лїетъ въ слухъ звоны
Всѣхъ слаще лиръ Парнаскихъ!
Могу ль я меньше мыслить
Тобой днесь ставъ взнесенный,
На верхъ горы! къ потокамъ.
Гдѣ мирты осѣняютъ

Твои цвѣты любезны?
Могу ль я ихъ срывая
Богиня! - - - меньше мыслить?
Могу ль, иначе, мысливъ
Дражайшей въ слухъ сказати.
Сапфира? - - естьли внемлешъ:
Любви прелестну гласу.
И естьли огнь, Ерота,
Въ груди твоей питаешъ?
Но ты и вся имъ дышишъ? - - -
Въ твои цвѣтущи лѣта
Колико ты красою
Столь разумомъ сіяешъ:
Коль ты сей огнь спознаешъ!
Колико не скрываешъ;
Но ты имъ и сама мнѣ
Прелестно отвѣчаешъ?
Хоть робко отвѣчаешъ;
Но тѣмъ и вкусъ въ любови
Съ искуствомъ мнѣ являешъ.
Всегда ль! къ любви склоняютъ
Когда ково здѣсь хвалятъ?
Въ восторгѣ я обратно
Въ тѣ жъ струны ударяю.
Я въ пламени всечасно
Тѣ жъ рѣчи повторяю.
Не растравляй страданьй! - - -
Коль мя не ненавидишъ;
Когда себя . . . ты любишъ?
Вмѣсти въ твоемъ ихъ сердцѣ
На вѣки сокровенно . . .
Ахъ! дай, мнѣ填 упованьи?

И зная тяжки вздохи
Смягчивъ ихъ страстнымъ словомъ
Скажи! - - - драгая Нимфа? . .
Скажи со мной слагаясь.
Что симъ безмѣрнымъ жаромъ;
Которымъ я питаю,
Тобой мнѣ грудь пронзенну!
„Что симъ . . . безсмертнымъ жаромъ;
„Но вкупѣ и пресладкимъ.
„Не всякой страстной смертной,
„Не всякой воспламенится.
„Лишъ можетъ тотъ воспалится!
„Поезїей кто дышетъ.

КЪ АПОЛЛОНУ.

Научи богЪ МузЪ, любезну,
О полдняхЪ ходити вЪ рощи
И внимать мои сложеньи?
Научи мой царь Парнасскій,
Близь долинЪ чтобЪ тѣхЪ ходила,
Близь долинЪ тѣхЪ украшенныхЪ,
ВЪ тѣ кустарники пріятны,
ВЪ коихЪ пеначка вспѣваетЪ,
ВЪ коихЪ зябликЪ мой пархаетЪ,
Соловей гдѣ свищетЪ сладко!
ЧтобЪ кЪ мѣстамЪ тѣмЪ подходила;
Гдѣ онЪ кустЪ свой пребѣгаетЪ,
СЪ бѣгомЪ крылашки вздымаетЪ,
Гдѣ онЪ горлышкомЪ поводитЪ
Гдѣ журчитЪ столь нѣжно, плавко,
Гдѣ раскаты составляетЪ
Гдѣ веревочки сплетаетЪ:
ВдругЪ свой звонЪ гдѣ умножаетЪ!
Гдѣ свой тонЪ приумножаетЪ,
Гдѣ опять тотЪ унижаетЪ,
Гдѣ опять вдругЪ возвышаетЪ,
Гласу лирну подражаетЪ!
Научи мой пастырь, сладкій! - -
ЧтобЪ кЪ мѣстамЪ тѣмЪ подходила,
Гдѣ бѣжитЪ потокЪ мой плавко!
Гдѣ струитЪ по камнемЪ гладко?
Гдѣ я лиру настрояю,
Гдѣ любезну вображаю - - - -
Гдѣ я вЪ струны ударяю
Нѣжности ея внимая

Гласу птичекъ подражая! - -
Чтобъ въ кустарники ходила,
Близъ долинъ тѣхъ орошенныхъ,
Къ тѣмъ пригоркамъ возвышеннымъ
Близъ ключей прозрачныхъ, сладкихъ,
Гдѣ я шума отбѣгая
Прелести ее вспѣвая
И ей духъ мой весь питаю!
Научи! - - мой пастырь страстный,
Ей моей внимать тамъ лирѣ?
Ей внимать, твоимъ уставамъ?
Повели, самой Ератѣ,
Мнѣ драгую обучати:
Чтобъ на лирѣ такъ играла,
Иль подъ лиру бъ мнѣ вспѣвала
Сладость соловья бъ являла!
Чтобъ на лирѣ такъ играла
Какъ моя днесь предъ тобою
Свѣтлый богъ, играетъ лира?

*   *
*

ПИСЬМО,

къ Его Преосвященству

СВЯТѢЙШАГО

Правительствующаго Синода Члену

МИТРОПОЛИТУ

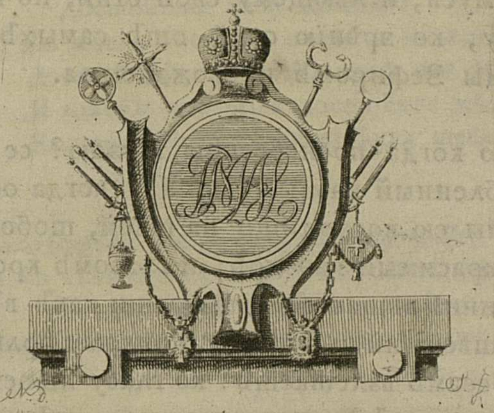
Московскому и Калужскому

и

СВЯТОТРОИЦКІЯ

СЕРГІЕВЫ ЛАВРЫ АРХИМАНДРИТУ

ПЛАТОНУ.



Ежели божественный гласъ сына Аристонова возносимъ былъ нѣкогда Музою, или паче сказать духомъ Сократовымъ; ежели божественный сей Аристоновъ сынъ, пролїялъ нѣкогда во своихъ творенїяхъ на омраченныя прелести Аѳинянъ, свой свѣтъ, и догматами ученїя своего возблисталъ на землѣ подобїемъ солнца; когда кажется оно намъ погружающемся во Океянъ, испуская отъ себя тишайшїй и немерцающїй ево блескъ. То какъ сѣдящїй при брегѣ видитъ ево нисходяща со свода небеснаго и видя зрѣнїя своего насытити не можетъ: такъ точно созерцаяй и ученїе сего несравненнаго сына Периктїонина, подобить

льзя сему лучезарному свѣтилу мира: смирившемусь, и льющему свои огни, по тихому Понту, ко зрѣнїю очей отъ самыхъ вратъ Ѳетиды Зефиромъ провождаемыя.

Но когда пренебесною Музою? се, ты о возлюбленный нами Платонъ! когда освященный ты ею восходиши на твой, тобою здѣсь намъ красимый каѳедръ; и гласомъ кротости о истиннѣ вѣщаешъ: вмѣщаеши какъ въ слухъ божественный глаголъ?.. крилами орлими ты къ небесамъ взлетаешъ! ко гласу твоему стекается народъ?.. и мнится издаешъ... тотъ самый стройный гласъ которой въ слухъ втекалъ безсмертному Сократу. Съ груди ево когда подъялся выспрь Платонъ!

*

Ко гласу твоему стекается народъ?
Всякъ возрастъ! нѣжна пола:
Спѣшитъ къ тебѣ всякъ полъ, и самый вождь спѣшитъ
И ратай всякъ спѣшитъ ко гласу твоему
Послушати тебя!
Испити жаждетъ всякъ отъ устъ твоихъ
Пресладка меда...
Я токи Ипокрены твоей
Испить желаю!..

*

Прими изъ устъ моихъ толь малую хвалу!
Достойный неба житель?
Ты коего воспѣть иначе я не могъ;
Достойный, не моей, иной ты Музы!
И чтобъ она была достойняе моей
Которая бъ была достойная тебя.

*

Не къ заходящему мы солнцу поспѣшаемъ;
Но къ свѣтозарну дню послушати тебя!..
Гремящаго съ востока?
Ты райскїя росы, размножишъ вновь ключи!

*

Простерлось въ миръ твое ученїе Платонъ:
Но какъ по всякой часъ, ты въ кротости твоей,
По всякой какъ здѣсь часъ ты всѣхъ и вся внимаешъ;
Сїе вообразить возможно есть уму?
Но чтобъ изобразить парящаго тебя!..
Когда ты съ твоего Йерарша свѣтла трона:
Но мнѣ ль изобразить парящаго тебя!
Когда ты съ твоего Йерарша церкви трона
Блистающїй въ лучахъ нетлѣннаго вѣнца,
И санъ достойно ты божественный имѣешъ:
Какъ злы въ насъ помыслы ученьемъ разсѣваешъ,
И суевѣрїе,
И ересь гнусную, лопатой развѣваешъ!
Пороки смрадныя въ зевъ ада отвлекаешъ,
Потоки сладкїя по пасству разливаешъ!
Въ миръ даруя цвѣты; сплетенныя тобой,
Сплетенныя твоей, святительской рукой!
И оны какъ умамъ внимательнымъ даруешъ:

И юныя о томъ, о! пастырь, твердо знаютъ?
Высокїя жъ умы и въ лѣтахъ мужескихъ,
Имѣя лѣтъ въ себѣ обильное число
Во несравненныхъ поученьяхъ зря твоихъ,
Въ твоихъ они тебя ученьяхъ постигаютъ!

*

Преславный, Бурдалу; и важный Петръ Гюетъ!
Когда бъ въ семъ вѣкѣ живъ и знали бъ Русско слово:
Прочтя бъ тебя въ твоихъ ученїяхъ драгихъ:
Почесть тебя бъ съ собой, имъ равнымъ, не стыдились.

*

Колико вѣкъ съ тобой на свѣтѣ нашъ блаженъ!
ЕКАТЕРИНОЮ свѣтильникъ твой возженъ?..
И Митра на челѣ твоемъ; Ея жъ рукою:
Священъ намъ путь заритъ, ты коимъ вшелъ къ покою.

*

Но не могу хваля тебя я воздержатся!
Отъ сердца чиста днесь, что мышлю, и глашу:
Но какъ тобой въ сей часъ внимаясь углубленъ:
И чѣмъ тебя хочу я далѣе провидѣть.
Не отъ невѣжества, коль зрюсь, что самъ теряюсь...
Тобой я восхищенъ, стопами разными
Я тая раздѣляюсь.

*

О! естьли бы воскресъ почтенный Ѳеофанъ!
И ты когда бъ воскресъ, творецъ сатиръ жестокихъ!
Мультянскихъ родъ князей, избранный, Кантемиръ?
Вы бъ здѣсь воскреснувши! могли бъ зрѣть, Фенелона?

Узрѣли бы вы въ немъ, любимца царскаго
И церкви бъ зрѣть могли, вселенскія красу.
Вы бъ славу здѣсь ево узрѣли бъ выше звѣздъ!
Твоя жъ о Θеофанъ, паритъ до горнихъ мѣстъ?

*

Воспѣлъ тебя, въ твой вѣкъ
Сей бодрый Кантемиръ;
И славу общую снискалъ
Отъ всѣхъ съ тобою?
Сей славы о себѣ, піитъ, святитель жаждалъ?
Сей славы о себѣ, ни самъ бы Соломонъ
Отвергнути не могъ?
Ахъ! естьли бъ ты воскресъ, предивный Θеофанъ:
Возрадовался бъ ты . ! . .
Возрадовался бъ ты, узрѣвъ здѣсь твой каθедръ,
Поддержанный Платономъ?

*

А ты! о Кантемиръ,
Хвалитель мудра мужа!
Преподалъ бы и мнѣ совѣты какъ гласить
Сего отличною, почтенна честью славой:
Монархини рукой,
Избраннаго къ трудамъ
Любезна всѣмъ Платона.

*

Коль Музы въ писмянахъ свидѣтели нетлѣнны;
То пѣснь твоя въ стихахъ, не умретъ Кантемиръ?
Подобно и моя, когда достойна будетъ,
Къ возрѣнію сего наставника царей?

И будутъ поздныя потомки о томъ вѣдать,
Какъ оную прїялъ отъ рукъ моихъ Платонъ.
Какъ оную прїялъ, и даръ!
Которой я къ нему отъ сердца повергаю:

*

Обруганная тѣнь;
Совоскрешенна будетъ? . . .
Когда мои труды въ защиту славна мужа,
Днесь изданныя въ свѣтъ,
Когда мои труды святительской рукой
Приосѣненны будутъ.

Повели единому изъ Херувимъ послушествующему тебѣ блеснуть крилами ево на душу мою свѣта твоего искру въ мое уединенїе.

Отвѣтъ, на сїе письмо помѣщенъ послѣ Апологїи: которая къ Его Преосвященству доставлена была отъ меня и предана здѣсь тисненїю вторично.

АПОЛОГІЯ.

АПОЛОГІЯ

КЪ

ПОТОМСТВУ

отЪ

Николая Струйскаго

или

НАЧЕРТАНІЕ

о свойствѣ нрава

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА СУМАРОКОВА

и о нравоучительныхЪ ево поученïяхЪ,

писана 1784 года,

вЪ Рузаевкѣ.

Любезныя мои Потомки!

Вы безъ сумнѣнія восхищены будете славою великаго писателя Господина Сумарокова, возвысившаго въ свое время, дарованіями своими духъ нашего отечества! и по однимъ ево безсмертнымъ сочиненіямъ, преходя оныя, конечно сіе объ немъ скажите: ,,Сей то былъ ,,великій мужъ перьвой изъ соотечественни- ,,ковъ, которой самъ себя воздвигъ до толи- ,,кой степени славы, что по справедливости ,,наимяновали ево отцемъ Россійскаго театра

№1457

„и стихотворства; а при томъ и преобразителемъ нашего прекраснаго языка.„ Но что всего пристойняе намъ; а вамъ величественняе! когда скажете вы объ немъ и сїю непреоборимую истинну: „Былъ сей великой человѣкъ при томъ и совершителемъ изъ преславныхъ одного намѣренїя Государя Императора ПЕТРА ВЕЛИКАГО, и сталъ возмездїемъ трудовъ сего несравненнаго въ свѣтѣ „Монарха, неутомимаго наукъ насадителя!„ А воздавъ памяти ево, достойную вы честь, когда проникните въ ево ученїе, восторжествуете надъ завистїю и неблагодарностїю и будете вы торжествовать надъ пороками.

Но Любезныя мои Потомки! вы возвышая ево славу, находя въ семъ отличномъ вашемъ предкѣ, толь рѣдкїя дарованїя разума и добродѣтели, оживляющїя и самую природу и воздымающїя существо человѣческое! будете однако жъ размышлять, да и не безъ основанїя, о неудовольствїяхъ въ ево жизни: изъясненныхъ главнымъ доказательствомъ въ его нѣжныхъ Елегїяхъ и въ другихъ разныхъ прозаическихъ ево сочиненїяхъ и стихотворствахъ. Напротивъ чего можно надѣяться, представятся глазамъ вашимъ въ числѣ безпристрастныхъ преданїй и такїя описанїя жизни ево,

которыя принесутъ вамъ о нравѣ ево безмѣрно порекательныя заключенїи, каковое одно въ сїе время уже и читаютъ, изданное въ печать при похвалѣ нѣкоторой обыкновенно сплетаемой таковыми писателями ево творенїямъ.

Похвалы сїи въ сравненїи ему истинныхъ похвалъ, которыми ево еще и въ жизни ево, Европа осыпала: суть ни что иное, какъ стукъ отъ дерева източеннаго червями, доказывающей и въ самое прикосновенїе, гнилость состава, отъ котораго онъ происходитъ, или какъ объ нихъ и самъ Г. Сумароковъ написалъ:

„Достойной похвалы невѣжи не умаляютъ;
„А то не похвала, когда невѣжи хвалятъ.

И такъ говоря, о прямыхъ ему похвалахъ: Естьли бы въ сей вѣкъ, когда я къ вамъ, Любезныя Потомки пишу сїе начертанїе, изъ соотечественниковъ по смерти ево кто и возхотѣлъ оныя, нѣсколько умалить, дабы на униженїи славы его вознести собственныя свои достоинства; но однакожъ, вмѣсто прїобрѣтенїя похвалъ, осрамилъ бы онъ себя, предъ вами? и вы тому не легко, или и совсемъ не повѣрили бы, и сказанїя о какомъ

либо въ творенїяхъ ево несовершенствѣ, а особо въ красотѣ ево сочиненїй, тѣмъ же самымъ и имъ же самимъ вычищеннымъ языкомъ писанныхъ, развратнаго нашего противъ ево умствованїя, конечно бъ не утвердили; и къ сравненїю съ нимъ, да и то въ одной только Поезїи Лирической, можетъ быть, хотя и отважились бы поставить ему въ соперничество Г. Ломоносова, но и то по совѣту славнаго Г. Ролленя, приступили бъ судить о сихъ двухъ разумахъ перьвой степени, съ крайнею осмотрительностїю и по тому одному, что отъ временъ возпаренїя ево къ Поезїи до пресѣченїя дней ево, и послѣ того никто еще ево, и ни въ чемъ не только не превзошелъ: но изключая весьма немногова числа * восшедшихъ и восходящихъ въ славу своими сочиненїями; и приравнится къ нему не могли. Да сїи почтенныя мужи и не о проповѣданїи потомству своего ценсорства, но величїемъ духа своего живя, въ себѣ самихъ, а къ тому еще и о засвидѣтельствованїи ему истинной своей благодарности помышляютъ.

Но когда уже и въ наше время: ибо я пишу отъ общества всѣхъ людей просвѣщен-

---

*

ныхъ и украшенныхъ добродѣтелями, и которыхъ патрїотическїй духъ къ начертанїю сего и есть сугубымъ мнѣ ободренїемъ; когда уже и въ сїе толь краткое время по смерти Г. Сумарокова, открылося на ево добродѣтельное сердце и нраву злобу ево приписующее произведенїе: растлѣвающее всякую добродѣтель! то уже и утверждаетъ во мнѣ мысль сїю, что подобныя тому и во множествѣ своихъ писемъ, не только заставятъ васъ размышлять, но можетъ быть и подразумѣвать о качествахъ сердца мужа сего, жившаго въ наше время, весьма добродѣтельно!

А къ тому восходя помышленїями моими и къ обрасцу столь дерзновенному писателева произведенїя: возмущается духъ мой, Любезныя мои Потомки; Страшусь! дабы сїя вновь породившаясь въ нашемъ отечествѣ и до сего еще неслыханная язва ругательства: показующая въ себѣ ничто, но много въ себѣ заключающая; не могла бъ заразить и развратить нравы моихъ соотечественниковъ!

Погружаясь въ сихъ чувствительныхъ и снѣдающихъ сердце мое размышленїяхъ, горя къ отечеству моему должною любовїю, и наполняя душу мою благодарностїю къ тлѣну

сего великаго человѣка: не могу я, Любезныя Потомки, извинить ни чемъ сего дерзскаго прѣступителя, ниже оставить, не разрывъ громаду причинъ, затѣняющихъ непорочность нрава сего великаго мужа; дабы спознавъ о томъ и вашъ, благородною ревностью напоенный духъ, могъ судить о истекаемыхъ по смерти ему оскорбленїяхъ. А при томъ да будетъ изъ перьвыхъ моимъ намѣренїемъ, чтобъ отвратить зло сїе въ нашемъ отечествѣ и въ настоящее время, естьли удобенъ будетъ гласъ моего усердїя, взойти ко трону истинны, предостеречь и васъ, Любезное Потомство.

Я не берусь вымолвить тово, чтобъ не имѣлъ Г. Сумароковъ нѣкоторыхъ человѣческихъ слабостей, врожденныхъ въ насъ самимъ естествомъ; и извиняемыхъ часто и самимъ строгимъ добронравїемъ. Но не могу во перьвыхъ не утверждать сего предъ вами и цѣлымъ свѣтомъ, что изданное на нево сочиненїе ничто иное, какъ была капля истекшая съ языка зависти: зародившаясь и созрѣвшая въ нѣдрѣ ея, еще при жизни сего великаго мужа; но не находила пера столь дерзновеннаго въ рукахъ у всѣхъ невѣждъ нашего времяни, которое бы омочить она могла, на

поношенїе въ жизнь ево славою, или лучше сказать въ гремящїе славою ево дни! направляя въ тайнѣ тогда одни ихъ только языки; сродныя и у всѣхъ человѣковъ больше къ похуленїю достоинствъ, нежели къ похваленїю.

И хотя клевета сїя толь наглая и сама по себѣ изчезающая, душевнымъ мужа сего качествамъ, а тѣмъ меняе славѣ его ущербу принести не можетъ; потому что и другїя окромѣ меня, о ево добродѣтеляхъ почтенныя мои сограждане, въ похвалахъ своихъ, * а при томъ и при чувствительномъ соболѣзнованїи о его кончинѣ, при горящей сердецъ своихъ благодарности возвѣстили; а сверхъ всего и самыя ево нравоучительныя поученїи, принудили бы васъ Дражайшїя мои Потомки непремѣнно осязать ево тѣмъ, что онъ былъ:

---

* Г. Николевъ въ письмѣ къ Г. Карину, и въ егожъ Г. Сумарокову епитафїи.

Г. Каринъ въ разговорѣ: въ царствѣ мертвыхъ Ломоносова съ Сумароковымъ.

Г. . . . въ письмѣ своемъ о преобразителяхъ Россійскаго языка, на случай преставленїя: А. П. С. напечатано въ Москвѣ 1778 года.

Г. Херасковъ въ стихахъ къ изображенїю Г. Сумарокова.

Г. Майковъ въ епитафїи и пр.

но когда и самая тѣнь нареканія и меньшимъ состоянія ево людямъ, была бы чувствительна; то, или по смерти любезнѣйшимъ другамъ и пріятелямъ и знаемымъ ихъ, не было бъ оное въ болѣзнь, и въ болѣзнь нестерпимую? Но я говорю сіе и не къ возбужденію жалости о человѣкахъ по смерти обруганныхъ, которую мы, естьли въ своихъ, такъ и въ другихъ сердцахъ легко вообразить можемъ. Но естьли сопряженное со онымъ зло, къ нещастію послѣдуетъ: и послѣдуетъ оно для одного только увеселенія скареднаго невѣжества и напыщенія злобы; а тогда не жалости одной, но достойно будетъ уже и вѣчнаго нашего соболѣзнованія, что самое теперь и упредить поспѣшаю.

Не намѣренъ я, Любезныя мои Потомки отяготить вашъ слухъ, поясненіемъ всего выпущеннаго объ немъ, въ свѣтъ, у Вейтбрехта и Шнора творенія: * естьли вы ево увидите, и естьли только такъ оное имяновать будете? Низость духа сочинителева удержало даже руку ево отъ подписанія своего имяни, и намъ онъ неизвѣстенъ. . . А толь

* Смотри Петерб. вѣстникъ, перв. часть, печат. въ вольной типографіи Вейтбрехта и Шнора 1778.

меняе ожидайте отЪ меня, чтобЪ я и размышленіе сего неизвѣстнаго, о сочиненіяхЪ толь великаго мужа, возмечталЪ либо оговаривать; и не сїе мое намѣренїе. Творенїи Г. Сумарокова, есть и будутЪ, всегда живой отголосокЪ, хотя бЪ и не противЪ невѣжества: а иначе умалилЪ бы я ихЪ безсмертїе! Истинна никогда не имѣла нужды вЪ чужомЪ одобренїи.

Пускай, надѣлалЪ бы онЪ имЪ похвалЪ или критики столько числомЪ книгЪ, сколь прославленный оный грамматикЪ ДидимЪ сочинилЪ; * или хотя бЪ и толикое число о томЪ совершилЪ, сколько требовалося помѣстить вЪ библїотеку Царя Птоломея; но не помѣщалЪ бы вЪ нихЪ злорѣчїя своего мертвымЪ: а особливо, какое онЪ стремился утвердить на сего преславнаго мужа, кЪ чести нашего отечества извѣстнаго уже у всѣхЪ народовЪ; и вЪ то самое время, когда тѣнь его, еще присутствуетЪ вЪ святилищѣ Парнаса! Но мертвой за чистоту совѣсти и за доброе свое имя обезславленное и преданное вЪ потомство, не чувствуя уже всего, отражать не можетЪ.

* 4000.

Слава творенїй увянути не можетъ: а качества душевныя обезславленныя, страдали бы вѣчно, когда бы не было имъ и послѣдняго сего прибѣжища къ ихъ оправданїю. Древнїя въ жизни своей, говоритъ Баконъ, избирали прїятелей въ защитниковъ своимъ писанїямъ; но былъ то единый только даръ, а не знакомъ ихъ покорности. И такъ, и живыхъ защищали: но мертваго оправдать, не вопїетъ ли и самое человѣчество? лишъ бы оправдать не злодѣя, не измѣнника Государю, не предателя отечества, не грабителя народнаго, не развратителя нравовъ и другихъ недостойныхъ званїю человѣка имѣвшихъ пороки.

И такъ уже сталося, что надобно оправдать его, хотя и совсемъ отъ неосновательнаго ему порицанїя: Но кого, оправдать помышляю? . . Тебя ль, наставника добродѣтели . .? учителя и друга человѣчеству; оправдать пришло и самую добродѣтель.

А ты, невѣжество, изъ коего громадъ сей твой прегнусный плодъ произращенъ; почувствуешь, и въ потомствѣ достойномъ сего великаго человѣка, должное отъ него къ тебѣ отвращенїе! и сладкая твоя участь въ совершенное возмездїе твое, пребудетъ только

та, сколь кратъ творенїи Г. Сумарокова, подобно здѣсь блистающей лунѣ, ни будутъ занимать во прехожденїи своемъ съ престола свѣтъ отъ солнца; толико много кратъ не престанутъ изливать своихъ спасительныхъ намъ росъ, на изсушенїе злыхъ травъ тобой здѣсь насаждаемыхъ!

Пускай проглаcитъ ко мнѣ и самая зависть; пускай вопроситъ: какъ тебѣ ево оправдать, ты ево и другомъ не бывалъ! Но я ево любилъ какъ друга отечества и просвѣтителя моево отечества! Ты и прїятелемъ ево не былъ? Не спорю; хотя я ему короткимъ прїятелемъ назваться не умѣю, и знавъ только ево, имѣлъ съ нимъ обращенїе, но чтилъ ево за ево добродѣтель, и за поученїе его въ жизни; я чту ево и по смерти . . . Но что и размышлять о семъ: Я былъ ево современникъ, современникъ ево и порицатель; слѣдственно мы живемъ съ нимъ въ одно и въ то самое время, когда отдалъ онъ въ печать свое злословїе, а я пишу сїе оправданїе: Въ одно время мужа сего злословили и отражали злословїе; въ одно время потомство о томъ и судить будетъ: Но не скажу того, чтобъ насъ обоихъ судить потомство стало. Онъ обругавъ память мужа

сего, не только отъ васъ, но и отъ публики себя сокрываетъ; а я и отражая ево предъ цѣлымъ свѣтомъ и предъ вами, Любезныя Потомки не скрываюсь, но объявляю и имя свое. Онъ ево поносилъ не дѣлая даже и примѣчанія о его злобѣ, и поносилъ предъ отечествомъ: ибо то ево сочиненіе не столь еще славно, а потому нигдѣ, да и во отечествѣ не повсюды извѣстно: а я оправдать предпріемлю ево не только у цѣлаго свѣта, но и предъ мудрою и просвѣщенною нашею Монархинею, ибо и ОНА любя свое отечество, какъ истинная Мать заслугъ дѣтей своихъ, и сыновъ вѣрныхъ отечества не презираетъ: награждаетъ въ жизни; славитъ ихъ и по смерти, привлекая и показуя милосердымъ своимъ объ нихъ соболѣзнованіемъ и Вамъ Дражайшія Потомки слѣдовать ихъ похвальнымъ качествамъ и примѣрамъ, которыми они превознесли себя въ сей кратчайшей жизни, въ блаженное ЕЯ державство ко удивленію цѣлаго свѣта. Тронутъ будучи мужа сего душевными качествами и ево отечеству заслугами и просвѣщеніемъ!

И когда позволено сему неизвѣстному предать повѣсть свою печати; то для чево жъ и мнѣ сіе въ защищеніе имяни толь великаго

мужа, предать не позволить? Пускай напечатаютъ! и естьли я защищаю по ево, а не по моему мнѣнію, злобнаго человѣка; то пусть останусь я обольщенъ имъ и обманутъ ево добродѣтелями: мнѣ и то будетъ отрадою, что я защищалъ совершенно добродѣтельнаго и великія качества имѣвшаго мужа, но сія великая душа злобѣ была непричастна! Увѣряю васъ, и увѣряю и самаго сочинителя той клеветы увѣреніемъ, какъ то и самъ онъ изобличаетъ себя уже предъ всѣми. Онъ пишетъ:

Что касается до свойствъ ево души, то кажется былъ онъ весьма доброй человѣкъ: но безмѣрная чувствительность, качество нужное стихотворцу, которое однако жъ должно обуздывать благоразуміемъ, была виною крутаго и горячаго нрава, которой всѣхъ имѣющихъ съ нимъ союзы, а больше ево самаго терзалъ.

Склоненъ сколько благодѣтельствовать, столько и мстить.

Не могъ никогда позабывать ни одолженій, ни обидъ ему учиненныхъ.

Притворства и коварствъ ненавидя. Былъ друзьямъ вѣрной другъ и не умѣлъ сокрывать

злобы противъ враждующихъ ему. Нетерпѣливъ въ желанїяхъ и нѣсколько въ оныхъ безмѣренъ. Малѣйшее препятствїе смертельно огорчало ево, представляло ему часто самое ничто, великимъ злоключенїемъ.

И говоритЪ потомЪ: *Славенъ, осыпанъ благодѣянїями Монаршими, могъ бы онъ быть блаженъ, естьли бы умѣлъ.*

Гнушаяся всякой низости души былъ онъ снисходителенъ къ учтивымъ, но гордъ противу гордыхъ.

Но что онЪ говоритЪ? ОнЪ говоритЪ противЪ желанїя своего! . . А естьли бы Г. СумароковЪ угождалЪ гордости, и оподлялЪ себя противЪ надменности ее; то могЪ бы быть по истиннѣ блаженЪ? Но естьли бы умѣлЪ! КакЪ будто бы чрезЪ гордыхЪ лишЪ степень, отЪ руки Монаршїя блаженство здѣсь проистекаетЪ? иль щастье будто бЪ намЪ, чрезЪ напыщенныхЪ лишЪ однихЪ фортуною людей искать долженствовало? Сего онЪ утаясь, не смѣлЪ намЪ изЪявить, лишЪ подстрекая ево славою и благодѣянїями Монаршими, которыхЪ сей великїй мужЪ толико былЪ предостоинЪ!

И удоволя себя, сею желчїю, чтобЪ раздражить и тѣнь его, ругаяся ему онЪ говоритЪ еще:

Прости мнѣ, о! тѣнь любезная Музамъ, ты которой столько истинны вмѣщалъ въ твоихъ стихахъ для наставленїя человѣковъ, позволь вѣщающему о тебѣ быть тебя достойнымъ, и неумолчанїемъ прискорбной истинны засвидѣтельствовать свѣту нелицемѣрїе похвалъ принесенныхъ мною твоимъ достоинствамъ и великимъ дарованїямъ!

По семЪ омержая его предЪ нами, порицаетЪ вЪ невѣдомой невоздержности, приписуя оную вящею причиною ево болѣзни, снѣдавшей ево, говоритЪ, медлительно; и окончеваетЪ свое ругательство призывая любимцовЪ музЪ, чтобЪ они память ево почтили и украсили гробЪ ево цвѣтами.

Но вы, какЪ днесь и я, Любезныя мои Потомки! не то жЪ ли самое помышляете?... Сперьва назвалЪ ево кажущимся ему весьма добрымЪ человѣкомЪ; но потомЪ имѣющихЪ сЪ нимЪ всѣхЪ союзы, терзающимЪ. БлагодѣтелемЪ именуетЪ ево и мстителемЪ. НенавидящимЪ притворства и вкупѣ злобнымЪ человѣкомЪ: не есть ли сїе ругательство не-

стерпимое! и не превосходитъ ли въ подобїи изображеннаго намъ Г. Вольтеромъ Тиранна въ его Генрїадѣ *? . . . „Тираннъ ево велитъ „служить своимъ злодѣйствамъ сокровен„нымъ, и по совершенїи того во гробъ вверг„гаетъ.„ А сей не являетъ ли сего потомству по волѣ сердца своего и добродѣтельнымъ и вкупѣ злымъ человѣкомъ? Тираннъ дѣйствуетъ съ живымъ и во власти его состоящимъ человѣкомъ; и Тираннъ Г. Вольтера вымышленной. А сей и живой, и ругается не надъ жизнїю, но надъ тлѣномъ мужа превосходящаго уже конечно ругателя въ дарованїяхъ и добродѣтели; да и потому онъ ее не имѣетъ, когда безвинно ругается мертвыми и еще ставя себѣ въ славу!

И кто не повлечетъ себя защитить память сего великаго изъ Пїитъ Героя, въ отечествѣ своемъ пороки поражавшаго?

Проснись, проснись великая душа, и зри на тебя пасквилы изходящїя! . . .

Востань и изреки, что прежде ты вѣщалъ,
Когда ты намъ въ сердца здѣсь истинну вмѣщалъ!
Я слышу гласъ его! зрю тѣнь ево стенящу . . .!
И горести свои отечеству гласящу.

* Пѣснь IV.

Отъ гроба возстеналъ, ко граду вопїетъ:
„Нещастливяй людей, меня знать въ свѣтѣ нѣтъ!
„За добродѣтель мнѣ, сїя ли ахъ! . . . награда?
„Дабы престольный градъ, гдѣ царствуетъ Паллада,
„Петрополь бы стерпѣлъ низрекшу мнѣ, хулу:
„И мертва на меня сплесть адску далъ, хвалу! . .
„За трудъ мой, былъ я мертвъ; былъ разъ злодѣямъ жертва:
„Вторично вы меня . . . О! Россы . . зрите мертва.

И такъ, когда мы любимъ наше отечество, и естьли подлинно мы оное любимъ и болѣзнуемъ о немъ: то и сїя новая внѣдряющаясь въ него зараза злословїя мертвымъ, должна ли быть потерпимою . . . ? которая опытъ свой предъ публикою безстрашно, а при томъ и надъ какимъ еще прехвальнымъ мужемъ показала, которой былъ украшенїемъ своего отечества и былъ утѣшенїемъ и тѣхъ самыхъ сердецъ, которыя нѣжностїю и просвѣщенїемъ и въ самихъ себѣ изобиловали! Двумя или тремя реченїями, чрезъ сочетанныя самою злобою буквы, память сего великаго человѣка преданная печати предъ цѣлымъ свѣтомъ является очерненною? что пользы отечеству, а тѣмъ меняе славы принести не можетъ.

Сочиненїе, которое не имѣетъ въ себѣ ни титула, ни содержанїя, не только исто-

рическаго или критическаго; но даже по взнесенїю вЪ него имяни Г. Сумарокова, совсемЪ извлекло уже себя отЪ извиненїя и самыя сатиры? кЪ чему жЪ останешся ты толь чудное творенїе, какЪ только не кЪ услажденїю творца своего вЪ его удачномЪ, но вредномЪ для отечества исполненїи? а далѣе кЪ чему? . . . можешь ты развратить мѣлкїе умы, и разплодить свой ядЪ и по всему нашему отечеству и поспѣшить кЪ отравленїю сердецЪ нѣжнаго юношества, научая ихЪ; а можетЪ быть научая приносить жертву и самой злобѣ, чтобЪ сквернить память по смерти отечества мужей знаменитыхЪ; другихЪ плодовЪ, отЪ всемирныхЪ, но при томЪ ужасныхЪ сихЪ историковЪ, конечно я, Любезныя мои Потомки и не ожидаю.

Что жЪ будутЪ правила, оставленныя намЪ симЪ великимЪ мужемЪ, кЪ нашему исправленїю? что жЪ будутЪ, и всѣ его благотворительныя кЪ пользѣ отечества патрїотическїя поученїи? которыя ничто есть, какЪ только сообразныя безсмертнымЪ начертанїямЪ ВЕЛИКІЯ ЕКАТЕРИНЫ!

И естьли уже найдено, что дѣйствїе сердецЪ человѣковЪ, злыхЪ или добрыхЪ из-

ливается на дѣлахъ ихъ; изливается и на самыхъ твореніяхъ: то на сіе опричь сего самаго привода не требуется. Не стремятся ли и малыя дѣти спознать и ученіе и жизнь божественнаго Сократа? и не бѣжитъ ли всякой возрастъ отравы рожденнаго во Флоренціи чудовища! одинъ ненавидимъ былъ въ жизни, и слушала ево, такъ сказать, малая песчинка людей: но обожаютъ по смерти ученіе ево всѣ племена земныя. Другой: былъ удивленіемъ разума и добродѣтели! даже и у тѣхъ, кто вчислялъ себя быть въ прямыхъ человѣкахъ; но проклинаемъ, и съ своимъ ученіемъ до самаго ада: но проклинаемъ тогда уже сталъ, когда преславный благодѣтель рода человѣческаго * изрылъ того орудіе, и показалъ наконецъ всему свѣту врожденную злость въ душѣ Махіавеля; а тогда и ученіе ево таковымъ показалось.

Кто насъ, Любезныя Потомки увѣряетъ въ томъ, какъ не Исторія, что Сенекины нравоученіи пахнутъ сребролюбіемъ! Сколь ни надѣлалъ сей разумной человѣкъ частыхъ, а при томъ богатыхъ и великолѣпныхъ похвалъ скудости: но преданіе впечатлѣваетъ

* Смотри Антимахіавель, сочиненія Его Величества Короля Прусскаго.

уже объ немъ навсегда, и такъ что онъ никогда не увѣритъ насъ въ непристрастїи своемъ къ богатству и собиранїю съ того злѣйшаго роста, къ ево обогащенїю; а потому нравоученїи ево и не удивительно, что естьли и по сему одному хладнокровными называются. Каково жъ сїе было бы, для благоденствїя нашего любезнаго отечества, когда бъ поученїи Г. Сумарокова, столь важны, рѣдки, сильны и естественны; могущїя образовать и даже направлять и самозлѣйшїя души ко стезямъ истинны, относить стали не къ дѣйствїю качествамъ добродѣтельнаго его сердца, а дѣйствїю злобѣ ево и мщенїю? которыхъ ему и въ мысль не приходило!

Толикое то есть предубѣжденїе въ людяхъ и ложное и справедливое, пока не объявится опытъ; а соблазнительная въ нелѣпыхъ повѣстяхъ о качествахъ нравоучителя, и единая черта о томъ преданная потомству, нанесетъ цѣлую громаду заключенїй; а можетъ быть вселяяся въ сердца произведетъ по малу и поврежденїе нравовъ.

Да хотя бъ вскорѣ сего и не послѣдовало: но восхваляя дѣла преславныхъ нашихъ Героевъ, рожденныхъ намъ Мудрою ЕКАТЕРИНОЮ,

удивившихъ и насъ и цѣлый свѣтъ своими славными дѣйствїями, каковы суть герои, а вкупѣ и великїе патрїоты отечества: О.... каковы суть хранители законовъ: Д... и многїя другїе знаменитыя люди; ибо и они не безъ завистниковъ: Не уже ли говорю я, восхваляя ихъ въ жизни, можно бъ было наимяновавъ ихъ, по смерти, а къ тому еще и всякому соплетателю повѣстей, по волѣ своей, а при томъ когда и какъ имъ угодно будетъ образовать душевныя ихъ качества смѣшавъ похваленїе съ похуленїемъ и предавать печати?... И когда чрезъ объявившейся примѣръ и о такомъ великомъ мужѣ, безвинно, добродѣтелямъ ево обидное предано: чего жъ должны, отъ зависти и мщенїя по конецъ житїя своего не ожидать, меньшїя ево достоинствомъ люди!

Служа отечеству, съ честїю и славою, до порога своего гроба! не жалѣя въ жизни своей ни трудовъ, ни старанїй, ни опытовъ горящаго своего къ нему усердїя; восходя постепенно къ честямъ и достоинствамъ, что только и есть единое добродѣтелямъ награжденїе: а то жъ самое служитъ и къ умноженїю славы и вознесенїю на самой верьхъ и самаго величїя отечества, и восходя не

лестїю или коварствомъ, или какъ бываетъ во всѣхъ вѣкахъ и народахъ, съ обидою равнаго или еще и лутчаго ему, ко умаленїю славы вождей и начальниковъ ихъ; а въ разсужденїи крайнихъ наградъ, иногда упадаетъ тѣнь отъ недостойныхъ сихъ, и на самое величество: Но проходя всегда толь тѣсными ступеньми ко храму истинныя славы, пренебрегая страхъ и всякїя опасности, вкушая наконецъ и самое отчаянїе, которое превосходитъ иногда и самую смерть: въ послѣдокъ, дерзая для отечества пренебречи и жизнь свою! чая за то, да при томъ и не иначе, какъ чтобъ неминуемо приобрѣсти въ жизни, а къ тому и до смерти соблюсть приобрѣтенную кровїю и потомъ, сїю дражайшую славу; да и въ потомство предоставить бы ее невредимую жъ. И когда ни Монаршая власть, ни самыя законы, не находили опричь должнаго за добродѣтели ихъ, въ жизни имъ воздаянїя, и никакого къ поврежденїю имяни ихъ, поношенїя не произрекали: но паче еще въ слухъ цѣлаго свѣта и отечества, за добрые качества были похваляемы и награждаемы; а по сему и не блаженными ль почитали себя таковыя герои и сподвижники добродѣтели въ жизни? и не треблаженняе ль, они и паче помышляли себя быть, когда оставляли по себѣ

вѣчную славу и доброе свое имя, по смерти? Но какъ обманулися бы они, Любезныя мои Потомки, когда бъ воскреснувши изъ гробовъ своихъ, нашли о себѣ, вмѣсто ожидаемыхъ истинныхъ похвалъ, во мзду безконечныхъ и неоцѣненныхъ отечеству заслугъ своихъ, преданныя тисненїемъ въ потомство единый только смрадъ и нестерпимое зловонїе человѣчеству! А тогда, и не возгласили ль бы, они сего, пришедъ во изумленїе: Не разрушается ли просвѣщенїе? . . . и не ликуетъ ли уже невѣжество! Но что я говорю: Пришли бъ во изумленїе; они ужаснулися бы и изступилися разума, когда бъ спознали что столь малое, а можетъ быть, въ жизни ихъ! . . . едва и узрѣваемое ими, животное? . . . можетъ по смерти угрызать, да еще и въ самую нѣжную сїю имъ цѣль славы и непорочности! О! когда бъ все сїе еще при томъ и неотвратимо? колико бы уменьшилося къ достиженїю сего къ славѣ воздымающаго ихъ любочестїя; и сколько бы охладѣло и въ насъ похвальнаго ревенїя къ добродѣтели!

Такимъ возможнымъ усердїемъ моему способомъ, изъявивъ кратко, о предвидѣнныхъ мною, дерзскаго ругательства плодахъ, приносящихъ силою своихъ отравъ, неизлѣчимое

нравамъ поврежденїе, осталось мнѣ Любезныя Потомки повторить предъ вами; и сїе только единое; что отличившїяся дарованїями и заслугами къ своему отечеству, мужи, не поруганїя по смерти, но воздаянїя достойны! владычествующее жъ въ душѣ моей, о великости духа его замѣчанїе, есть то: разумъ, сего великаго человѣка всегда соотвѣтствующїй движенїямъ искренней ево души, стремился: воздымать добродѣтель! и кажется: нѣтъ мысли въ нравоучительныхъ ево поученїяхъ, гдѣ бъ онъ не открывалъ намъ чистосердечно своего намѣренїя; разверзая, такъ сказать, искуствомъ пера своего, сердца наши, ко влїянїю въ нихъ Нектара своего благоразумїя? А по сему и нравъ ево, не иначе какъ по чувствительности сердца ево и соразмѣрять возможно. Не найдемъ мы ево нигдѣ, чтобъ онъ подобно змїю, скрывался здѣсь когда, подъ нѣжными цвѣтами.

Но естьли бъ и сїе къ чему послужить могло! дабы возведя ево во сравненїе достоинствъ, заслугъ, и усердїя и неколебимой вѣрности истинныхъ сыновъ отечества; возвести бъ и ко знаменитости родовъ древностїю и отличными знаками честей отличающихся: когда бъ слѣдовало, и къ тому воз-

вести ево? ибо и самъ онъ объ томъ въ жизни своей, едва, вспоминалъ ли къ намъ: зная, и научая насъ, что украшенїе родовъ, есть каждаго и въ особливости, лишъ собственныя наши достоинствы. Но и въ томъ, Любезныя Потомки! не представилъ бы онъ себя, предъ васъ, ни въ чемъ недостаточна. * А по таковымъ ево высокимъ и неоцѣненнымъ талантамъ, просвѣщенїю и знаменитости рода: кто можетъ изъ благоразсудныхъ, честныхъ и безпристрастныхъ людей не помѣстить ево въ число первыхъ отечества членовъ? . . . Сего, славою облиставшаго дражайшее наше отечество, мужа! котораго мы, осмѣлюсь я сказать: со дней, водимаго мудростїю ПЕТРА, чудною судьбою, едва да и единаго его въ отечествѣ видѣли.

---

* Родитель ево Петръ Панкратьевичь Сумароковъ имѣлъ чинъ Генерала Поручика и былъ разныхъ Орденовъ Кавалеръ.

Ближнїй ево родственникъ, Петръ Спиридоновичь Сумароковъ, Оберъ Шталмейстеръ, Сенаторъ, Дѣйствительный Камергеръ и разныхъ Орденовъ Кавалеръ.

Родъ Сумароковъ древностїю и происхожденїемъ не уступаетъ . . . но сїе препоручаю я Г. Геральдикамъ.

Въ цвѣтущей юности, ощутить въ себѣ толикую обширность разума, * силы и надѣяніе духа, чтобъ увѣрить себя, превозмощи всѣ трудности; пройтить сквозь миракъ безо всякаго препровожденія, и достичь въ жилище музъ. Нравится имъ, всеминутно; бесѣдовать съ ними и доказать имъ вкусъ свой, и себя любви достойнымъ: обнадежить ихъ и наконецъ, увѣривъ ихъ милостивымъ покровительствомъ щедрыя, и превосшедшія кротостію, всѣхъ земныхъ Царей, Божественныя ЕЛИСАВЕТЫ! съ верховъ, неприступныя высоты Парнаса, безо всякаго отечеству утыдѣнія; но паче при похвалѣ цѣлаго свѣта, низвесть и водворить ихъ торжественно въ жилище основанное ПЕТРОМЪ? не есть ли сїе великое и преславное, рукъ дѣло ево, а при томъ и въ столь краткое время усовершенствованное имъ: которое ни въ чемъ не уступаетъ славнѣйшимъ отъ многихъ вѣковъ въ Европѣ заведеніямъ; не есть ли достойнымъ быть къ постановленію объ немъ,

* Г. Сумароковъ, еще въ шлях. кадетск. корп. будучи кадетомъ, зачалъ писать; но и тогда ево стихотвореніе, таково было, какого въ чистотѣ нашего языка, и въ плавкости стопосложенія здѣсь не бывало.

здѣсь славныя Епохи? а воскуривЪ, предЪ возлюбленною своею Мельпоменою, на созижденномЪ для музЪ ево рукою жертвенникѣ, благоуханіе отЪ предражайшаго Мирра: ясно уже всему умному свѣту открылось, что до времянЪ Великаго Государя, ни обиталищь у насЪ наукамЪ; а до преславнаго державствованія, Премудрой Ево Дщери, сіи сдружившіяся сЪ нимЪ, чистые музы вЪ отечество наше, низводимы, ни кѣмЪ не бывали? Но сія слава ему предоставлена была, Минервою и АполлономЪ.

Являются, РассинЪ: Боало, МоліерЪ и нѣжная Саффо на колесницѣ прилетаетЪ. Де ла ФонтенЪ сЪ радостію уступаетЪ ему свои Лавры, и МалгербЪ раздѣляется для него сЪ собою: СофоклЪ, и ЕврипидЪ, во изумленіи зрятЪ себя воскреснувшихЪ вЪ нимЪ на брегахЪ Сѣвернаго Едема? Бароны, Лекены, Лекувреры, Госейны, всѣ рождаются отЪ ево вкуса! и храмЪ Богини отверзается устланный цвѣтами Греціи и украшается имЪ ЛавромЪ и Пальмою. ЗаритЪ Россійскаго Парнаса лучь; заритЪ по всему отечеству, и уже ударяется блескЪ ево кЪ чести нашего вѣка, и славѣ Государей нашихЪ, по всей подсолнечной? ВольтерЪ, преславный сей ВольтерЪ не за долго

предъ кончиною своею, почтилъ мнѣнїи єво о предразсудкахъ неистовыхъ драмматическихъ сочиненїй искреннимъ своимъ письмомъ: свидѣтельствуя; или лутче сказать запечатлѣвая въ немъ вкусъ ево и славу. Не тщетно ты, дражайшїй Сумароковъ, нѣкогда и самъ сїе произрекъ: „Пологїй Невскїй „брегъ, сталъ здѣсь горою Геликономъ! . . „ тогда лишъ, прямо вы, о! Невскїя струи: тогда лишъ вы смѣсилися съ потоками Ипокрены? тогда, во дни ЕЛИСАВЕТЫ, тогда лишъ въ первыя явился здѣсь у насъ въ Россїи вѣкъ златой! тогда и грубое невѣжество ко гласу лирному неволею вспрянуло: подобно лѣсъ, иль звѣри шли послушать въ немъ Орфея? . . . . Простите мнѣ сїе въ малѣ сдѣланное отступленїе для страсти моей къ Поезїи.

Вступаетъ имъ, Синавъ: но показался какъ? что и славящаяся престольнымъ обиталищемъ музъ Францїя, пришла въ восторгъ и удивленїе! и рукоплещутъ ему отколь не за характеръ одинъ явившихъ имъ Героевъ: но за прекрасное ево для насъ нравоученїе; за ополченїе ево противъ терзавшихъ отечество наше ненавистныхъ пороковъ. И точно въ слѣдующихъ словахъ журналъ чужестран-

ныхЪ объясняется: * „Должно благодарить „автору, что онЪ при семЪ случаѣ толь храбро ополчился противЪ неправды и свирѣпости, пороковЪ ненавистныхЪ и далѣе по „семЪ: — И такЪ Г. СумароковЪ не можетЪ „довольно вооружиться противЪ сихЪ пороковЪ. — Проповѣдовать Россіи правосудіе „и человѣколюбіе ничто иное есть, какЪ вспомоществовать Всеавгустѣйшему примѣру, „которой она имѣетЪ отЪ владѣющей нынѣ „Государыни и для того должно здѣсь слушать автора, а не Князя Трувора. — И наконецЪ отзывается Францiя сими словами: „по крайней мѣрѣ, таковый плодЪ отечеству „стихотворца славу принесетЪ, какЪ произведшему на свѣтЪ такого стихотворца, „которой живымЪ примѣромЪ показываетЪ „о успѣхахЪ наукЪ введенныхЪ ПЕТРОМЪ „ВЕЛИКИМЪ, и процвѣтающихЪ подЪ покровительствомЪ Августѣйшей ЕГО Дщери.„

ВозблисталЪ при Невѣ; и слава ево усрѣтаетЪ даже отЪ Сейны? . . . Лейбцигское ученое собранiе удостоиваетЪ его своимЪ членомЪ. Францiя и Германiя! о, коль умѣете вы цѣнить дарованiи?

---

* Смотри вЪ журналѣ 1755 года стр. 114. напечатано вЪ Парижѣ.

Не для чего мнѣ о томъ воспоминать; Любезныя Потомки, сколь долго къ намъ и отъ какихъ временъ ожидаемы были науки въ Государство? Не много еще и сему времяни прошло, какъ славный оный Фонтенель, въ похвальномъ своемъ словѣ, * изъявляя величïе ВЕЛИКАГО ПЕТРА, попрекалъ насъ, что до временъ Петровыхъ словесныхъ наукъ у насъ не бывало? примѣтно то ево замѣчанïе: предано оно здѣсь печати, ко утвержденïю истинны. Давно ль и самъ безсмертный Государь, среди своихъ побѣдъ, ко подданнымъ своимъ, здѣсь тако объяснялся: ** „Странствованïе Наукъ, говорилъ ОНЪ въ „рѣчи своей, уподобляется теченïю крови. „Надѣюсь я, продолжалъ, что оставятъ на„уки нѣкогда Германïю, Францïю и Англïю, „и чрезъ нѣкоторое время у насъ пребудутъ; „чтобъ по семъ паки въ Грецïю, древнее ихъ „отечество возвратиться.„ Ожидалъ ихъ къ себѣ Премудрый Государь, и не обманулся. Но долго показалося Ему, и медлѣнно они

---

* См. слово похвальное Государю ПЕТРУ I. говоренное въ достоинствѣ члена Парижской Академïи Наукъ въ 1725.

** Читай въ жизни Государя ПЕТРА ВЕЛИКАГО, часть II, бытïе 1714 года.

идутъ: не преминулъ, и самъ нѣкогда для нихъ, оставя Скипетръ; путешествовать? Вельможи слушали сїю рѣчь; но слушали тогда съ сожалѣнїемъ, любя болѣе древнїя свои обычаи, нежели желая славы своему Монарху. А младыя ЕВО Герои, подобныя вамъ Любезныя Потомки! тронуты ею были такъ, что не могли отъ слезъ воздержаться? и сїе намъ не только ЕВО Исторїя, но и память очевиднаго еще объ немъ бытїя повѣствуетъ. И да пребудетъ слава ЕГО, дотоль, доколѣ твердь небесная не разрушится! . . . . Кто бъ не восхотѣлъ усладить зрѣнїемъ душу свою видя восходящее солнце, распростирающее лучезарные свои стрѣлы, по лицу земному? Возлюбили и вельможи науки: и ПЕТРЪ простеръ на нихъ Свое сїянїе.

Въ коликомъ ты былъ восхищенїи безцѣнный Сумароковъ! когда, въ жизни ты сей, нѣкогда, произрекая слово твое, на прославленїе сего Премудраго Государя; и сїи твои, медоточные объ немъ, изъ устъ твоихъ слова произносилъ? которыя сердцамъ, въ вѣрноподданныхъ, прїятняе сто кратъ еще, нежели какъ то намъ повѣствуютъ о божественномъ Несторѣ; изъ котораго устъ, проистекалъ гласъ ево, прїятняе меда.

„Ежели забудемъ Тебя ПЕТРЪ Великїй; „забвенна буди предъ Господомъ десница на„ша! ежели не воспомянемъ Тебя вѣщая о бла„гополучїи отечества; прильпни языкъ нашъ „гортани нашей? сїе мѣсто, гдѣ въ Петро„полѣ науки возрастаютъ; и сїе почтенное „мѣсто Тобою основано . . . !„

Пришли науки: водворилися: и обитаютъ. И теперь остается намъ, Любезныя Потомки, чево желать? . . . . желать сего только единаго: доколѣ они здѣсь, премудрою и достойною, преемницею, отца отечества, просвѣщенною ЕКАТЕРИНОЮ, мужественною, и благодѣяньми къ намъ преисполненною: десницею ЕЯ, здѣсь сїи науки покрываются: и доколь они по словамъ обожаемаго и по смерти нами Монарха, въ древнее ихъ отечество, и не разсадивъ можетъ быть еще многихъ у насъ драгоцѣнныхъ своихъ сѣмянъ, безъ произращенїя совершенныхъ плодовъ своихъ, не отлетѣли: въ сїе время къ нимъ столь блистательное! постаратся къ нимъ Любезныя Потомки прибѣгать; и посвящая имъ наши сердца и услуги, ко удержанїю ихъ прилагать общїя силы. Быстрой они имѣютъ полетъ! . . . Но можно и ихъ, поудержать? Можно; но только тѣмъ: когда возлюбимъ ихъ; то

и да сохранимъ уже навсегда къ нимъ наше почтенïе. Славолюбивы они; и безмѣрно чувствительны. Охраняйте ихъ, колико возможно отъ пресмыкающихъ на нихъ гадовъ: которыми преисполнены и со избыткомъ всѣ земли и моря? . . а Музъ не много? *.

Любите отечество; умирайте за отечество! и сïе твое жъ, о! великïй мужъ, произреченïе? . . . Видѣли мы здѣсь и Мецената: и во многихъ ихъ видимъ; но въ предь, и больше ихъ, увидѣть надѣемся. Любите отечество? . . То жъ кажется самое, какъ бы сказать, любите въ немъ, и честностïю людей преисполненныхъ.

Ежели бы, въ любимцахъ музъ; но я говорю объ тѣхъ, которыя прямо достойны были священнаго сего имяни, въ жизни своей: ежели бы не было въ нихъ, сего сладчайшаго, и возженнаго со дней познанïя ихъ, о самихъ себѣ упованïя; сей оживотворяющей ихъ, надежды, и которою по справедливости, чувствуя они въ себѣ даръ, небесъ, въ жизни своей безо всякаго надыманïя, и ласкать себя въ томъ, не только имѣли право; но и воз-

* Здѣсь приняты всѣ науки и художества.

буждаемы они снисхожденїемъ на нихъ, или короче сказать присутствомъ въ нихъ неложнаго и пресвѣтлаго божества. Цицеронъ! . . . тебя единаго, довольно воспомянуть, и когда ты говорилъ слово твое за Архїя: приводя къ тому ты изреченїе священнаго Еннїя? Упованїе сїе, въ нихъ суть, безсмертїе; и торжество надъ смертїю!

Щастливъ бы былъ въ нихъ тотъ, и треблаженъ, котораго бъ изъ нихъ покой не нарушала здѣсь зависть, и обременяющее сферу земную невѣжество? но естьли бъ не было въ свѣтѣ невѣжества; не было бъ и сатиры; и сего избѣжать не возможно. Нападенїе злобы, умножаетъ славу сочинителеву? и лутче бъ не творити зла, нежели язвить порицателя; которой для меня быть можетъ, да и по мнѣнїю многихъ, другъ совершенный!

Не справедливо то, Любезныя Потомки, и вопль сей есть самыя зависти и лютѣйшихъ пороковъ: будто бы поражающїй ихъ, самъ себя добровольно лишаетъ въ мирѣ семъ сладкаго успокоенїя? но своею ли онъ, волею, дѣйствуетъ? или не долженъ быть уже и никто добродѣтельнымъ? но добродѣтель та, не совершенно ль превышаетъ человѣчество,

когда находитЪ она свои награды, во самой себѣ; а дѣйствуетЪ какЪ говоритЪ сїе одинЪ изЪ мудрыхЪ человѣковЪ: * дѣйствуетЪ сама по себѣ великодушно, и независящая отЪ законовЪ.

Произречь бы довольно вопїютЪ, единый только разЪ: хотя бЪ пїитамЪ то уставы позволяли; хотя побуждала бЪ ихЪ кЪ тому святая истинна, хотя бЪ услаждалися тѣмЪ, и сами, законоположители, услаждалися бы тѣмЪ помазанники Божїи! которыя вЪ порученномЪ имЪ отЪ Бога стадѣ, водворяти всечасно мирЪ и спокойствїе, только желаютЪ: искореняли бЪ зло, и предупреждали бЪ вЪ составляющихЪ оное? О! достойный гласЪ бурливаго невѣжества, или паче достойный самаго ада! . . . Иль мнишЪ ты потушить симЪ ревомЪ твоимЪ, вЪ душахЪ ихЪ пламень, пожигающїй не наружность вЪ васЪ, только единую; но касаясь не рѣдко даже во внутрь испорченныхЪ сердецЪ, и душЪ вЪ васЪ злочестивыхЪ! ВоспламененныхЪ ихЪ,

---

* Смотри разсужденїе о добродѣтеляхЪ и награжденїяхЪ, переведено оно Ѳ. Г. КаринымЪ: и напечатано вЪ 1769 году.

божественнымъ симъ даромъ, знайте! никакое нападенїе въ прямыхъ любимцахъ музъ, отвратить того еще отъ начала, бытїя мира не возмогало? . . . Хотя бъ претерпѣть имъ всѣ напасти, и изнуреннымъ бы имъ стать, лишенну бъ стать, всего своего стяжанїя; но они съ честїю живя, не устыдятся, богатствомъ своимъ сравниться съ Аристидомъ и знаменитыми Римлянами, Публиколою и Агриппою? Но хотя бъ и такъ имъ умереть случилось, какъ Сократу: Могутъ! и воспоминанїе объ нихъ чрезъ множество вѣковъ, Любезныя мои Потомки, изъ глазъ добродѣтели, лишъ только слезы исторгаютъ.

Въ комъ таковое было терпѣнїе за любовь ко отечеству, за ненависть къ порокамъ и за установленїе прекраснѣйшей Поезїи Русскаго слова: каковое испыталъ, въ жизни своей, несравненный Сумароковъ? Испыталъ ты надъ собою, все! изреченное мною: божественный Пїитъ! . . . кромѣ кончины Сократовой. Вы прозрите изъ ево слезъ Любезныя мои Потомки; все снѣдающее жизнь ево, и сокрушающее въ нимъ сердце ево? . . . Но, всегда вы ево узрите покровенна Егидомъ Аѳины, всегда шествующа, между твор-

цовъ, подобно Алкиду, проходящаго дебри Поезїи! вы узрите ево вездѣ попирающаго стоящїя ему прямо по пути кремнистыя горы.

По истиннѣ, не льзя не повторить сказаннаго въ письмѣ однимъ изъ соотечественниковъ нашихъ, къ славѣ Г. Сумарокова, и къ незыблемой чести сочинителя того письма; сего, сказаннаго имъ изреченїя: „При которомъ бы изъ всѣхъ своихъ творенїй, сей великїй мужъ не остался, то каждымъ бы изъ „оныхъ могъ себѣ приобрѣсти безсмертїе!

Пройдемъ Любезныя мои Потомки прекрасныя мысли ево о благополучїи отечества, о возбужденїи добродѣтели, вѣрности и повиновенїя къ своимъ Монархамъ безъ лицемѣрїя, и о почтенїй самаго Бога безъ суевѣрїя: пройдемъ, и коснемся ко омерзенїю имъ въ сердцахъ человѣческихъ адскїя злобы, варварства, лжи, лести, коварства, зависти, клеветъ звѣрства гордости и неблагодарности . . . . О! несравненныя тобой оставленныя намъ великїй мужъ ко просвѣщенїю невѣжества поученїи; и ни съ чемъ несравнительныя, труды твои! ко нискошенїю дре-

вняго и самозлѣйшаго вЪ отечествѣ порока: самой Минервой здѣсь, торжественно поражаемаго! храмы Θемиды оскверняющаго? сражаясь, сЪ сими гнусными идолами, низлагаемыми отЪ тебя, тяжчайшими пера пораженіями, по самой часЪ кончины твоея; во все теченіе дней твоихЪ! ты: которой соотвѣтствовалЪ вЪ томЪ перьвой, желаніямЪ Премудраго Государя, кЪ благоденствію народну при Его Великой Дщери и омерзилЪ Лихоимство?... и, воскрилясь по семЪ, дѣйствіемЪ и самыя мудрости, потекЪ ты вЪ слѣдЪ БожественнымЪ начертаніямЪ ВЕЛИКІЯ ЕКАТЕРИНЫ: которой духЪ воспарилЪ, вЪ твой вѣкЪ, вЪ предѣлы, поднебесныя! ты былЪ виновникЪ самЪ, прехвальному твоему обреченію и принесенію вЪ жертву самаго себя, ненависти и злодѣянію! для просвѣщенія отечества, сокращая дни свои, дражайшій нашЪ, ПатріотЪ? не примѣтною и сладкою тебѣ отравою, возлюбленною тобой толь строгою добродѣтелію? . . . А вы! дражайшія Музы, были усиліемЪ ево толь стройной Поезіи. Колико вознесенную имѣлЪ онЪ душу?... Колико геройское имѣлЪ онЪ сердце, посвящая дни свои всегдашнему нравоученію.

Позвольте мнѣ, Дражайшія мои Потомки, видя васъ воспламеняющихся истиннымъ жаромъ благодарности къ толико рѣдкимъ дарованіямъ сего вашего отличнаго предка, и мнѣ, восплескать ему съ вами и приобщить себя вашему восхищенію.

И и

Въ отвѣтъ ко мнѣ на Апологїю отъ Его Преосвященства.

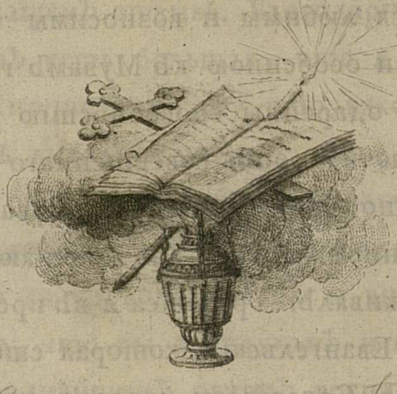
М. Г.!

Я получилъ сочиненїе ваше при лестномъ для меня вашемъ отзывѣ. Благодарность моя за сїе тѣмъ есть большая, что я вамъ незнакомъ; а по тому и сужу, что, какое имѣете вы обо мнѣ выгодное мнѣнїе. Оное происходитъ, не отъ инаго чего, какъ отъ вашего чистаго и добросердечнаго расположенїя. Изъ всего того со удовольствїемъ и видѣлъ я и разсуждалъ, что вы къ наукамъ и просвѣщенїю благороднѣйшимъ огнемъ воспаленны; а по тому и сами удостоились взойти во свѣтилище наукъ, и оныхъ таинствами быть озаренны. Сего плодомъ почитаю я, что вамъ сочиненїи Г. Сумарокова и вкусъ сладостенъ, и самаго сочинителя память кажется быть достойною чтобъ всякое перо

ни чѣмъ оной не касалось, какъ токмо хвалою и возвышенїемъ. Нѣтъ сумнѣнїя, что многїя сочиненїя Г. Сумарокова въ литературѣ стихотворческой достойны похвалы; и хотя бъ кто въ ево нравахъ и примѣчалъ какїе недостатки (: какъ сїе есть обще всѣмъ смертнымъ :) однако тѣмъ не меньше сочиненїя его навсегда останутся любимы и возносимы отъ всѣхъ тѣхъ, кои особенною къ Музамъ горятъ любовїю, и одаренны способностїю различать недостаточное отъ совершеннаго во своемъ родѣ. Что надлежитъ до выхваленїй мнѣ вами приписываемыхъ, не признаю, чтобъ я то заслуживалъ. Трудился я въ проповѣданїи истинны Евангельскїя, которая столько превосходитъ Сократову сколько небо землю; но ежели въ томъ былъ какой успѣхъ, приписываю то благодати Божїей вся во всѣхъ дѣйствующей. Могу однако похвалиться, что люблю науки и просвѣщенныхъ оными, въ числѣ коихъ, достодолжно почитая васъ, желаю и молю, да отецъ свѣтовъ паче и паче свѣ-

тильникъ вашъ просвѣщаетъ, и препосылая вамъ благословенїе Божїе съ моимъ искреннимъ почтенїемъ пребуду. и пр.

Смиренный Платонъ
Митрополитъ Московскїй.



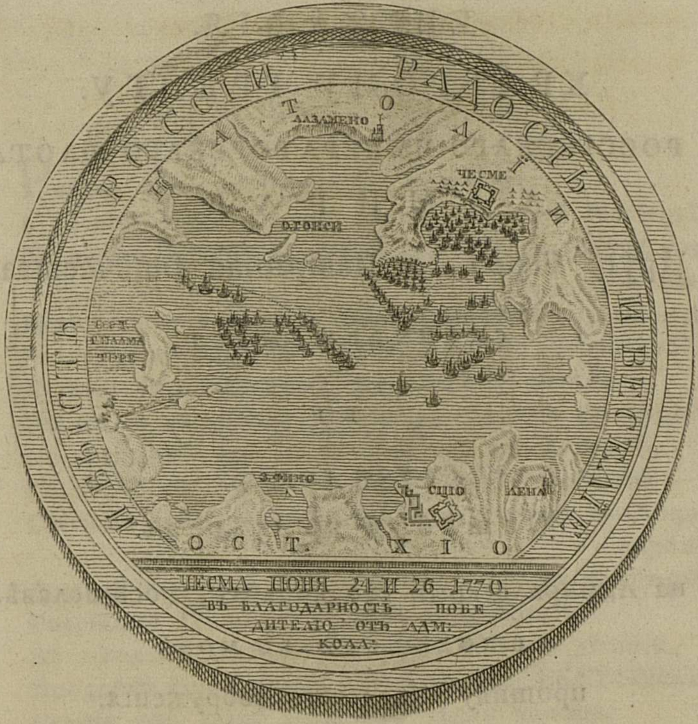
Августа 14 дня
1788 года.

Scorodomoff sc.

Отъ куда ты ко мнѣ медаль въ свой рядъ приходишъ:
И Музу сельскую въ трудахъ теперь находишъ.
Я слышу твой отвѣтъ,
Орловъ тебя ко мнѣ своимъ усердьемъ шлетъ:
Герой въ тебѣ блистаетъ:
Орловъ ко Чесмѣ флотъ чтобъ сжечь тотъ под-
летаетъ,

Но ето МузЪ игра, а тамЪ весь флотЪ горитЪ.
И славу дѣлЪ ево подсолнечная зритЪ.
ЕКАТЕРИНИНЪ громЪ гремитЪ - - - !
Героя вижу я отважный видЪ.
И имя тамЪ ЕЕ противныхЪ устрашаетЪ:
Которое главу Иройску украшаетЪ!
ВЪ трудахЪ и подвигахЪ ОрловЪ необоримЪ;
И сынЪ отечества, прямой, повсюду зримЪ.
Ево и лаврЪ главы! лишЪ потомЪ орошенный?
Не тщетно имянемЪ онЪ вождя украшенный - - -
БлистаетЪ и паритЪ!
И что обЪ немЪ вЪ сей часЪ мнѣ Клїо говоритЪ.
ОрловыхЪ слава!
Дотолѣ не падетЪ,
Доколь пребудетЪ свѣтЪ.
Доколѣ будетЪ цвѣсть Росссїйская держава.
ДругихЪ ОрловыхЪ нѣтЪ.
ИзЪ устЪ сїи слова прекрасная ведетЪ - - !

(*)



(*) Сія знаменитая медаль поднесена была Его Сіятельству Графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, въ благодарность, отъ Государственной Адмиралтейской Коллегіи, за истребленіе имъ страшнаго Турецкаго флота при Чесмѣ: въ слѣдующій годъ, какъ на сей медалѣ изображено. И таковую жъ я имѣлъ удовольствіе отъ рукъ самаго Героя и побѣдителя Орлова Чесменскаго, получить себѣ въ даръ 1789.

ЕПИТАФІЯ.

ХРАБРОМУ ГРЕЙГУ.

РОССІЙСКАГО ИМПЕРАТОРСКАГО ФЛОТА

АДМИРАЛУ,

Другу Героя, и Патріота Отечества.

скончавшемуся,

въ

1788 году,

Октября въ 15 день.

на Адмиральскомъ ево кораблѣ, Ростиславѣ.

стоявшемъ въ морѣ

противу Шведскаго вооруженія.

* * *

Спи Греигъ! .. спи: въ моряхъ скончался?
Какъ лавромъ дружбой вновь по смерти увѣнчался!
Орловъ твой нѣжный другъ, къ тебѣ здѣсь, все явилъ?
Сколь много онъ тебя, во жизни сей, любилъ? —
И облиставъ твой прахъ! твой, вождь, Чесменской славой:
Хвалимъ! тебя хваля, Россійской всей державой!

СТИХИ.

на четыре Естампа.

Расина вижу я! Корнелія, Вольтера:
А съ ними зракъ паритъ, зрю, быстрый Моліера!
Въ честь Франціи Парнассъ, Пиндъ, къ солнцу вознеслись!
Невѣжество отъ нихъ съ тиранствомъ потряслись.
Вольтера ль описать: нѣтъ, тщетно предпріемлю:
Я гласъ божественный ево повсюду внемлю.
Расина ль воскресить! возможно ль мнѣ стихомъ:
Не восходилъ еще ни кто на сей здѣсь холмъ,
На космъ сѣверный Корнель, ставъ Моліеромъ;
Ступалъ своей ногой? — имъ въ Россахъ былъ примѣромъ.
Де ла Фонтеновъ кто весь огнь въ себя вмѣстилъ,
Россійскій Геликонъ вознесъ и освѣтилъ?
Въ тѣняхъ! подъ лаврами: гдѣ Невскія долины,
Процвѣлъ игрой своей, здѣсь въ дни, ЕКАТЕРИНЫ.
Сугубу имъ хвалу достойно вѣчно плесть.
Но ихъ и свѣтъ почтилъ, имъ мудрость даетъ честь.

НА РАСТАВАНІЕ

съ книгою.

ЕЛЕГІЯ

XXIV.

Ахъ книга? ты меня оставить предпрїяла:
Ты вздумала итти на свѣтъ; мнѣ грусть влїяла.
Составы всѣ мои трепещутъ! жизни нѣтъ!
Поди; коль вздумала уже итти на свѣтъ.
Мракъ, нощи! знать тебѣ, въ моихъ стѣнахъ наскучилъ:
А блескъ драгихъ огней твоимъ очамъ прискучилъ.
Я шесть, и три свѣщи! сугубо возжигалъ.
Ученїе мужей безсмертныхъ постигалъ.
Дарами сладкаго Назона насыщался!
Проперцїемъ плѣнясь, Тибуломъ восхищался.
Виргилїю во слѣдъ, не можно зрѣлъ вступить;
Гомеромъ никогда и вѣчно мнѣ не быть.
Горацїемъ дышать, возможно ли польститься?
Д'Еспро и Лафонтенъ, велятъ, неволей рдится.
Я самъ себя корилъ! но страсть меня ввела
И Муза мнѣ игру любовную сплела.
Увы вошелъ я въ страсть! Я лиру въявъ настроилъ;
Еротъ меня въ мой вѣкъ, вниманья удостоилъ?
Предъ сильнымъ богомъ симъ; порочно ли играть?
Я должностью почелъ природѣ долгъ отдать.

Воспѣлъ Ерота я? Еротъ меня сильнѣе;
Имъ Муза для меня быть кажется плавнѣе.
Увы сказалъ я разъ! я самъ себя гублю;
Вздыхаючи по той ково поднесь люблю.
Воспѣлъ Ерота я? чего бъ желать мнѣ болѣ:
Цитеры на поляхъ не разъ былъ въ ратномъ полѣ:
Я сладка бога тамъ, самъ знамя водрузилъ;
Еротъ межъ тѣмъ сердца любовныя разилъ.
Не все? хоть все я зрѣлъ! чемъ мой таланъ ни льстился:
Въ Поезїю еще еще я вновь пустился.
Принудилъ я себя къ сатирѣ стрѣлу взять,
Чтобъ общества враговъ колико льзя карать.
Разилъ! и тѣхъ стрѣлой; мнѣ ихъ разити въ волѣ:
Въ угодность Матери сѣдящей на престолѣ.
Хоть вѣчно ихъ не льзя сатирой одолѣть;
Но могутъ ли они почтенїе имѣть.
Злодѣи скаредны, въ очахъ боговъ и мерзски:
Я оныхъ описалъ колико къ взяткамъ дерзски.
Какъ правосудїе нескрытно продаютъ;
И съ злобою какъ вдругъ съ невинныхъ кожи рвутъ.
Тамъ алчный какъ судья вѣявъ сѣти соплетаетъ:
А правосудїе во цвѣтѣ обитаетъ.
Въ державство я Ея Той судъ и правду пѣлъ:
Мнѣ мнился Аполлонъ, писати такъ велѣлъ.
Злодѣи мерзостны! а суевѣры гнусны? . .
Кащеевъ гнусный плодъ конечно мнѣ невкусный.
И ближнїй ужъ отъ нихъ и кровный прочь бѣжитъ:
Мнѣ кажется отъ нихъ сама земля дрожитъ.
Рожденный для наукъ тѣснимъ кто унываетъ:

Богиню мудрости къ защитѣ призываетъ.
О книга! меркнетъ ужъ въ глазахъ тебя зря свѣтъ:
Вмѣщаешъ ты въ себѣ премножество суетъ.
И съ пламенемъ себя и съ правдой ты мѣшаешъ:
Родившаго тебя хвалой, хулой вѣнчаешъ.
Но добродѣтели потребенъ строгїй судъ!
Будь ценсоръ Тарпа мнѣ; а не иной кто будь.

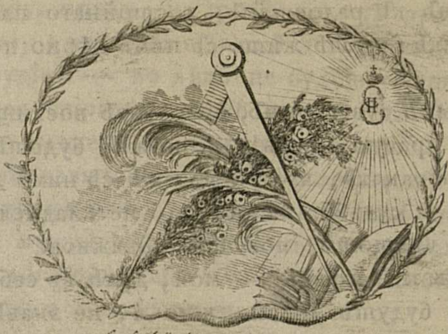
Неправосудїе конечно огорчаешъ;
Заиловъ множество; ты ихъ полки срѣтаешъ.
Но не згрызутъ тебя: о книга! въявъ поди:
Когда умру, приди, на гробъ ко мнѣ приди?
Коль пользу я явилъ въ стихахъ достойныхъ жертвы;
И правосудїю? — во вѣкъ не будутъ мертвы.
Снѣдающая страсть умовъ не повредитъ,
Еротъ во пламени ко каждому летитъ.
Въ сатирѣ извинясь я могъ ее оставить:
Порочныхъ не хваля, достойныхъ какъ не славить.
Хвалилъ, мужей и женъ! не ради я сребра:
Хвалилъ достойнѣйшихъ - - - Итти тебѣ, пора.
Неудержимую здержати не возможно;
А что я чувствую, не вымолвить не можно.
Хвалю ли я себя! иль милости прошу?
Или труды мои, кому я подношу.
Тотъ мудръ и Меценатъ ково фортуна славитъ;
Почтенье онъ себѣ отъ протчихъ Музъ добавитъ.

Какая темна нощь! какой, густѣйшїй мракъ,
Связуютъ члены вдругъ! . . не движится мой зракъ.
Перомъ рука водить, ослабла, леденѣетъ:

Паритъ на волю духъ, паритъ онъ, и хладѣетъ.
О! книга: внятно ль ужъ стенанье здѣсь мое;
Но не премѣнишъ ты намѣренье твое..!

Подобно какъ отецъ о дщери возрыдаетъ!
Когда любезну дщерь, ко браку провождаетъ:
Сугубя мысль свою! сугубивъ стонъ речетъ:
А изъ очей ево, токъ горькихъ слезъ течетъ.
Въ послѣднїй говоритъ; дщерь, нѣжну! призываю...
Въ послѣднїя тебя объемля лобызаю.
Всегда была мой свѣтъ! — достойна ты меня;
Днесь идешъ къ радостямъ: достойнаго плѣня.
Въ чертогахъ будешъ жить съ нимъ вѣрно позлащенныхъ;
Съ любовнымъ чувствїемъ, супруговъ восхищенныхъ!
Лишъ мнѣ драгую дщерь!. не можно будетъ зрѣть,
Во тѣхъ странахъ, куды пылаешъ съ нимъ летѣть?
На щастье и судьбу, на вѣтры, не кладися:
Дїянны въ чистотѣ, повсюду покажися.
Яви что ты мнѣ дщерь! — мой, духъ въ себѣ храня:
Для дщери будутъ знать, кто я, не знавъ меня.
Къ развратнымъ не всходи: сїе есть въ миръ отрава.
Худая въ обществѣ отъ злыхъ бываетъ слава.
Мой духъ печали полнъ: прощаюсь я съ тобой:
И разлучаюся, предписанной судьбой!
Не путь меня, твой путь! лишъ бракъ твой устрашаетъ!
Спокойствїя меня и крѣпости лишаетъ.

Лобзаючи ее сїи къ ней рѣчи льетъ:
И меркнетъ во устахъ ево, и гласъ и свѣтъ.

Подобно какъ корабль вдругъ волны разсѣкаетъ!
Возлюбленная дщерь, глазъ отчихъ отбѣгаетъ.
Какъ зыблится волна а пѣна вкругъ клубитъ;
Въ отцовомъ сердцѣ такъ подобно кровь кипитъ.
О! книга: днесь и я, подобно жъ возмущаюсь!
Въ послѣднія съ тобой и навсегда прощаюсь.

Конецъ перьвой части.